

Международный научно-практический
правовой журнал
„ЗАКОН И ЖИЗНЬ”

Издание аккредитовано Высшим советом
по науке и технологическому развитию
АН Молдовы.

Решение №61 от 30.04.09

Категория «С»

ISSN 1810-3081

Учредитель: Министерство
юстиции Республики Молдова

Соучредители:

Конституционный суд, Высшая судебная палата,
Министерство внутренних дел, Институт юриди-
ческих и политехнических исследований АН РМ,
Академия МВД «Штефан чел Маре», Славянский
университет, Институт прикладной криминологии
и уголовного права, Балтийская Международная
Академия, НИИ прав человека НАН Азербайджана,
Запорожский национальный университет.

Издается с января 1991 г.

№ 12 (275) 2014 г.

Главный редактор

Л. АРСЕНЕ

Редакционная коллегия

Намик Гасан оглу Алиев, доктор хабилитат
права, профессор (Баку), В. Бужор, доктор права,
А. Буриан, доктор хабилитат права, М. Георгицэ,
доктор хабилитат права, профессор, В. Гуцуляк,
доктор права, профессор, Е. Ищенко, доктор
юридических наук, профессор (Москва), И. Кайряк,
доктор права, Н. Карпов, доктор юридических наук,
профессор (Киев), Г. Костаки, доктор хабилитат
права, профессор, Т. Коломоец, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист Украины,
(Запорожье), А. Лончаков, доктор юридических
наук, профессор (Хабаровск), В. Наумов, зам.
главного редактора, Б. Сосна, доктор права, и.о.
профессора, В. Флоря, доктор права, Е. Харитонов,
доктор юридических наук, профессор, член кор.
НАПрН Украины, Заслуженный деятель науки и
техники Украины (Одесса), В. Шепитько, доктор
юридических наук, профессор, академик НАПН
Украины (Харьков).

Адрес редакции:

2012. Кишинэу, ул. Пушкина, 22

Дом печати,

телефон для справок: 373 22 23 37 90.

© Перепечатка материалов только с разрешения
издателя

E-mail: legea_zakon@mail.ru

web страницы: www.legeazakon.md

www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

- Г. КОСТАКИ, И. ЯКУБ.** Концепция и усло-
вия построения правовой государственности 4
- Б. СОСНА, И. АРСЕНИ.** Судебный приказ
как разновидность судебного постановления:
его правовая природа и сущность 9
- А. СОСНА.** Новый порядок обращения в ев-
ропейский суд по правам человека..... 15
- В. ЕРОХИН.** Отдельные аспекты обеспе-
чения защитника в контексте уголовного про-
цессуального кодекса Украины 22
- А. КАЛИНИЧЕНКО.** Упрощенное произ-
водство на основе судебного компромисса
в уголовном судопроизводстве республики
Молдова..... 27
- С. PISARENCO.** Aprecierea rapoartelor de ex-
pertiză a microobiectelor de către organul de ur-
mărire penală și de instanța de judecată..... 32
- R. MUNTEANU.** Identificarea esenței și accep-
țiunilor nihilismului juridic..... 36
- V. IONAȘCU.** Reflecții asupra obiectului infrac-
țiunii de violență în familie..... 43
- S. SECRIERU.** Locul incriminării infracțiunii
de sustragere sau extorcare a substanțelor nar-
cotice sau psihotrope în legislația penală a Re-
publicii Moldova..... 47
- С. ІВАНІЦЬКИЙ.** Міжнародні громадські
об'єднання адвокатів: правовий статус, види,
тенденції розвитку 51
- Перечень публикаций в журнале «Закон и
жизнь» за 2014 год 56

Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная

Усл. п.л. 11,75. Тираж 350.

Подписано в печать 8.12.2014.

Отпечатано SRL „Cetatea de Sus”, г. Кишинэу

КОНЦЕПЦИЯ И УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Г. КОСТАКИ,
доктор хабилитат права, профессор
И. ЯКУБ,
доктор права, Институт Криминологии

SOMMAIRE

Le concept d'„État de droit" suppose essentiellement: la reconnaissance et la garantie effective des droits fondamentaux de l'homme; la stricte subordination des autorités de l'État, de l'État aux règles de droit (nationales et internationales); la séparation de pouvoirs dans l'État; l'existence d'un contrôle réciproque entre ceux-ci. Dans la pratique, réalisation des toutes ces conditions pour la construction de l'État de droit il doive. La réalisation pratique de ces conditions contribuent à la construction d'une véritable et efficace „État de droit".

Mots-clés: droit, État, l'État de droit, la loi, la démocratie.

* * *

Понятие «правовое государство» предполагает, прежде всего: признание и гарантирование основных прав человека; строгое подчинение органов государственной власти правовым нормам (национальным и международным); разделение властей в государстве и существование взаимного контроля между ними. Практическая реализация этих условий способствует строительству реального и эффективного правового государства.

Ключевые слова: право, государство, правовое государство, закон, демократия.

Введение. *Представления о государстве как организации, осуществляющей свою деятельность на основе закона, начали формироваться уже на ранних этапах развития человеческой цивилизации. С идеей правовой государственности связывались поиски более совершенных и справедливых форм общественной жизни. Разумеется, проблема правового государства осталась актуальной и на сегодняшний день не только на уровне науки, но и в практической деятельности современных государств.*

Актуальность проблемы и практическая значимость темы связана с формированием в Республике Молдова правового государства. Условия переходного периода к новому общественному строю требуют осмысления проблем соотношения и взаимодействия нашего государства, становящегося в процессе такого перехода правовым, с одной стороны, и прав и свобод человека, с другой.

На протяжении всей истории призывы к правовому государству и процесс его формирования выступали в качестве антипода деспотии, абсолютизму, полицейскому государству. Эти идеи сохранились и активно воплощаются и в современном обществе, где правовое государство не только одна из значимых общечеловеческих ценностей, но и эффектив-

ный институт для обеспечения защиты прав и свобод личности.

Важно подчеркнуть, что теория правового государства вовсе не застывшая догма, она развивается и сегодня, постоянно наполняясь новым содержанием по мере накопления нравственных традиций и политического опыта.

Целью данной статьи является краткое изложение самых важных аспектов современной концепции правового государства, выявление признаков и основных условий становления правового государства.

Изложение основного материала исследования. Известные мыслители античности такие как Сократ, Демокрит, Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон и др., пытались выявить такие связи и взаимодействия между правом и

государственной властью, которые бы обеспечивали гармоничное функционирование общества той эпохи. Ученые древности считали, что наиболее разумна и справедлива лишь та политическая форма общежития людей, при которой закон общеобязателен как для граждан, так и для государственных органов [6, с. 380], в том числе для высокопоставленных должностных лиц.

Государственная власть, признающая право и, одновременно, ограниченная им, по мнению древних мыслителей, считается справедливой государственностью [6, с. 380]. „Там, где отсутствует власть закона, – писал Аристотель, – нет места ни какой-либо форме государственного строя" [1, с. 165]. В целом, государственно-правовые идеи и институты Древней Греции и Рима оказали заметное влияние на становление и развитие более поздних прогрессивных учений о правовой государственности [9, с. 72].

В основе современных концепций правового государства лежат идеи немецкого философа Канта (1724–1804 гг.), французского просветителя и правоведа Монтескье (1689–1755 гг.) и других европейских просветителей

XVIII и XIX вв. таких, как Гуго Гроций, Спиноза, Дж. Локк, Дени Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Эти ученые полагали, что на смену полицейскому, бюрократическому государству эпохи абсолютизма (которое Кант называл государством произвола), должно прийти правовое государство, в основе которого лежит идея автономной личности, обладающей неотъемлемыми, неотчуждаемыми правами. Взаимоотношения личности и государственной власти в условиях правового государства принципиально иные, нежели в абсолютистском государстве, ибо для правового государства характерно ограничение государственной власти, связанность ее правом и законом [3, с. 19-20].

Одним из создателей классической концепции «правового государства» считается Иммануил Кант. Его концепция сводится к следующим тезисам:

- источником нравственных и правовых законов выступает практический разум, или свободная воля людей; человек становится моральной личностью, если возвысился до понимания своей ответственности перед человечеством в целом [3, с. 20];

- в своем поведении личность должна руководствоваться требованиями категорического императива, который сводится к следующему: „поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице; и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству” и „поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом” [6, с. 184];

- правом, основанным на нравственном законе, должны быть определены границы поведения людей с целью, чтобы свободное волеизъявление одного лица не противоречило свободе других;

- право призвано обеспечить внешне благопристойные, цивилизованные отношения между людьми;

- государство – это соединение множества людей, подчиненных правовым законам, или „государство в идее, такое, каким оно должно быть” обязано соотноситься „с чистыми принципами права”;

- государство призвано гарантировать правопорядок и строиться на началах суверенитета [6, с. 185-187].

В целом, теория правового государства – это синтез идей и концепций о его природе, сущности, признаках, принципах, функциях, как государства демократического, социального, в котором во всех сферах общественной жизни (и публичной и частной) господствует право и юридическими средствами реально обеспечены максимальное осуществление, охрана и защита основных прав человека [2, с. 230]. Она является закономерным результатом цивилизованного развития учения о государственности в аспекте человеческого измерения и общественной справедливости [8].

Термин «правовое государство» впервые употребил немецкий философ либерального направления К.Т. Велькер в 1813 г., затем в 1824 г. оно прозвучало в произведении И.Х. Фрайхера фон Аретина, а в 1829 г. Роберт фон Мольтке ввел его в общий государственно-правовой оборот [7, с. 46].

„Правовое государство” как понятие произошло от нем. *Rechtsstaat*, обозначившем в конце XVIII века доктрину, выдвинутую в поздних работах Иммануила Канта, который увязал существование *Rechtsstaat* с верховенством конституции страны и подчиненности ей действий государства. При этом, конституция должна ставить целью государства обеспечение мирной счастливой жизни его граждан при условии обеспечения прав их собственности.

По мнению специалистов, выражение “правовое государство” (*Der Rechtsstaat*) является специ-

фическим, чисто немецким словообразованием. Языки других наций (кроме русского) не имеют подобного словосочетания, где бы так емко соединялись понятия права и государства. Вместе с тем, языки других наций, безусловно, включают данный институт. Так, в англосаксонской правовой семье ему соответствует понятие “rule of law” (господство права), “the legal state или law-bounded” (правовое государство, но этот перевод с немецкого не вошел в широкий общественно-политический оборот), в французском – “regne de la lois” (царствование законов, господство законов) или “limitation des gouvernants” (ограничение правителей). Однако все эти словообразования не являются в полном объеме идентичными немецкому термину. Можно лишь отметить тот соединяющий их признак, что идейное богатство правового государства своими корнями уходит в общеевропейскую цивилизацию [8].

Итак, понятие правового государства, как программа, ограничивающая государство рамками Конституции и правовых законов, возникло на рубеже XVIII и XIX веков. Идеи же и институты относятся к глубоко лежащим слоям германского и европейского развития права и нацелены на достижение мирного порядка, гарантируемого государством при помощи права [2, с. 231-239].

Понятие правового государства выражает ныне связанность государства правом, прежде всего, демократической конституцией и правовым законом, изданными на основе этой конституции [4, с. 21].

Особую роль в этой связанности государства правом играет заложенная во всяком истинном праве нравственная идея справедливости и иные гуманные принципы, т.е. общечеловеческие ценности по вопросам предоставления и гарантии прав и свобод личности.

На этом вопросе необходимо

сделать определенный акцент. Ключевой здесь выступает проблема соотношения права и закона, ибо смысл правового государства состоит, прежде всего, и, главным образом, в обеспечении господства права, а не только и не просто верховенства закона. Речь должна идти о господстве, верховенстве именно правового закона, а не любого, пусть даже принятого с соблюдением всех законодательных процедур. Главный смысл такого различия – в признании специфики права как системы воплощения в нем общепринятых принципов и демократических ценностей, иначе говоря – общепризнанных международно-правовых стандартов.

На практике значение такого подхода в правовом государстве состоит в выявлении социально-правовых ценностных ориентиров и требований для различия и противопоставления права и произвола, для обеспечения соответствия требованиям права всей нормотворческой и иной деятельности публичной власти.

А. Ф. Никитин отмечает, что, „когда отождествляются право и закон, открывается, в конечном счете, дорога юридического произвола, властно – принудительного правотворчества. Проблема эта отнюдь не праздная. О ее значимости наглядно свидетельствует как трагический опыт других стран, так и наш собственный. Проблема, подчеркнем еще раз, не праздная. Закон стал отнюдь не правом в подлинном смысле слова, а лишь орудием произвола, причем, не самым эффективным и потому не самым главным” [5, с. 44].

По мнению А.М. Соколова, правовое государство может рассматриваться в формальном, материальном и техническом аспектах, т.е. иметь тройной смысл [7, с. 128].

Так, в формальном смысле слова, правовое государство является государством, в котором законы осуществляются по еди-

нообразному предусмотренному порядку, предначертанному в писаной Конституции, при котором все виды государственной власти, особенно исполнительная власть и правосудие, осуществляются только согласно букве (а не духу) закона. Такое правовое государство характеризуется игнорированием сущностных, содержательных признаков государства и права, в частности, общечеловеческих ценностей прав и свобод, мировых общепризнанных стандартов.

В качестве примера можно привести фашистскую Германию. „Фашистские юристы на основании того, что в нацистском государстве тоже господствовал закон, провозглашали фашистский рейх „правовым государством”. В действительности же основными чертами его были: идея „расового права”, „правовой порядок”, основанный на абсолютистской воле фюрера и националистической фашистской идеологии” [7, с. 89].

Формальный взгляд на правовое государство на примере фашистской Германии зарекомендовал себя „как безрезультатный”, поскольку закон стал инструментом проявления неограниченной власти определенной тоталитарной партии. В отношений бесправия, облеченного в оболочку закона, формальный принцип правового государства показал себя беспомощным.

Поэтому после 1945 года немецкие юристы пытались дополнить формальный принцип правового государства критериями справедливости. Но „справедливости” может пожелать для себя и тоталитарное государство, даже если оно при этом попирало ногами человеческое достоинство и свободу [7, с. 129].

Назвать же правовое государство государством справедливости означает, опять же, вернуться, в конце концов, к его формальному определению. Поэтому, современные немецкие государственведы и требуют, чтобы четко было

выражено: какая форма справедливости служит для выражения его сущности.

В материальном аспекте правовое государство характеризуется, прежде всего, защитой личности и политических свобод человека, а также умеренностью и связанностью правом всего исполнения публичной (государственной) власти.

Понимаемое в материальном смысле слова правовое государство подразумевает общность, построенную на уважении личной свободы и на принципе умеренной, но прочно учрежденной государственной власти, имеющей целью ее защиту, власти, чей порядок, исходящий от народа, связывает все государственные действия этими основаниями и стремлением к справедливому и равномерному преобразованию человеческих отношений. Коротко говоря, правовое государство олицетворяет собой защиту личной и политической свобод гражданина, а также умеренность и связанность правом всего исполнения публичной власти”.

Сконцентрированные характерные черты правовой государственности являются: - связанность исполнительной власти правом и законом; - ограниченные усмотрения и пространства для суждения администрации; - запрет обратной силы законов; - правовое равенство и равное пользование правом; - всеохватывающая судебная защита гражданина от незаконных административных актов; - сформированность, четкость и демократизм административного процесса, - четкость принципов судебного процесса (прежде всего, право на обязательное выслушивание в суде каждого); - принципы преобразования уголовного права (отмена смертной казни и т.д.); - ответственность государства за действия своих органов; - компенсация за вмешательство государства, если оно причинило лицу особый ущерб, институт конституцион-

ной жалобы, которая открывает каждому гражданину путь в конституционные суды федерации и земель [7, с. 129].

Суть правового государства не в законопослушании, равно как и не в обилии законодательных актов, – и то, и другое есть признаки не правового, а полицейского государства. Суть правового государства – именно в характере законов, их соответствии правовой природе вещей, направленности на обеспечение суверенитета личности.

В основе правового государства, во-первых, должна лежать правовая экономика, а не командно-казарменная, обреченная на деградацию из-за отсутствия внутренних стимулов к труду. А, во-вторых, основой правового строя служит развитое гражданское общество. Гражданское общество – система экономических, духовных, культурных, нравственных, религиозных и других отношений индивидов, свободно и добровольно объединившихся в ассоциации, союзы, корпорации для удовлетворения своих духовных и материальных потребностей и интересов. Оно строится на принципе самоуправления, защищено традициями, обычаями, моральными нормами и правом вмешательства государства. Государство – лишь форма гражданского общества.

В антиправовом (тоталитарном) государстве личность, общество и народ противопоставлены государству как политическому аппарату власти, отчуждены от него. Там нет граждан, есть подданные. Гражданское общество предполагает наличие многочисленных независимых союзов, институтов и организаций, которые служат барьером против монополизма и посягательств государственных органов. Понятие гражданского общества подразумевает не только „гражданственность“, известную степень политической свободы, но и „буржуазность“, т.е. экономическую независимость

человека, возможность получить доход не из рук государства.

Среди обширного комплекса институтов, характерных для развитого государства в условиях демократии, необходимо указать, в частности, на такие: мандат народа на осуществление власти, прежде всего, путем формирования представительных органов, выполняющих законодательные и контрольные функции; наличие муниципального самоуправления; подчиненность всех подразделений власти закону; независимое и сильное правосудие; наличие государственной власти в отдельных блоках, включая исполнительную власть.

Правовая экономика и гражданское общество – переход от распределительного общества к рыночному – это глубинные, сущностные предпосылки формирования правового государства. Правовое государство – это государство, обслуживающее потребности гражданского общества и правовой экономики, назначение которого – обеспечить свободу и благосостояние. Оно подконтрольно гражданскому обществу и строится на эквивалентности обмениваемых благ, на фактическом соотношении общественного спроса и предложения, ответственно за правопорядок, который гарантирует человеку свободу и безопасность, ибо духовным фундаментом его является признание прав человека.

Правовое государство – это демократическое государство, где обеспечивается господство права, верховенство закона, равенство всех перед законом и независимым судом, где признаются и гарантируются права и свободы человека и где в основу организации государственной власти положен принцип разделений законодательной, исполнительной и судебной властей.

Современное правовое государство – это демократическое государство, в котором обеспечиваются права и свободы, участие народа в осуществлении вла-

сти (непосредственно или через представителей). Это предполагает высокий уровень правовой и политической культуры, развитое гражданское общество.

В правовом государстве обеспечивается возможность в рамках закона отстаивать и пропагандировать свои взгляды и убеждения, что находит свое выражение, в частности в формировании и функционировании политических партий, общественных объединений, в политическом плюрализме, в свободе прессы и т. п.

Понятие „правовое государство“ – это фундаментальная общечеловеческая ценность, такая же, как демократия, гуманизм, права человека, политические и экономические свободы, либерализм и другие. Суть идеи правового государства – в господстве права в общественной и политической жизни, наличии суверенной правовой власти. С помощью разделения властей государство организуется и функционирует правовым способом, это мера, масштаб демократизации политической жизни.

Особенности механизма правового государства заключаются в следующем. Все его структурные части и элементы функционируют на основе принципа разделения властей, строго в соответствии со своим целевым назначением. Наделенные властными полномочиями, структурные части и элементы правового государства в своей специфической форме деятельности реализуют волю общества. Структурные части и элементы правового государства всю свою деятельность строго соотносят с действующим законодательством. Должностные лица несут персональную ответственность за посягательство на права и свободы граждан, гарантированные конституцией и другими нормативно-правовыми актами. Права и свободы граждан обеспечиваются органами правового государства.

Механизм правового государства является способом его

существования. Функции правового государства реализуются с помощью его механизма. Таким образом, в правовом государстве его механизм свободен от бюрократизма и административно-командных методов управления. Его демократический характер обусловлен ответственностью перед обществом, на службе которого он находится.

Исходя и вышесказанного, можно выявить самые важные признаки правового государства, такие как [3, с. 20-21]:

1. Суверенитет народа и конституционно-правовая регламентация государственного суверенитета.

2. Верховенство закона во всех сферах жизни общества («связанность» государства законом – все государственные органы, должностные лица, общественные объединения, граждане в своей деятельности обязаны подчиняться требованиям закона. В свою очередь законы в таком государстве должны быть правовыми, т.е. максимально соответствовать представлениям общества о справедливости; приниматься компетентными органами, уполномоченными на то народом; приниматься в соответствии с законно установленной процедурой; соответствовать определённой иерархии, не противоречить ни конституции, ни друг другу. Все иные нормативно-правовые акты должны издаваться в полном соответствии с законами, не изменяя и не ограничивая их).

3. Деятельность органов правового государства базируется на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (создание системы «сдержек и противовесов», взаимоограничение и взаимный контроль друг за другом всех ветвей власти).

4. Взаимная ответственность личности и государства (за нарушение закона должна обязательно последовать предусмотренная

законом мера ответственности, не взирая при этом на личность правонарушителя. Гарантией этого принципа выступает независимый суд).

5. Реальность прав и свобод гражданина, их правовая и социальная защищённость (государство должно не только провозгласить приверженность этому принципу, но и закрепить фундаментальные права человека в своих законах, гарантировать их и реально защищать на практике).

6. Политический и идеологический плюрализм, заключающийся в свободном функционировании различных партий, организаций, действующих в рамках конституции, наличии различных идеологических концепций, течений, взглядов.

7. Стабильность законности и правопорядка.

8. Преодоление правового нигилизма в массовом сознании.

9. Разграничение партийных и государственных функций.

10. Признание и использование народного представительства как системы управления государством.

Выводы. Общие принципы правового государства – это социальная справедливость, гуманизм, равноправие, законность в процессе создания и реализации норм права, единство юридических прав и обязанностей, демократизм.

К числу условий становления правового государства можно отнести следующие:

- преодоление правового нигилизма в массовом сознании;

- выработка высокой политико-правовой грамотности;

- появление действенной способности противостоять произволу;

- разграничение партийных и государственных функций;

- установление парламентской системы управления государством;

- торжество политико-правового плюрализма;

- выработка нового правового мышления и правовых традиций, в том числе: преодоление узконормативного восприятия правовой действительности, трактовка права как продукта властно-принудительного нормотворчества;

- отказ от догматического комментирования и апологии сложившегося законодательства;

- преодоление декоративности и декларированности юридических норм;

- выход юридической науки из самоизоляции и использование общечеловеческого опыта.

Рассмотренные выше понятие и определение правового государства, его главные принципы и наиболее характерные черты с полным правом можно адаптировать в правовом пространстве постсоветских республик при разработке правовой государственности и конституционном строительстве.

Библиография:

1. Аристотель. Политика. Москва, 1911.
2. Баранов П.П., Соколов А.Н. Теория государства и права: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2007.
3. Воробьева О.А. Правоведение: учеб. пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. Самара: ООО «ПК Типография», 2011.
4. Костаки Г., Новрузов В. Демократические преобразования общества и власти в переходном периоде. Кишинэу, 2011.
5. Никитин А. Ф. Что такое правовая культура. Москва, 1988.
6. Рубаник В.Е., Рубаник С.А. История политических и правовых учений: учебное пособие. Москва: Волтерс Клувер, 2011.
7. Соколов А.Н. Правовое государство. Идея, теория. Практика. Монография. Курский государственно-технический университет. Курск, 1994.
8. Соколов А.Н. Правовое государство в России: состояние, проблемы и перспективы развития. В: Правовое государство: теория и практика, 2011, № 2 (24). http://www.pravgos.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=149:2011-08-11-08-40-26&catid=60:2011-08-11-08-13-28&Itemid=67.
9. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. 2-е издание, дополненное, исправленное. Москва 1995.

СУДЕБНЫЙ ПРИКАЗ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СУДЕБНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ: ЕГО ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ

Б. СОСНА,
доктор права, ст. научный сотрудник Института юридических и политических исследований АНМ
И. АРСЕНИ,
магистр права, преподаватель Комратского госуниверситета

SUMMARY

In this article the author reveals the theoretical concept of a court order, its legal nature and essence as a species of the judicial decision, as well as among other court orders.

Keywords. judicial order, civil procedure, judicial protection, the judgment, the judgment, writ proceedings, the simplified procedure, the effectiveness, efficiency and execution.

* **

В настоящей статье авторами раскрывается теоретическое понятие судебного приказа, его правовая природа и сущность как разновидности судебного постановления, а так же место среди других постановлений суда.

Ключевые слова: судебный приказ, гражданский процесс, судебная защита, судебное постановление, решение суда, приказное производство, упрощенная процедура, эффективность, оперативность, исполнительный документ.

Введение. Конституция Республики Молдова гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод. В статье 20 Конституции РМ закреплено, что любое лицо имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными судами в случае нарушения его прав, свобод и его законных интересов.[1]

Гарантия эффективной судебной защиты – это предусмотренное Конституцией право гражданина обратиться в соответствующий суд с иском и обязанность суда рассмотреть иск и принять по нему законное, справедливое и обоснованное решение. Это означает, что государство обязано обеспечить полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной.

Данная обязанность также вытекает из общепризнанных принципов и норм международного права. Так согласно ст.8 Всеобщей Декларации прав человека, каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. [2]

Согласно ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспри-

страстным судом, созданным на основании закона. [3]

Важнейшими направлениями развития современного гражданского процессуального законодательства являются повышение доступности правосудия, оптимизация, ускорение и упрощение судопроизводства. Данная тенденция отчетливо прослеживается не только в Республике Молдова, но и в зарубежных странах.

Актуальность и важность настоящей работы заключается в том, что в условиях рыночных преобразований, которые происходят в экономике Республики Молдова, одним из основных

элементов механизма правового регулирования этих отношений является быстрое реагирование судебных органов на нарушение прав и законных интересов субъектов гражданского права. Так же в науке гражданского процессуального права остаются открытыми вопросы о понятии и сущности судебного приказа, и его характерных особенностях

Целью данной статьи является комплексное исследование теоретического понятия судебного приказа и раскрытие его сущности как разновидности судебного постановления.

Изложение основного материала. Изменение политического курса страны на демократизацию деятельности органов публичного управления повлекло соответствующие изменения и в судебной системе страны.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова одновременно с исковым производством, производством по административным делам, особым производством установил производство по дополнительному рассмотрению заявлений о денежных суммах или о возвращении имущества от должника – приказное производство,

оканчивающиеся вынесением судебного приказа судьей единолично. [6]

Появление в гражданском процессуальном законодательстве известного ранее института судебного приказа обусловлено переходом в Республики Молдова к новым экономическим отношениям, построенным на рыночных началах, и, соответственно, повышением объемов заключаемых договоров, соглашений и сделок. Прежде всего, в экономической и социальной сфере по спорам, вытекающим из алиментных обязательствах, по выплате заработной платы, так как субъекты гражданского оборота не всегда добровольно исполняют договорные условия, что ведет к возникновению конфликтных, спорных ситуаций.

Появление приказного производства обусловлено и тем, что уровень жизни граждан в нашей стране не достаточно высок, что приводит к тому, что социально не защищенные слои населения просто не обращаются за судебной защитой своих прав из-за высокой стоимости юридических услуг и бюрократической волокиты. Одним из процессуальных институтов, позволяющим обеспечить более быстрое и эффективное осуществление правосудия, особенно по таким критериям дел, как взыскание алиментов, где затягивание процесса, ненужная волокита ведут к негативным последствиям, является судебный приказ. Его действие заключается в оперативном и реальном восстановлении нарушенных субъективных прав. Использование в гражданском судопроизводстве упрощенных правовых процедур, в частности приказного производства, способного придать динамизм процессу, повысить эффективность и действенность судебной защиты.

Правовые системы, в гражданском судопроизводстве которых существует институт судеб-

ного приказа, различным образом трактуют его сущность.

Как можно было заметить, условный приказ, использовавшийся в гражданском процессе Германии, Австрии, других государств, по своей сути весьма близок к обычной повестке в искомом судопроизводстве, которая, информируя ответчика о предъявленном к нему иске и вызывая его в суд, также является своеобразным напоминанием ему о необходимости выполнения обязательств по отношению к кредитору. Различие их состоит в том, что они направлены на достижение различных целей и влекут за собой наступление различных правовых последствий. Повестка в искомом судопроизводстве предваряет начало состязательного процесса со всеми его формальностями, призванными послужить гарантиями установления судом обстоятельств дела и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения. В тех случаях, когда ответчик не может представить серьезных аргументов против претензий истца и не желает спорить против них, хотя и не выполняет своих обязательств по каким-либо причинам, например, в расчете на снисходительность, по небрежности и т. п., вызов спорящих сторон в суд, понуждение их обмениваться состязательными бумагами, прибегать к помощи поверенных, являлись бы совершенно напрасными процессуальными требованиями. По делам такого рода, если они обращены к общему искомому порядку, ответчик обычно не являлся в суд, в связи с его неявкой постановлялось решение, но этот результат достигался с разными хлопотами и неудобствами для кредитора: он должен был подать формальное исковое заявление, иногда в отдаленный от его места жительства суд, уплатить пошлину, нанять представителя, доказывать иск при решении.

Между тем, вся эта процедура окажется лишней, если есть возможность констатировать бесспорность для должника требований кредитора.

Таким образом, судебные приказы были призваны явиться средством удостовериться в бесспорности долга и избежать затем напрасных хлопот, расходов и формальностей искового судопроизводства. [7, с.212]

Судебный приказ – постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или истребовании движимого имущества от должника по строго определенным требованиям.

Будучи итоговым судебным постановлением, судебный приказ выносится именем закона как акт индивидуального регулирования, который затрагивает конкретные права и обязанности тех или иных заинтересованных лиц. Этим актом суд придает норме права как некоему абстрактному должностованию конкретное выражение, тем самым стабилизируя правоотношение сторон. В этой связи к судебному приказу применимы требования законности и обоснованности, как и к судебному решению. [18, с.65]

Согласно ст.239 ГПК РМ решение судебной инстанции должно быть законным и обоснованным.[4]

1. Законность судебного приказа – это первое требование, предъявляемое гражданским процессуальным законодательством к данному виду постановления суда первой инстанций. Судебный приказ является законным в том случае, когда он принят при точном соблюдений норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению или основаны на применении в необходимых случаях аналогий закона или аналогий права.[8,с.320]

Судебное приказ должен быть

вынесен в соответствии с нормами материального права. Это означает, что суд должен применить закон, подлежащий применению в данном конкретном случае и правильно истолковать данный закон.

Судебный приказ должен быть вынесен в соответствии с нормами процессуального права. Это означает, что решение должно быть вынесено в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса.

2. Обоснованность судебного приказа – означает, что суд обосновывает свое решение на тех доказательствах, которые были исследованы судьей. Судебный приказ является обоснованным тогда, когда имеющиеся значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а так же тогда, когда он содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов. [16, с.103-104]

Если законность, как требование, предъявляемое к судебному приказу, относится к юридической стороне решения, то обоснованность судебного приказа – к фактологической. Можно сказать, что обоснованность судебного приказа охватывает три взаимосвязанных элемента: 1) обстоятельства дела; 2) доказательства; 3) выводы суда из анализа установленных обстоятельств, подтвержденных исследованными доказательствами.

Составляющими обоснованности судебного приказа являются следующие положения:

1. Суд должен правильно установить обстоятельства, имеющие юридическое значение.

2. Судебный приказ должен выноситься тогда, когда установлены и доказаны обстоятельства, имеющие юридическое значение для дела.

3. Выводы суда, изложенные в судебном приказе по делу, должны соответствовать обстоятельствам дела. [9, с.371-372]

Таким образом, если под обоснованностью судебного приказа необходимо понимать удостоверенное убедительными доказательствами соответствие фактического основания приказа действительным обстоятельствам дела [14, с.76], то законность отвечает за правовую составляющую вопроса. Законность детерминирована следующим: При вынесении судебного приказа нужно придерживаться правил подсудности, то есть судья, которому подсудны дела, связанные с вынесением судебного приказа, вправе постановить названный волевой акт только по требованиям, указанным в ГПК, следует выполнить процессуальный порядок выдачи судебного приказа, и он должен соответствовать реквизитам, описанным в ГПК. [17, с.962]

Сущность судебного приказа определяется в научной литературе следующим образом. В.И. Решетняк определяет судебный приказ как «немотивированное судебное постановление, выносимое от имени государства в предусмотренных законом случаях, определенное поведение обязанному лицу с целью восстановления или защиты нарушенных гражданских прав и охраняемых законом интересов, основанных на представленных заявителем документах и имеющем процессуальное значение факте отсутствия возражений со стороны должника» [18, с.72]

М.А. Черемин определяет его более развернуто, подчеркивая двуединую сущность судебного приказа как постановления суда и одновременно исполнительного документа: «Судебный приказ можно определить как немотивированное постановление судьи первой инстанции, вынесенное по правилам приказного производства по заявлению кредитора

о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника, основанное на представленных кредитором письменных доказательствах и имеющее силу исполнительного документа, взыскание по которому производится в порядке, установленном для исполнения судебных решений». [19, с.91]

М.С. Шакарян рассматривает судебный приказ как правоприменительный акт государственного органа, предписывающий субъектам определенное поведение, предусмотренное правовой нормой. [8, с.185]

Смушкин А.Б., Суркова Т.В., Черникова О.С. отметили, что «Судебный приказ является самостоятельным видом судебного постановления по гражданским делам, которое выносится по итогам приказного производства, представляющего собой упрощенную процедуру защиты нарушенного субъективного права в суде первой инстанции. [10, с.105]

Л.В. Туманов, П.В. Алексей, Н.Д. Амаглобели, определили, что особенность судебного приказа (и одновременно его отличие от решения суда) состоит в том, что, будучи судебным постановлением, судебный приказ одновременно является исполнительным документом, который приводится в исполнение в порядке, предусмотренном для исполнения судебных постановлений. [11, с.166]

М.К. Треушников отметил, что судебный приказ, это судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника, но только в предусмотренных законом случаях. Судебный приказ одновременно является и исполнительным документом, т.е. заявителю не нужно получать еще и исполнительный лист. По своему значению, последствиям, юридической силе приказ сходен

с обычным решением суда. Это правоприменительный акт органа государственной власти, предписывающий заинтересованным лицам совершить определенные действия, а всем другим субъектам считаться с таким предписанием. [12, с.415]

Говоря об общности черт судебного приказа с другими судебными постановлениями, и, в частности, с судебным решением, В.И. Решетняк замечает, что судебный приказ является:

- одним из видов судебных постановлений;

- актом, выносимым специальным государственным органом, в котором выражаются его властные суждения и волеизъявления;

- постановлением, вынесение которого обусловлено определенными условиями, точно определенными законом;

- актом защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов;

- процессуальным документом. [18, с.50]

Сущность судебного приказа состоит в том, что он является немотивированным судебным постановлением, выносимым от имени государства в предусмотренных законом случаях, предписывающим определенное поведение обязанному лицу с целью восстановления или защиты нарушенных гражданских прав и охраняемых законом интересов, основанным на представленных заявителем документах и имеющем процессуальное значение факте отсутствия возражений со стороны должника. Вынесение судебного приказа представляет собой правоприменительный акт суда. Суть применения права при вынесении судебного приказа заключительного в следующем:

- судья определяет, под действие каких норм права подпадает спор подтверждается ли он документами, представленными кредитором;

- судья определяет, соответ-

ствует ли требованиям закона представленные документы;

- в соответствии с содержанием нормы права, регулирующей данные отношения, и с представленными документами судья устанавливает содержание и объем прав и обязанностей кредитора и должника, т. е. содержание правоотношения;

- на основе предписания нормы права судья делает вывод о необходимости вынесения правоприменительного акта в упрощенном порядке (судебного приказа);

- в случае отсутствия возражений со стороны должника судья выносит судебный приказ, осуществляя тем самым принудительное осуществление норм права, на основе которых возникает обязанность должника перед кредитором и которые лежат в основе представленных кредитором документов. [13, с.115]

Судебный приказ характеризуют определенные черты. Во-первых, судебный приказ является разновидностью судебного постановления, выносимого судьей единолично. Он имеет некоторые сходства с судебным решением, но и существенно отличается от него. Во-вторых, судебный приказ выносится без рассмотрения дела по существу на основе письменных документов. Судья не исследует свидетельские показания, заключения эксперта, не заслушивает объяснения сторон. Стороны в приказном производстве называются “взыскатель” и “должник”. В-третьих, судебный приказ может быть вынесен только по основаниям, указанным в законе. Уже в силу этого можно сказать, что судебный приказ скорее исключение из общего правила. Судебный приказ выносится по требованиям, которые можно назвать бесспорными. Например, судебный приказ выносится, если требование кредитора основано на нотариально удостоверенной сделке. Спор между взыскателем и должником существует,

ибо в противном случае не было бы проблем с исполнением этой сделки. Но доказательства сделки для суда бесспорны, поэтому такие дела можно назвать бесспорными. Именно потому, что для суда достаточно документов, приложенных к заявлению о выдаче судебного приказа, суд и выносит приказ без рассмотрения дела по существу. Если для выдачи судебного приказа недостаточно представленных документов, дело может быть рассмотрено в исковом порядке. В-четвертых, для вынесения судебного приказа необходимо наличие определенных условий. Первое условие - представление взыскателем вместе с заявлением о выдаче судебного приказа всех доказательств, подтверждающих обязательства должника. Второе условие - представленные документы дают исчерпывающее представление о сути дела. Третье условие - отсутствие спора. Четвертое условие - должник в установленный законом срок не сообщил о своем несогласии с заявленными требованиями. В-пятых, судебный приказ обладает силой исполнительного документа и приводится к исполнению в порядке, установленном для исполнения судебных постановлений. [9, с.182] Так, например, согласно п. б) ст.11 Исполнительного кодекса РМ, относятся к исполнительным документам и исполняются в соответствии с положениями исполнительного кодекса решения, вынесенные судебными инстанциями по административным делам, определения, приказы и решения, вынесенные судебными инстанциями по гражданскими делами. [5]

Но одновременно с чертами сходства судебный приказ содержит и ряд принципиальных отличий от судебного решения. На эти отличия в научной литературе обратил внимание В.И. Решетняк:

- решение может быть постановлено судом по любому гражданскому делу, в нём может быть

изложено властное суждение суда по любому заявленному истцом или ответчиком требованию. В порядке приказного производства судом разрешается строго определенный круг требований.

– решение постановляется судом как результат состязания сторон в рамках гласного рассмотрения дела, в ходе которого стороны приводят доводы, призванные подтвердить их правоту, опровергнуть аргументы противной стороны. Судебный приказ выдвигается без судебного разбирательства, без вызова должника и взыскателя в судебное заседание, без заслушивания их объяснений.

– решение основывается на объяснениях сторон, доказательствах, представленных сторонами, исследованных в ходе судебного разбирательства. Приказ суда основывается на представленных заявителем документах, на сообщенных им доводах, призванных убедить суд в том, что основания иска не могут быть опровергнуты ответчиком и исковые требования ответчиком оспорены быть не могут, а также на имеющем процессуальное значение факте отсутствия возражений со стороны ответчика, либо его неявки в суд по вызову.

– решение суда мотивируется. Суд обязан указать в своем решении обстоятельства, которые он установил, и которые повлияли на принятое им решение, объяснить по каким причинам не были приняты им во внимание иные обстоятельства (в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части может быть указано лишь на признание иска и принятие его судом). Судебный приказ никак не мотивируется, помимо предписания суда обязанному лицу исполнить определенные действия, он не содержит в себе никаких пояснений.

– порядок внесения решений подробно регламентируется законом. Решение постановляется судом в совещательной комнате, тайно, в отношении вынесения

судебного приказа закон не столь категоричен.

– у данных институтов различен субъектный состав. В приказном производстве участвуют не истец и ответчик, а кредитор (взыскатель) – лицо, обратившееся в суд, и должник – лицо, с которого кредитор просит произвести взыскание. В то же время приказ основывается всегда на требованиях, изложенных суду только материально заинтересованным лицом.

– судебное решение и судебный приказ различаются порядком их обжалования. Решение может быть обжаловано по основаниям в порядке, предусмотренном законом. Приказ же может быть только оспорен, после чего он подлежит обязательной отмене. Что не препятствует дальнейшему движению дела, поэтому законодатель не предусмотрел возможности его обжалования. Возникший спор рассматривается по общим правилам искового судопроизводства. [15, с.15]

– судебное решение и судебный приказ отличаются процедурой исполнения.

Решение подлежит исполнению лишь после вступления его в законную силу, за исключением случаев обращения его к немедленному исполнению. Основанием для исполнения служит исполнительный лист, выдаваемый на основе решения. Судебный приказ сам по себе является исполнительным документом, никаких иных документов для его исполнения не требуется. [18, с.51]

Выделением общих и различных с судебным решением признаков не может заканчиваться исследование сущности судебного приказа. Мы полагаем, что при определении понятия судебного приказа и анализе его сущности обязательно необходимо учитывать то, что это судебное постановление является одновременно и исполнительным документом.

Судебный приказ можно назвать единственным судебным

постановлением, которое является своеобразным связующим звеном между гражданским процессом и исполнительным производством, поскольку судебный приказ в отличие от всех других судебных актов обращается к исполнению без «промежуточных звеньев» – исполнительных листов. [19, с.90] Ярков В.В. отмечает, что судебный приказ имеет сходство с судебным решением. Оба этих акта выносятся судом, они ликвидируют спор и подлежат исполнению (в том числе принудительно). Но судебный приказ отличается от судебного решения по своей юридической силе и содержанию. Решение выносится в результате судебного разбирательства, в котором исследовались доказательства, участвующие в деле лица выступали в судебных прениях и проч., судебный приказ выносится на основании ознакомления судьи с представленными документами. Решение не может быть отменено судом, вынесшим его. Судебный приказ может быть отменен тем же судьей, который его вынес, по заявлению должника, если он (должник) по уважительной причине не имел возможности своевременно заявить свои возражения против требования заявителя. После отмены приказа требование заявителя может быть рассмотрено в порядке искового производства. Судебное решение состоит из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Судебный приказ – только из вводной и резолютивной частей. Отличие и в исполнении решения суда и судебного приказа. На основании решения, вступившего в законную силу (за исключением случаев немедленного исполнения решений суда), выдается исполнительный лист, который и является исполнительным документом. Судебный приказ же обладает силой исполнительного документа. С

помощью института судебного приказа можно решить несколько проблем, существующих в гражданском процессе: ускорить рассмотрение судом дел, носящих бесспорный характер, упростить сложную процедуру гражданского судопроизводства для некоторых дел, ускорить процедуру исполнения, разгрузить суды от дел, которые могут быть разрешены в упрощенном производстве. [9, с.397]

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что **судебный приказ** - это немотивированное постановление судьи первой инстанции, вынесенное по правилам приказного производства по заявлению кредитора о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника, основанное на представленных кредитором письменных доказательствах и имеющее силу исполнительного документа, взыскание по которому производится по истечении десятидневного срока после выдачи приказа в порядке, установленном для исполнения судебных решений.

Особенность судебного приказа в гражданском процессе Республики Молдова заключается в том, что он является единственным судебным актом, сочетающим в себе свойства постановления, разрешающего дело по существу, и исполнительного документа; судебный приказ в гражданском процессе обладает чертами как условного, так и безусловного приказов. С условными приказами его объединяет упрощенная процедура отмены по инициативе должника, с безусловными - то обстоятельство, что приказ обладает силой исполнительного документа; судебный приказ обладает чертами сходства с судебным решением и, в то же время, относится к исполнительным документам. В перечне исполнительных документов судебный приказ занимает особое место:

- является единственным судебным постановлением, непосредственно обращаемым к исполнению;

- требования, предъявляемые к форме судебного приказа, отличаются от требований, предъявляемых ко всем другим исполнительным документам;

- судебный приказ - единственное судебное постановление, являющееся непосредственным связующим звеном между гражданским процессом и исполнительным производством, поскольку только судебный приказ, в отличие от других судебных постановлений, обращается к исполнению без «промежуточных» звеньев - исполнительных листов;

- судебный приказ - немотивированное постановление судьи первой инстанции, вынесенное по правилам приказного производства по заявлению кредитора о взыскании денежных сумм или истребовании движимого имущества от должника, основанное на представленных кредитором письменных доказательствах, имеющее силу исполнительного документа взыскание, которое производится по истечении установленного срока после вынесения и в порядке, установленном для исполнения судебных решений.

Выводы: Основными выводами, к которым мы пришли в результате нашего исследования понятия и сущности судебного приказа, можно считать следующие:

1. Особенность судебного приказа в гражданском процессе заключается в том, что он является единственным судебным актом, сочетающим в себе свойства постановления, разрешающего дело по существу, и исполнительного документа.

2. Судебный приказ в гражданском процессе обладает чертами как условного, так и безусловного приказов. С условными приказами его объединяет

упрощенная процедура отмены по инициативе должника, с безусловными - то обстоятельство, что приказ обладает силой исполнительного документа.

3. Судебный приказ обладает чертами сходства с судебным решением и в то же время относится к исполнительным документам. Однако существенные отличия от исполнительных листов и судебных решений не позволяют отнести приказ ни к первым, ни ко вторым.

4. Предметом судебного приказа являются материально-правовые отношения, бесспорность которых установлена на основе представленных кредитором документов.

5. Сущность приказа характеризуется одновременным наличием элементов подтверждения и принуждения (приказа на действия исполнительных органов).

6. Судебный приказ наделяется силой нормы материального права, а вынесение судом приказа представляет собой правоприменительный акт государства.

7. Судебный приказ - единственное судебное постановление, являющееся своеобразным связующим звеном между гражданским процессом и исполнительным производством, поскольку только судебный приказ, в отличие от других судебных постановлений, обращается к исполнению без «промежуточных» звеньев - исполнительных листов.

Литература:

1. Конституция Республики Молдова. Принята 29 июля 1994. Опубликована: 12.08.1994 в Monitorul Oficial № 1. Дата вступления в силу: 27.08.1994г.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года.

4. Гражданский процессуальный Кодекс Республики Молдова. N 225-XV от 30.05.2003 Мониторул Официал ал Републики Молдова N 111-115/451 от 12.06.2003г.

5. Исполнительный кодекс Республики Молдова №443 от 24.12.2004г.// МО № 214-220 от 05.11.2010г.

6. Постановление Пленума Высшей судебной палаты РМ №18 от 31.05.2004г. Бюллетень Высшей судебной палаты РМ №6, 2004.

7. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., издание бр. Башмаковых, 1914.

8. Гражданское процессуальное право. Учебник./ С.А. Алехина, В.В. Блажнев /Под ред. М.С. Шакарян - М.: ТК Велби, Изд-во ПРОСПЕКТ.2004..

9. Гражданский процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся специальности «Юриспруденция»./ Отв. редактор В.В. Янков.- 6-е изд., перераб. и доп.-М.: ВОЛТЕРС КЛУБЕР.2006.

10. Гражданский процесс. Смушкин А.Б., Суркова Т.В., Черникова О.С. Омега-Л, 2008.

11. Гражданское процессуальное право России: учебник. Автор: под ред. Л.В. Тумановой, П.В. Алексия, Н.Д. Амаглобели -Издательство: Юнити-Дана, 2012.

12. Гражданский процесс : учеб. для вузов. / Под ред. М. К. Треушников д.ю.н., проф., засл. деятеля науки РФ. -2-е изд., перераб. и доп. – М.: Городец, 2007.

13. Гражданский процесс. Мазурин С. Ф. Питер, 2008.

14. Гурвич М.Л. Судебное решение (теоретические проблемы). М. 1976.

15. Диордиева О.Н. Судебный приказ как форма защиты в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 6.

16. Казанцев В.И., Казанцев С.Я. Гражданский процесс. Учебник для студентов и учреждений сред. проф. образования.- М.: Издательский центр «Академия».2003

17. Козбаненко В.А. Правоведение. – М. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2006.

18. Решетняк В.И., Черных И.И. Зачное производство и судебный приказ в гражданском процессе. – М.: Юридическое бюро «Городец». 1997.

19. Черемин М.А. Приказное производство в российском гражданском процессе. – М.: ООО «Городец-издат». 2001.

НОВЫЙ ПОРЯДОК ОБРАЩЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

А. СОСНА,

доктор права, преподаватель юридического факультета
Молдавского Государственного университета, ст. научный
сотрудник Института правовых и политических исследований
АНМ

SUMMARY

The material is a great theoretical and practical significance for the implementation of protection of violated constitutional rights of citizens of Moldova.

The author expresses some suggestions for additions and changes of the current legislation governing the new procedure for appealing to the European Court of Human Rights.

Keywords: complaint form, the defense, the judge, the European Court of Human Rights, regulation, convention, protocol, a victim of the damage, the state fee, admissibility, inadmissibility.

* **

Изложенный материал представляет большую теоретическую и практическую значимость для реализации защиты нарушенных конституционных прав граждан Молдовы.

Автор высказывает некоторые предложения по дополнению и изменению действующего законодательства, регулирующего новый порядок обращения в Европейский суд по правам человека.

Ключевые слова: жалоба, формуляр, защита, судья, Европейский суд по правам человека, регламент, конвенция, протокол, жертва, ущерб, государственная пошлина, допустимость, неприемлемость.

Введение. Актуальность данной темы обусловлена существенным изменением с 1 января 2014 года порядка подачи индивидуальных жалоб в Европейский суд по правам человека и большим количеством индивидуальных жалоб против государства - Республики Молдова.

Целью данной статьи является изложение самых важных аспектов нового порядка обращения в Европейский суд по правам человека.

Изложение основного материала. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, предусматривающая создание Европейского суда по правам человека как органа защиты прав и свобод человека, была подписана 4 ноября 1950 года и вступила в силу 03.09.1953 года.

Европейский суд по правам человека создан 21 января 1959 года [1, с. 5-7, 5].

Порядок формирования Европейского суда по правам челове-

ка, его структура и деятельность регулируются Разделом II Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее – Конвенция), Протоколами № 1-14 к Конвенции, Регламентом Европейского суда по правам человека, которым утвержден самим Европейским судом по правам человека, и ранее принятыми решениями Европейского суда по правам человека (судебный прецедент).

Европейский суд по правам

человека создается в соответствии со ст. ст. 19-27 Конвенции.

Число судей, входящих в состав Европейского суда по правам человек, должно быть равно числу государств, ратифицировавших Конвенцию и Протоколы к ней.

Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом.

Судьи участвуют в работе Суда в личном качестве.

На протяжении всего срока пребывания в должности судьи не должны осуществлять никакой деятельности, несовместимой с их независимостью, беспристрастностью или с требованиями, вытекающими из характера их работы в течение полного рабочего дня. Все вопросы, возникающие в связи с применением положений настоящего пункта, решаются Судом.

Судья от каждой из Высоких Договаривающихся Сторон избирается Парламентской ассамблеей большинством поданных за него голосов из списка, включающего трех кандидатов, представляемых этой Высокой Договаривающейся Стороной.

Судьи избираются сроком на девять лет. Они не могут быть переизбраны.

Сроки полномочий судей истекают по достижении ими семидесятилетнего возраста.

Судьи занимают свои посты вплоть до замены. Вместе с тем и после замены они продолжают рассматривать уже поступившие к ним дела.

Судья может быть освобожден от должности только в случае, если остальные судьи большинством в две трети голосов принимают решение о том, что данный судья перестает соответ-

ствовать предъявляемым требованиям.

У Суда имеется Секретариат, права, обязанности и организация которого определяются Регламентом Суда.

Когда Суд заседает в составе единоличного судьи, Суд пользуется услугами докладчиков, которые осуществляют свои функции под руководством Председателя Суда. Они образуют подразделение Секретариата Суда.

На пленарных заседаниях Суд:

а) избирает своего Председателя и одного или двух заместителей Председателя сроком на три года; они могут быть переизбраны;

б) образует Палаты, создаваемые на определенный срок;

с) избирает Председателей Палат Суда; они могут быть переизбраны;

д) принимает Регламент Суда;

е) избирает Секретаря — канцлера Суда и одного или нескольких его заместителей;

ф) представляет какое-либо ходатайство в соответствии с пунктом 2 статьи 26.

Для рассмотрения переданных ему дел Суд заседает в составе единоличного судьи, комитетов из трех судей, Палат из семи судей и Большой Палаты из семнадцати судей. Палаты Суда на определенный срок образуют комитеты.

По ходатайству пленарного заседания Суда Комитет Министров вправе своим единогласным решением на определенный срок уменьшить число судей в составе Палат до пяти.

Заседая по делу единолично, судья не вправе рассматривать никакую жалобу, поданную против Высокой Договаривающейся Стороны, от которой этот судья избран.

Судья, избранный от Высокой Договаривающейся Стороны,

выступающей стороной в споре, заседает по делу как *ex officio* член Палаты и Большой Палаты. В случае отсутствия такого судьи или если он не может участвовать в заседании, в качестве судьи по делу заседает лицо, назначенное Председателем Суда из списка, заблаговременно представленного этой Стороной.

В состав Большой Палаты входят также Председатель Суда, заместители Председателя Суда, Председатели Палат и другие члены Суда, назначенные в соответствии с Регламентом Суда. В тех случаях, когда дело передается в Большую Палату в соответствии с положениями Статьи 43, в ее заседаниях не вправе участвовать ни один из судей Палаты, вынесшей постановление, за исключением Председателя этой Палаты и судьи, избранного от Высокой Договаривающейся Стороны, выступающей стороной в споре.

Единоличный судья вправе объявить неприемлемой жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, или исключить ее из списка подлежащих рассмотрению Судом дел, если таковое решение может быть принято без дополнительного изучения жалобы.

Это решение является окончательным.

Если единоличный судья не объявляет неприемлемой жалобу или не исключает ее из списка подлежащих рассмотрению дел, то этот судья направляет ее в комитет или Палату для дополнительного изучения.

Деятельность Европейского суда по правам человека регулируется Регламентом Европейского суда по правам человека, который принят Европейским судом по правам человека.

Регламент Европейского суда по правам человека состоит из 4 разделов и приложений к Регламенту [2, с 178-264, 128-140].

Как уже было сказано выше, Регламент Европейского суда по правам человека (далее – Регламент) утвержден самим Европейским судом по правам человека.

Таким образом, Европейский суд по правам человека при приеме и рассмотрении индивидуальных жалоб руководствуется им же принятым Регламентом, т.е. выполняет и законодательную, и судебную функции, что не соответствует принципу разделения властей и препятствует принятию объективных решений.

Предложение. По нашему мнению, Регламент Европейского суда по правам человека должен утверждаться Высокими Договаривающимися Сторонами, а не Европейским судом по правам человека.

Регламент позволяет признать неприемлемой любую индивидуальную жалобу в любое время.

Нередко индивидуальные жалобы признавались неприемлемыми через несколько лет после их поступления в Европейский суд по правам человека.

Вывод. Полагаем, что Регламент следует изменить, установив четкие основания и сроки признания индивидуальных жалоб неприемлемыми.

Как уже было сказано выше, Европейский суд по правам человека принимает и рассматривает жалобы, руководствуясь Конвенциями, Протоколами № 1-14 к Конвенции, Регламентом и своей судебной практикой.

Постановлением № 1298-ХІІІ от 24.07.1997 года Парламент РМ ратифицировал Конвенция и Протоколы № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11. [3]

Республика Молдова до сих пор не ратифицировала Протокол № 12 от 4 ноября к Конвенции.

Данный Протокол запрещает дискриминацию во всех сферах, в том числе и в сфере трудовых

отношений. На Пленарном заседании Европейского суда по правам человека 6 мая 2013 года были приняты поправки к Правилу 47 «Содержание индивидуальной жалобы» Регламента Европейского суда по правам человека. Данные поправки, вступившие в силу с 1 января 2014 года, содержат новые требования к индивидуальной жалобе и новый формуляр жалобы в Европейский суд по правам человека.

Законом РМ № 59 от 4 апреля 2014 года ратифицирован Протокол № 15 к Конвенции [4]. Протокол № 15 к Конвенции, принятый 24 июня 2013 года, изменил пункт 1 ст. 35 Конвенции: слова «в течение 6 месяцев» заменены словами «в течение 4 месяцев». Из подпункта b пункта 3 исключены слова: «и при условии, что на этом основании не может быть отказано в рассмотрении никакого дела, которое не было надлежащим образом рассмотрено внутригосударственным судом».

Таким образом, 6-месячный срок подачи жалобы в Европейский суд по правам человека Протокол № 15 заменил 4-месячным сроком.

Согласно ст. 7 Протокола № 15 к Конвенции данный протокол вступает в силу в первый день месяца, следующего по истечении трехмесячного срока, считая с даты, на которую все Высокие Договаривающиеся Стороны Конвенции выразили свое согласие быть связанными Протоколом в соответствии с положениями статьи 6 Протокола № 15.

Согласно пункту 1 ст. 6 Протокола № 15 этот Протокол открыт для подписания Высокими Договаривающимися Сторонами Конвенции, которые могут выразить свое согласие быть связанными Протоколом № 15 путем:

а. подписания без оговорок о ратификации, принятии или одобрении; или

б. подписания под условием обязательной последующей ратификации, принятия или одобрения, за которым следует ратификация, принятие или одобрение.

При этом согласно пункту 3 ст. 8 Протокола № 15, статья 4 Протокола № 15, заменившая 6-месячный срок на 4-месячный, вступает в силу по истечении шести месяцев после дня вступления в силу Протокола № 15. Статья 4 Протокола № 15 не применяется к жалобам, в отношении которых окончательное решение по делу в смысле пункта 1 статьи 35 Конвенции было вынесено до дня вступления в силу статьи 4 Протокола № 15.

Согласно ст. 9 Протокола № 15 Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет государства – члены Совета Европы и другие Высокие Договаривающиеся Стороны Конвенции о:

- а. любом подписании;
- б. сдаче на хранение любой ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении;
- в. дате вступления в силу настоящего Протокола в соответствии с положениями статьи 7; и
- д. любом ином акте, уведомлении или сообщении, относящемся к Протоколу № 15.

Учитывая, что Республика Молдова ратифицировала Протокол № 15 к Конвенции законом № 59 от 04.04.2014 года, можно сделать вывод, что ст. 4 Протокола № 15 может вступить в силу только в 2015 году. Поэтому к жалобам, подаваемым в Европейский суд по правам человека в 2014 году, должен применяться 6-месячный срок.

С 1 января 2014 года вступили в силу изменения, внесенные в Правило 47 Регламента Европейского Суда по правам человека, которые касаются формуляра жалобы и Инструкции по заполнению формуляра.

Для того, чтобы индивидуальная жалоба в Европейский суд по правам человека была принята к рассмотрению, должны быть соблюдены все следующие условия.

1. Предметом жалобы могут быть только права и свободы, гарантированные Конвенцией и/или Протоколами к ней. Европейский суд по правам человека не рассматривает жалобы на нарушения тех прав и свобод, которые не гарантированы Конвенцией и/или Протоколами к ней.

2. Европейский суд по правам человека рассматривает только жалобы на нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией и/или Протоколами к ней, которые имели место после вступления в силу Конвенции и/или соответствующего Протокола к ней для государства, против которого направлена жалоба.

Например, жалоба против Молдовы на нарушение Протокола № 12 от 5 ноября 2000 года не будет рассматриваться, т.к. Республика Молдова данный Протокол ещё не ратифицировала.

3. Лицо, подающее жалобу, должно иметь статус жертвы нарушения Конвенции и/или Протоколов к ней, т.е. должно быть пострадавшим от этих нарушений.

4. Жалоба должна быть подана не позднее 6 месяцев со дня вынесения окончательного решения по делу национальными органами. Под окончательным решением национального органа следует понимать решение, которое не может быть обжаловано в обычном порядке. Таким решением считается решение суда, вынесенное в кассационном порядке об отклонении кассационной жалобы заявителя. Заявитель вправе обжаловать судебные решения в ревизионном порядке. Однако 6-месячный срок для обращения в Европейский суд по правам человека начинает течь

со дня вынесения определения судебной инстанции об отклонении кассационной жалобы.

Жалобы, поданные после истечения вышеуказанного 6-месячного срока, не рассматриваются.

5. Заявителем должны быть исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. Заявитель должен использовать своё право на апелляционное и на кассационное обжалование. Решения судов по гражданским и административным делам могут быть обжалованы в апелляционном и кассационном порядке. Внутригосударственные средства правовой защиты считаются исчерпанными, если кассационная жалоба заявителя отклонена определением Высшей судебной палаты РМ. Дела о правонарушениях рассматриваются либо внесудебными органами либо судами первой инстанции. Решения судов могут быть обжалованы в кассационном порядке в соответствующие апелляционные палаты. Определение апелляционной палаты об отклонении кассационной жалобы заявителя считается вступившим в законную силу и не подлежит обжалованию. Со дня вынесения определения апелляционной палаты об отклонении кассационной жалобы внутригосударственные средства правовой защиты считаются исчерпанными, и с этого дня начинает течь 6-месячный срок на подачу жалобы в Европейский Суд по правам человека.

6. Формуляр жалобы должен быть заполнен в полном соответствии с правилом 47 Регламента Европейского суда по правам человека. Невыполнение этих требований может повлечь отказ в рассмотрении жалобы.

I. Условия подачи индивидуальных жалоб в Европейский суд по правам человека.

Индивидуальная жалоба, т.е. жалоба от имени физического или юридического лица должна быть подана только при условии соблюдения всех следующих условий.

Предметом жалобы могут быть только нарушения тех прав и свобод человека, которые гарантированы Конвенцией и/или Протоколов к ней.

При этом в Европейский суд по правам человека можно обжаловать только нарушения прав, гарантированных протоколами к Конвенции, которые ратифицировала Республика Молдова. Республика Молдова не ратифицировала Протокол № 12 к Конвенции, запрещающий дискриминацию в любых сферах общественной жизни.

Предметом жалобы в Европейский суд по правам человека, поданной физическим или юридическим лицом, находящимся на территории Республики Молдова, против Республики Молдова могут быть права и свободы, гарантированные ст. ст.2-14 Конвенции, ст. ст.1-3 Протокола № 1, ст. 1-4 Протокола № 4, ст. 1-2 Протокола № 6, ст. 1-5 Протокола № 7 к Конвенции.

Статьи 2-14 Конвенции гарантируют следующие права и свободы человека:

Статья 2. Право на жизнь

Статья 3. Запрещение пыток

Статья 4. Запрещение рабства и принудительного труда

Статья 5. Право на свободу и личную неприкосновенность

Статья 6. Право на справедливое судебное разбирательство

Статья 7. Наказание только на основании закона

Статья 8. Право на уважение частной и семейной жизни

Статья 9. Свобода мысли, совести и религии

Статья 10. Свобода выражения мнения

Статья 11. Свобода собраний и объединений

Статья 12. Право на вступление в брак

Статья 13. Право на эффективные средства правовой защиты

Статья 14. Запрещение дискриминации.[5, с. 57]

Практика свидетельствует, что наиболее часто нарушается пункт 1 ст. 6 Конвенции, гарантирующий право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок.

Так, исковое заявление В. и С. против Министерства юстиции РМ о восстановлении на работе рассматривалось более 7 лет: с 2005 года по 2012 год. Указанные лица предъявили иск о возмещении материального и морального вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок в соответствии с законом РМ № 87 от 21.04.2011 года «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок» [6]. Апелляционная палата Кишинева вынесла решение о взыскании с Министерства финансов РМ (выступающего от лица государства) в пользу В. и С. по 30000 лей морального вреда. Это решение было оставлено без изменений определением Высшей судебной палаты РМ.

Если нарушен разумный срок судебного разбирательства или разумный срок исполнения судебных решений, физическое или юридическое лицо имеет право предъявить в суд Буюкань мун. Кишинева иск против Министерства юстиции РМ, которое выступает от имени государства, о взыскании материального и морального вреда, причиненного нарушением права на судебное разбирательство в разумный срок или права на исполнение судебного решения а разумный срок.

Такие иски освобождены от оплаты государственной пошлины. Они должны быть предъявлены не позднее 6 месяцев со дня вынесения определения Высшей судебной палаты РМ согласно части (2) ст. 3 закона РМ № 87 от 21.04.2011 года.

Решение суда Буюкань может быть обжаловано в апелляционном порядке, а определение Апелляционной палаты Кишинева может быть обжаловано в кассационном порядке в Высшую судебную палату РМ.

Статьи 1-3 Протокола № 1 от 20.03.1952 года к Конвенции гарантируют следующие права и свободы человека:

Статья 1. Защита собственности

Статья 2. Право на образование

Статья 3. Право на свободные выборы.

Статьи 1-4 Протокола № 4 гарантируют следующие права и свободы человека:

Статья 1. Запрещение лишения свободы за долги

Статья 2. Свобода передвижения

Статья 3. Запрещение высылки граждан

Статья 4. Запрещение коллективной высылки иностранцев.

В статьях 1-2 Протокола № 6 к Конвенции от 4 ноября 1950 года содержатся следующие правовые нормы, направленные на защиту прав человека, нарушение которых может быть обжаловано в Европейский суд по правам человека:

Статья 1. Отмена смертной казни

Статья 2. Смертная казнь во время войны.

Статьи 1-5 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантируют следующие права:

Статья 1. Процедурные гарантии в отношении высылки иностранцев

Статья 2. Право на апелляцию по уголовным делам

Статья 3. Компенсация за ошибочный приговор.

Статья 4. Право не подвергаться суду или наказанию вторично.

Статья 5. Равноправие супругов.

Европейский суд по правам человека рассматривает жалобы только на нарушения, имевшие место после ратификации Республикой Молдова Конвенции и/или Протоколов к ней. Если нарушение права, гарантированного Конвенцией и/или Протоколами к ней, имело место до ратификации Конвенции и/или Протоколов к ней Республикой Молдова, жалоба на это нарушение признается неприемлемой.

Условием подачи жалобы в Европейский суд по правам человека является исчерпание заявителем всех внутренних средств правовой защиты. Заявитель признается исчерпавшим все внутренние средства правовой защиты, если он обжаловал судебные решения в апелляционном и кассационном порядке, но не добился защиты своих прав.

Большинство гражданских и административных дел рассматривается судами в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Молдова (далее - ГПК РМ) № 225-XV от 30.05.2003 года [7] и законом РМ «Об административном суде» № 793-XIV от 10.02.2000 года. [8]

Решение Суда может быть обжаловано в апелляционном порядке в соответствии со ст. 357-390, 394 ГПК РМ.

Согласно части (1) ст. 362 ГПК РМ решение суда первой инстанции может быть обжаловано в течение 30 дней со дня оглашения резолютивной части решения, если законом не предусмотрено иное.

Предложение. Полагаем,

что часть (1) ст. 362 ГПК РМ следует изменить, установив, что срок подачи апелляционной жалобы составляет 30 дней со дня получения копии мотивированного решения. Это позволит избежать ненужной переписки.

Содержание апелляционной жалобы должно соответствовать части (1) ст. 365 ГПК РМ.

Апелляционное заявление должно содержать:

а) наименование судебной инстанции, которой адресуется апелляционная жалоба;

б) имя или наименование, место жительства или место нахождения апеллянта, его процессуальное положение в деле;

в) обжалуемое решение, наименование судебной инстанции, вынесшей обжалуемое решение, состав суда, дату вынесения решения;

г) фактические и правовые основания апелляционной жалобы;

д) доказательства, обосновывающие апелляционную жалобу;

е) ходатайство апеллянта;

ж) имена и место жительства свидетелей - в случае требования о их вызове в апелляционную инстанцию;

з) перечень прилагаемых к заявлению документов.

Согласно ст. 371 ГПК РМ апелляционная жалоба рассматривается в разумный срок по истечении срока подготовки дела к рассмотрению в судебном заседании. Полагаем, что в целях устранения волокиты ст. 371 ГПК РМ следует изменить, установив конкретный срок рассмотрения апелляционной жалобы.

Основания для отмены или изменения апелляционной палатой решения суда первой инстанции предусмотрены в части (1) ст. 386, ст. 387 и части (1) ст. 388 ГПК РМ.

Решение первой инстанции

отменяется или изменяется апелляционной инстанцией в случае, если:

а) не были полностью определены и выяснены обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела;

б) не были доказаны правдивыми и достаточными доказательствами обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела, которые первая инстанция считает установленными;

в) выводы первой инстанции, изложенные в решении, противоречат обстоятельствам дела;

г) были нарушены или неправильно применены нормы материального или процессуального права.

Нормы материального права считаются нарушенными или неправильно примененными в случае, если судебная инстанция:

а) не применила закон, подлежащий применению;

б) применила закон, не подлежащий применению;

в) неправильно истолковала закон;

г) неправильно применила аналогию закона или аналогию права.

Решение, вынесенное в первой инстанции, подлежит отмене независимо от доводов апелляционного заявления в случаях, если:

а) дело рассмотрено незаконно образованным составом суда;

б) дело рассмотрено судебной инстанцией в отсутствие кого-либо из участников процесса, не извещенного о месте, дате и времени проведения судебного заседания;

в) при рассмотрении дела были нарушены правила о языке судопроизводства;

г) судебная инстанция решила вопрос о правах лиц, не привлеченных к участию в деле;

д) решение не подписано судьей или одним из судей либо подписано не тем судьей или су-

дьями, которые указаны в решении;

е) в деле отсутствует протокол судебного заседания;

ж) в деле отсутствует протокол о совершении процессуального действия;

з) дело рассмотрено с нарушением подсудности.

Определение апелляционной палаты может быть обжаловано в кассационном порядке непосредственно в Высшую судебную палату РМ в соответствии со ст. ст.429-445 ГПК РМ.

ГПК РМ предусматривает 2-этапный порядок рассмотрения кассационных жалоб.

На первом этапе трое судей Высшей судебной палаты РМ в соответствии со ст. ст. 432, 433 и 440 ГПК РМ решают вопрос о допустимости кассационной жалобы.

Согласно части (1) ст. 440 ГПК РМ в случае установления наличия одного из оснований, предусмотренных статьей 433, состав из трех судей мотивированным определением, вступившим в законную силу, единогласно принимает решение о недопустимости кассационной жалобы. Определение выносится согласно положениям статьи 270 и не содержит никаких ссылок на существование кассационной жалобы.

Если кассационная жалоба признана недопустимой, она не рассматривается.

Шестимесячный срок для обращения в Европейский суд по правам человека начинает течь со дня вынесения определения о признании кассационной жалобы недопустимой.

Если кассационная жалоба признана допустимой, она рассматривается составом из 5 судей высшей судебной палаты РМ по существу.

Согласно ст. 444 ГПК РМ кассационная жалоба рассматривается без извещения участников процесса. Состав из пяти судей

может принять решение о вызове участников или их представителей для того, чтобы они высказались по вопросам законности, затронутым в кассационном заявлении.

Такой порядок рассмотрения кассационных жалоб нарушает право на свободный доступ к правосудию и противоречит ст. 23, 25 и 26 ГПК РМ.

Предложение. Полагаем, что все кассационные жалобы должны рассматриваться по существу и с участием сторон и поэтому следует внести соответствующие изменения в ст. 440 ГПК РМ, а ст. 433 ГПК РМ следует отменить.

Определение Высшей судебной палаты РМ может быть обжаловано и в ревизионном порядке в соответствии со ст. ст. 446-453 ГПК РМ. Однако установленный ст. 35 Конвенции 6-месячный пресекательный срок исчисляется со дня вынесения определения Высшей судебной палаты РМ по кассационной жалобе.

Дела о правонарушениях рассматриваются либо внесудебными органами, либо судами в соответствии с Кодексом Республики Молдова о правонарушениях (далее - КоП РМ) № 218-XVI от 24.10.2008 года. [9]

Решения судов обжалуются в кассационном порядке. Кассационные жалобы рассматриваются соответствующими апелляционными палатами в соответствии со ст. 465-474 КоП РМ.

После вынесения определения апелляционной палаты об отклонении кассационной жалобы начинается течь срок для подачи жалобы в Европейский Суд по правам человека.

В особом порядке рассматриваются и жалобы на определения, протоколы и другие акты судебного исполнителя.

Согласно ст. 161 Исполнительного кодекса Республики

Молдова (далее - ИК РМ) № 443-XV от 24.12.2004 года (в редакции закона РМ № 113 от 02.07.2010 года) акты судебного исполнителя обжалуются по месту нахождения бюро судебного исполнителя [10].

Решение суда, принятое по жалобе на акты судебного исполнителя, обжалуется в кассационном порядке в соответствии со ст. 423-428 ГПК РМ. Кассационную жалобу рассматривает соответствующая апелляционная палата, определение которой считается вступившим в законную силу. Со дня вынесения определения апелляционной палаты, рассмотревшей кассационную жалобу, начинается течь срок подачи жалобы в Европейский Суд по правам человека.

Четвертое условие для обращения в Европейский суд по правам человека – соблюдение установленного ст. 35 Конвенции 6-месячного срока подачи жалобы.

Этот срок начинается течь со дня вынесения определения Высшей судебной палаты РМ (по делам о правонарушениях – со дня вынесения определения апелляционной палаты об отклонении кассационной жалобы, по делам об обжаловании актов судебного исполнителя – со дня вынесения определения апелляционной палаты по кассационной жалобе).

Следует учитывать, что с 1 января 2014 года жалоба считается поданной в Европейский суд по правам человека только в том случае, если она соответствует формуляру жалобы.

Жалоба будет принята Европейским судом по правам человека, если она соответствует формуляру, предусмотренному Правилу 47 Регламента Европейского Суда по правам человека и к нему приложены копии всех необходимых документов.

Литература:

1. Сосна А. «Европейский Суд по правам человека», Комрат, 2014, стр. 5-7, см. также: Туманов В.А. «Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности», Москва, 2001 г., стр.5
2. Сосна А. «Европейский Суд по правам человека», Комрат, 2014, стр. 128-140, см. также: «Методические рекомендации по обращения в Европейский Суд по правам человека», автор – составитель С.Н.Добровольская, отв. ред. Ю.М.Боровиков, Москва, 2007 г., стр. 178-264
3. Официальный монитор РМ № 54-55 от 21.08.1997 г.
4. Официальный монитор РМ № 104-109 от 6 мая 2014 г.
5. Сосна А. «О некоторых проблемах защиты основных прав и свобод Европейским судом по правам человека». Москва, журнал «Международное публичное и частное право», 2009 г., № 2, см. также: Сосна А. « Особенности рассмотрения жалоб физических и юридических лиц Европейским судом по правам человека», « Закон и жизнь», № 9, 2005 г., стр. 57
6. Официальный монитор РМ № 107-109 от 01.07.2011 г. и № 135-141 от 06.07.2012 г.
7. Официальный монитор РМ № 130-134 от 21.06.2013 г.
8. Официальный монитор РМ. Специальный выпуск от 03.10.2006 г.
9. Официальный монитор РМ № 3-6 от 16.01.2009 г.
10. Официальный монитор РМ № 160-162 от 07.09.2010 г.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТНИКА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕДУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

В. ЕРОХИН,

адъюнкт Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

The author of this article considered certain circle of persons who may participate in criminal proceedings as a defender, and made a theoretical study of participation as a counsel in criminal proceedings according to the provisions of the Criminal Procedure Code of Ukraine. In the article were analyzed the scientific literature and current criminal procedural legislation of Ukraine with the questions outlined below. The author of the article showed the situations of the obligatory participation of the defense council. The right to have a qualified legal assistance is guaranteed to everyone and it is one of the most important guarantees of the rights and legitimate interests that is established in national and international legislation. Keywords: pretrial investigation, defense counsel, providing counsel, criminal procedural law, the obligatory participation of defense counsel.

Keywords: pre-trial investigation, defense counsel, providing counsel, criminal procedural law, the mandatory participation of defense counsel, defense counsel, the realization of the right to defense.

* * *

В статье с учетом положений действующего Уголовного процессуального кодекса Украины рассмотрен вопрос определения круга лиц, которые могут принимать участие в уголовном производстве в статусе защитника, а также проводится теоретическое исследование обеспечения защитника в уголовном производстве. Осуществлен анализ научной литературы и действующего уголовного процессуального законодательства Украины по очерченным вопросам. Раскрываются законодательно закрепленные ситуации и процессуальный механизм обязательного обеспечения защитника в уголовном производстве. Обосновано, что право на получение квалифицированной правовой помощи гарантируется каждому, и это одна из обязанностей решения наиболее значимой гарантии прав и законных интересов человека, провозглашенных в национальных и международных правовых актах.

Ключевые слова: досудебное расследование, защитник, обеспечение защитника, уголовное процессуальное законодательство, обязательное участие защитника, защитник по назначению, реализация права на защиту.

Введение. *На сегодня все европейские государства взяли на себя обязательства не только признавать основные права и свободы личности, но и их утверждение и обеспечение внутри государства. Не исключением из этого стала и Украина. В результате реформирования уголовное процессуальное законодательство Украины приобрело значительно новые формы и содержание, в связи с чем изменился характер уголовных процессуальных отношений участников уголовного производства, введены новые правовые институты, что требует их теоретического осмысления, а также дальнейшей наработки предложений для правоприменительной деятельности. Обеспечение защитника в уголовном производстве является одним из важных направлений достижения его задач, закрепленных в ст. 2 Уголовного процессуального кодекса Украины 2012 года (далее – УПК Украины) [1]. Данное положение основано на закрепленных в ст. ст. 24, 25, 55, 57, 59 и в других статьях Конституции Украины [2] правах и свободах человека и гражданина, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах, даже в условиях военного или чрезвычайного положения.*

Актуальность темы исследования. Принятый в 2012 году Уголовный процессуальный кодекс Украины базируется на основе принципа со-

стязательности, вследствие чего увеличились процессуальные права защитника как на стадии досудебного расследования, так и на стадии судебного рассмо-

трения материалов уголовного производства. При этом, в отличие от положений УПК Украины 1960 г., по этим вопросам законодателем повысились требования к профессиональным качествам защитника-адвоката. Поэтому, актуальность данной темы проявляется в расширении исследований и изучения теоретических взглядов, практики правоприменительной деятельности относительно обеспечения участия защитника-адвоката в уголовном производстве после принятия действующего УПК Украины поскольку роль и правовое положение этого участника уголовного производства существенно изменились. В связи с этим считаем целесообразным в настоящей статье рассмотреть отдельные вопросы обеспечения защитника в соответствии с положениями действующего УПК Украины 2012 г.

Состояние исследования.

Научный анализ проблемы участия защитника в уголовном производстве осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует отметить А. Е. Абламского, В. Г. Гончаренка, Ю. М. Грошевого, О. В. Каплину, О. О. Кочуру Ю. А. Кухарук, О. П. Кучинскую, О. В. Мартовичку, В. Т. Нора, Н. Е. Шумила, А. Г. Яновскую и др., исследования которых служат фундаментальной базой для дальнейшего усовершенствования действующего уголовного процессуального законодательства Украины. Признавая заслуги этих и других ученых в вопросе теоретического обоснования отдельных аспектов обеспечения защитника в уголовном производстве, следует отметить, что все же на сегодня остаются нерешенные некоторые проблемные вопросы после принятия в 2012 году действующего УПК Украины, которые нуждаются в более детальном и содержательном исследовании.

Целью и задачей статьи является теоретическое исследование положений действующего Уголовного процессуального кодекса Украины в части обеспечения защитника-адвоката в уголовном производстве.

Изложение основного материала. С принятием нового действующего УПК Украины, как уместно отметила Ю. А. Кухарук, некоторые вопросы процессуального положения защитника не потеряли своей актуальности. По ее мнению, вызвано это тем, что процессуальное положение защитника в уголовном производстве – было и остается одной из сложных и актуальных проблем теории и практики уголовного судопроизводства. От правильного его разрешения, в соответствии с действующим уголовным процессуальным законодательством, зависит решение

многих конкретных вопросов, связанных с участием защитника в уголовном процессе, эффективного осуществления функции защиты прав и свобод человека [3, с. 36]. Подобное мнение высказали и В. Г. Гончаренко, В. Т. Нор и Н. Е. Шумила, которые отметили, что участие защитника является важной процессуальной гарантией защиты прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и других лиц, в отношении которых осуществляется уголовное производство. Такой подход соответствует положению Конституции Украины о том, что для обеспечения права на защиту от обвинения и предоставления правовой помощи при решении дел в судах и других государственных органах действует адвокатура (ч. 2 ст. 59 Конституции Украины) [4, с. 156]. Кроме этого, как подчеркнули В. Я. Таций, Ю. М. Грошевой, О. В. Каплина и др., анализ его новаций свидетельствует о том, что законодатель не просто обновил уголовное процессуальное законодательство, а совершил его коренные изменения, что, по сути, влечет изменение парадигмы уголовного процесса, а также изменение устойчивых подходов к пониманию его основных положений [5, с. 5], что мы поддерживаем.

Согласно ст. 45 действующего УПК Украины, защитником является адвокат, осуществляющий защиту подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого предполагается применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера или решается вопрос об их применении, а также лица, в отношении которого предполагается рассмотрение вопроса о выдаче иностранному государству (экстрадиции). В то же время, частью 2 ст. 45 УПК установлены основания, по которым

адвокат не вправе осуществлять защиту, а именно: 1) защитником не может быть адвокат, сведения о котором не внесены в Единый реестр адвокатов Украины; 2) относительно которого в Едином реестре адвокатов содержатся сведения о приостановлении или прекращении права на занятие адвокатской деятельностью.

Как свидетельствует исследование, законодатель ограничил круг лиц, которые могут быть защитниками-адвокатами, при этом исключив из уголовного производства ранее предусмотренных «непрофессиональных защитников», которыми могли быть близкие родственники и другие специалисты в области права. Такая возможность участия в уголовном процессе так называемых «специалистов в области права», то есть защитников, которые не являются членами адвокатского объединения, была изложена в правовой позиции Конституционного суда Украины, а именно в решении от 16 ноября 2000 г. в деле о праве свободного выбора защитника (дело Г.И. Солдатова) [6], то есть, главная задача защитника-адвоката – это оказание эффективной правовой помощи. Позже содержание положения ст. 59 Конституции Украины также было истолковано в деле по конституционному обращению гражданина Голованя относительно официального толкования ст. 59 Конституции Украины (дело о праве на правовую помощь) от 30 сентября 2009 года [7]. С учетом указанных положений, О. П. Кучинская отметила, что в соответствии со ст. 59 Конституции Украины каждый имеет право на правовую помощь, под чем следует понимать гарантированную государством возможность любому лицу независимо от характера его правоотношений с государственными органами, органами местного самоуправления, объединениями

граждан, юридическими и физическими лицами свободно, без неправомерных ограничений получать помощь по юридическим вопросам в объеме и формах, в которых он нуждается [8, с. 60-61], что мы поддерживаем.

Указанные вопросы еще до принятия действующего УПК Украины неоднократно становились предметом дискуссии ученых. По этого поводу, исследуя вопросы обеспечения защитника-адвоката по УПК 1960 г., вполне уместно отметила О.В. Каплина, что участие защитника является важной гарантией обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве. Его деятельность имеет социальный характер, поскольку, будучи ориентированной на опровержение обвинения, установления обстоятельств, смягчающих ответственность подзащитного, предотвращения нарушений его конституционных прав, она осуществляется не только в интересах (подозреваемого), обвиняемого, но и в интересах правосудия [9, с. 59]. Однако, отметим, что несмотря на некоторое совершенствование положений об участии защитника в уголовном производстве, на законодательном уровне среди определения основных терминов (ст. 3 действующего УПК Украины) не закреплено понятие «защитник», а лишь дано указание кто именно может им быть. А как справедливо заметил И. Мороз, единственным и главным отличием адвокатуры как субъекта предоставления правовой помощи есть адвокатский статус, то есть совокупность предусмотренных законом прав, обязанностей и гарантий адвокатской деятельности. Этот особый статус призван обеспечить эффективность правовой помощи адвоката по сравнению с юридическими услугами, предоставляемыми в Украине дру-

гими субъектами [10, с. 13], что мы поддерживаем.

Что же касается процессуального статуса защитника, как и других участников уголовного процесса, то, по мнению О. В. Мартовицкой, права и обязанности у него возникают с момента привлечения его к сфере уголовных процессуальных отношений, регулируемых нормами действующего законодательства Украины, что в частности регулируется положениями УПК Украины, Законами Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», «О бесплатной правовой помощи» и другими [12, с. 68], что мы поддерживаем, но считаем целесообразным к этому добавить еще то, что реализация прав и обязанностей защитника начинается также с момента подтверждения его полномочий, в частности при представлении свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью или ордера, договора с защитником или поручения органа (учреждения), уполномоченного законом на предоставление бесплатной правовой помощи. Законом запрещается установление любых дополнительных требований или условий для подтверждения полномочий защитника, а также для его привлечения к участию в уголовном производстве. Такое правило носит императивный характер и устраняет возможность любой дискреции лица, осуществляющего уголовное производство, о предоставлении разрешений или запрета участия того или иного защитника в уголовном производстве.

Продолжая исследования, отметим, что положения «Основных принципах, касающихся роли юристов», принятых VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 27 августа-7 сентября 1990) [11], в которых закрепле-

но, что, защищая права своих клиентов и отстаивая интересы правосудия, юристы должны содействовать защите прав человека и основных свобод, признанных национальным и международным правом, а также во всех случаях действовать независимо и добросовестно в соответствии с законом и признанными моральными нормами, а также профессиональной этики юриста. В связи с этим, справедливо отметила А.Г. Яновская, что в условиях состязательного характера уголовного судопроизводства особое значение приобретает деятельность профессиональных участников уголовного процесса, поскольку именно от эффективной деятельности таких субъектов уголовно-процессуальных отношений, как прокуроры и защитники-адвокаты зависит эффективность всего уголовного судопроизводства в целом [13, с. 208], что мы поддерживаем.

На сегодня в соответствии с положениями ст. 48 действующего УПК Украины защитник может быть привлечен в любой момент подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями, а также в случаях и в порядке, определенном статьями 49-53 УПК Украины, защитник привлекается следователем, прокурором, следственным судьей или судом для осуществления защиты по назначению. При этом, необходимо отметить, что последние обязаны воздержаться от предоставления рекомендаций по привлечению конкретного защитника. Одновременно с этим, дальнейший анализ положений статей 48, 53 говорит, что законодатель указывает на возможность приглашения защитника. В связи с этим, недостаточно понятным является то, что именно законодатель вложил в данное положение - или это приглашение с целью дальнейшего привлечения защитника к

уголовному производству, или законодатель приравнял приглашение и привлечение.

По нашему мнению, более полно данный вопрос был урегулированным в ст. 47 УПК Украины 1960 г., в положениях которой было закреплено понятие «приглашение защитника» и «назначение защитника». В частности, приглашение защитника осуществлялось непосредственно подозреваемым, обвиняемым, подсудимым или осужденным, их законными представителями, а также другими лицами по просьбе или согласию подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, а назначение защитника осуществлялось лицом, производившем дознание, следователем или судом. По этому вопросу следует поддержать позицию О. В. Марговицкой, которая предложила в ч. 1 ст. 48 УПК Украины закрепить положение о приглашении защитника, которое осуществляется подозреваемым, обвиняемым, их законными представителями, а также другими лицами по приглашению или просьбой, или с согласия подозреваемого, обвиняемого по участию в уголовном производстве, а в ч. 2 ст. 48 о привлечении, поскольку в случае привлечения защитника следователь, прокурор выносят постановление, а следственный судья и суд постановляют определение [12, с. 85].

В контексте нашего исследования отметим, что статья 52 УПК Украины закрепляет обязательное участие защитника в уголовном производстве. Обязанность такого обеспечения возложена на следователя, прокурора, следственного судью или суд и осуществляется в случаях, если подозреваемый, обвиняемый не привлекли его самостоятельно. Согласно ч. 1 ст. 52 УПК Украины участие защитника является обязательным в уголовном про-

изводстве по делам об особо тяжких преступлениях и обеспечивается с момента приобретения лицом статуса подозреваемого. При этом, в ч. 2 ст. 52 УПК Украины предусмотрены и другие случаи: 1) в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовного правонарушения в возрасте до 18 лет, - с момента установления факта несовершеннолетия или возникновения любых сомнений в том, что лицо является совершеннолетним; 2) в отношении лиц, в отношении которых предполагается применение принудительных мер воспитательного характера - с момента установления факта несовершеннолетия или возникновения любых сомнений в том, что лицо является совершеннолетним; 3) в отношении лиц, которые вследствие психических или физических недостатков (немые, глухие, слепые и др.) не способны в полной мере реализовать свои права, - с момента установления этих отклонений; 4) в отношении лиц, не владеющих языком, на котором ведется уголовное производство, - с момента установления этого факта; 5) к лицам, в отношении которых предполагается применение принудительных мер медицинского характера или решается вопрос об их применении, - с момента установления факта наличия у лица психического заболевания или других сведений, которые вызывают сомнение в его вменяемости; 6) при реабилитации умершего - с момента возникновения права на реабилитацию умершего.

Кроме того, согласно ст. 53 УПК Украины, защитник может быть привлечен для проведения отдельного процессуального действия исключительно в неотложных случаях, когда есть необходимость в проведении неотложного действия с участием защитника, а заблаговременно

уведомленный защитник не может прибыть для участия в проведении следственного действия или обеспечить участие другого защитника, а так же если подозреваемый, обвиняемый изъявил желание, но еще не успел привлечь защитника или его прибытие невозможно. Однако, возникает вопрос: насколько быстро в таком случае можно привлечь защитника, поскольку процессуальный механизм его привлечения осуществляется, согласно ст. 49 УПК Украины, в соответствии с положениям которой следователь, прокурор выносят постановление, а следственный судья и суд выносят определение, которым поручается соответствующему органу (учреждению), уполномоченному законом на предоставление бесплатной правовой помощи, назначить адвоката для осуществления защиты по назначению и обеспечить его прибытие в указанные в постановлении (определении) время и место.

Выводы. Следует констатировать, что на сегодня право на получение квалифицированной правовой помощи гарантируется каждому, и как одно из наиболее значимой гарантией прав и законных интересов человека провозглашено в национальных и международных правовых актах. Учитывая это, одним из исключительно важных, ключевых элементов успешной реализации политической воли относительно евроинтеграции Украины является достижение определенного уровня согласованности национального законодательства с международным правом по этим вопросам, прежде всего с точки зрения приведения украинской системы защиты прав человека по форме и содержанию общепризнанным европейским стандартам, воплощенных, в частности, в прецедентном праве Европейского суда по правам чело-

века. В то же время, положение новых демократических принципов и правовых стандартов пока остается в определенной степени без отработанных механизмов их эффективной реализации и защиты и объясняется некоторым отставанием национального законодательства от потребностей реформирования демократического, правового государства, несоответствием правовых норм потребностям влияния на экономические и социальные преобразования, отсутствием единого стратегического направления в проведении правовых преобразований.

Таким образом, обобщая проведенное исследование, следует подчеркнуть, что обеспечение защитника-адвоката является необходимым условием и залогом высокого качества и эффективности по достижению задач уголовного производства, поскольку этот участник уголовного производства гарантирует правомерность и законность принятых сотрудниками органов досудебного расследования, прокурором процессуальных решений, от которых зависит дальнейшая судьба его подзащитного.

Литература:

1. Конституція України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
2. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 р. № 4651-VI // Голос України № 90–91 (5340–5341) від 19.05.2012 р. – С. 9–49.
3. Кухарук Ю.О. Відвід захисника від участі у кримінальній справі в кримінальному процесі України: монографія / Ю. О. Кухарук. - К.: Центр учбової літератури, 2013. - 148 с.
4. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар/ За загальною редакцією професорів В.Г. Гончаренка, В.Т. Нора, М.Є. Шумила. – К.: Юстініан, 2012. – 1224 с.
5. Кримінальний процес : підручник / Ю. М. Грошевий, В. Я. Тацій, А. Р. Туман та ін.; за ред. В. Я. Тація, Ю. М. Грошевого, О. В. Капліної, О. Г. Шило. - Х. : Право, 2013. - 824 с.
6. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням громадянина Солдатова Геннадія Івановича щодо офіційного тлумачення положень статті 59 Конституції України, статті 44 Кримінально-процесуального кодексу України, статей 268, 271 Кодексу України про адміністративні правопорушення (справа про право вільного вибору захисника) від 16 листопада 2000 року № 13рп/2000 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v013p710-00>
7. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням громадянина Голованя Ігоря Володимировича щодо офіційного тлумачення положень статті 59 Конституції України (справа про право на правову допомогу) від 30 вересня 2009 року № 23-рп/2009 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v023p710-09>
8. Кучинська О. П. Право на захист та кваліфіковану правову допомогу в кримінальному провадженні / О. П. Кучинська // Актуальні проблеми реформування кримінально-процесуального законодавства й удосконалення діяльності судових і правоохоронних органів України : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції м. Луганськ 20 квітня 2012 року. – Луганськ : РВВ ЛДУВС ім. Е. О. Дідоренка, 2012. – С. 57-61.
9. Капліна О. Проблеми забезпечення адекватності тлумачення частини 4 статті 61 кримінально-процесуального кодексу України при усуненні захисника від участі у кримінальній справі. // Юридична Україна. – № 8. – 2005. – С. 59–63.
10. Мороз І. Роль і статус адвоката в кримінальному процесі / І. Мороз // Юрид. вісн. України. – 2011. – № 50 (17-23 грудня). – С. 13.
11. Основные принципы, касающиеся роли юристов от 07.09.1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_313
12. Мартовицька О. В. Реалізація правової допомоги на стадії досудового розслідування : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза; оперативно-розшукова діяльність» / Олена Василівна Мартовицька. – Х. : Харк. нац. ун-т внутр. справ, 2014. – 229 с.
13. Яновська О.Г. Концептуальні засади функціонування і розвитку змагального кримінального судочинства: монографія / О.Г. Яновська. – К.: Прецедент, 2011. – 303 с.

УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ОСНОВЕ СУДЕБНОГО КОМПРОМИССА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

А. КАЛИНИЧЕНКО,

адъюнкт Днепропетровского государственного университета внутренних дел

SUMMARY

We study judicial compromise in criminal proceedings, institute of transactions in Moldova, analysis of criminal proceedings in Moldova and Ukraine. Also we describe restorative justice and conciliation of Moldova, mediation agreements institute, criminal proceedings in this country.

Key words: Moldova criminal proceedings, the judicial compromise, Institute reconciliation, restorative justice and conciliation, mediation, Institute transactions simplified procedure in criminal cases in Moldova, correspondence handling of cases in the criminal trial of the Republic of Moldova, comparative - legal analysis of criminal - procedural norms of Ukraine and Moldova.

* * *

Исследуется институт упрощенного производства на основе судебного компромисса в уголовном процессе, институт сделок в такой стране как Республика Молдова и проводится сравнительно - правовой анализ норм уголовного судопроизводства Молдавии и Украины. Освещаются вопросы восстановительного и согласительного правосудия Молдавии, медиация, институт соглашений в уголовном процессе данной страны.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство Молдавии, судебный компромисс, институт примирения, восстановительное и согласительное правосудие, медиация, институт сделок, упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел в Молдавии, заочное рассмотрение дел в уголовном судопроизводстве Республики Молдова, сравнительно - правовой анализ уголовно - процессуальных норм Украины и Молдавии.

Введение.. Страны всего мира стремятся к демократизации и гуманизации уголовного процесса. Не обошло стороной эти вопросы и наше государство. С принятием Нового уголовно - процессуального кодекса в 2012 году уголовное судопроизводство Украины претерпело ряд существенных изменений, коснувшихся упрощения рассмотрения уголовных дел и внедрения в национальное уголовно - процессуальное законодательство такого правового института, как судебный компромисс. Однако, не только в нашем государстве существуют институты упрощенного производства по уголовным делам, восстановительное, согласительное правосудие и судебный компромисс. В последнее время их активно начали внедрять в национальное законодательство и страны члены СНГ. Одной из стран СНГ, чей опыт необходимо принять во внимание, является Республика Молдова. В связи с этим, для лучшего понимания данного института в нашей стране, предлагается исследовать аналогичные институты на примере такой страны как Молдова.

Актуальность темы исследования подтверждается малой степенью освещенности темы – в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы по исследованию упрощенного производства уголовных дел на основе су-

дебного компромисса в Молдове. Также детальный сравнительный анализ норм уголовного судопроизводства Украины и Молдовы не проводился.

Состояние исследования. Некоторые аспекты исследования судебного компромисса,

медиации, восстановительного и согласительного правосудия в уголовном судопроизводстве Молдавии осуществлялись в научных трудах Давыденко Д.Л., Носырева Е.И., Борисова Е.А., Загайнова С.К., Елисеева А.А., Чекмарева А.В., Карпенко А.Д., Раднаевой Е. Л., Брославской А. Ю., Лобанова Л.В., Лянго Л. Н., Юркова В.В., Воскобитова Л. А., Карягина О. В., Маткина А.И., Головки Л.В., Соколова А.Б., Гуляева А.П., Смирнова И.Г., Арутюнян А.А., Чередовой Е.Е., Волосовой Н.Ю., Барабанова Т.С., Перекрестова В.М., Шестаковой Л.А., Насыбуллина А.И., Мирной Н.В. и других. Однако, развернутый анализ норм уголовного судопроизводства Республики Молдова и таких правовых институтов как судебный компромисс, института примирения, института сделок, упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел в Молдавии не осуществлялся, проблемные вопросы по этому поводу в научных источниках не исследованы.

Целью статьи является освеще-

шение особенностей такого института права как судебный компромисс в Молдове, осуществление сравнения норм судопроизводства Молдовы и нашего государства.

Изложение основного материала. Уголовное судопроизводство Республики Молдова предусматривает **общий** порядок рассмотрения дел в суде первой инстанции и **специальный**, к которому также относится упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел. К последнему, в свою очередь, относятся: упрощенный порядок рассмотрения дел в случае заключения соглашения между прокурором и подозреваемым, обвиняемым о признании вины; процедура условного прекращения уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности; порядок производства расследования и рассмотрения некоторых явных преступлений; заключения соглашения о примирении между обвиняемым и потерпевшим и процедура медиации.

К одному из видов упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел, по законодательству Республики Молдова, относится **порядок рассмотрения дел в случае заключения соглашения между прокурором и подозреваемым, обвиняемым о признании вины.**

Как и уголовно - процессуальное судопроизводство Украины, уголовно - процессуальное законодательство Молдовы предусматривает заключение соглашений о признании вины между прокуратурой и обвиняемым, однако УПК РМ предусматривает определенные различия по сравнению с УПК Украины. В соответствии со ст. 504 УПК РМ соглашение о признании вины является соглашением между государственным обвинителем и обвиняемым или подсудимым, который дал согласие признать свою вину в обмен на сокращение наказания. Соглашение о

признании вины составляется в письменной форме с обязательным участием защитника, обвиняемого или подсудимого в случае совершения обвиняемым незначительных преступлений, преступлений средней тяжести и тяжких преступлений. Судебной инстанции запрещается участвовать в переговорах о признании вины. Суд лишь обязан установить: заключено соглашение о признании вины в соответствии с законом в добровольном порядке, в присутствии защитника и есть ли достаточные доказательства, подтверждающие обвинения. В зависимости от этих обстоятельств суд может принять или отклонить соглашение о признании вины. Такое соглашение о признании вины может быть инициировано как прокурором, так и обвиняемым, подсудимым, его защитником. Оно может быть заключено в любой момент после предъявления обвинения до начала судебного расследования [2].

Согласно ч.2, 3 ст. 474 УПК Украины, рассмотрение по соглашению производится судом во время подготовительного судебного заседания при обязательном участии сторон соглашения с обязательным уведомлением других участников судебного производства. Если соглашение достигнуто в ходе судебного производства, суд безотлагательно останавливает проведение процессуальных действий и переходит к рассмотрению сделки [4, с. 248]. В отличие от УПК Украины, где предусмотрено рассмотрение соглашения в подготовительном судебном заседании, КПК РМ предусматривает, что суд рассматривает соглашение о признании вины в открытом судебном заседании, за исключением случаев, когда заседание может быть закрытым согласно норм закона. В соответствии с положениями УПК РМ, судья спрашивает подсудимого, поддерживает ли он свою позицию относительно со-

глашения о признании вины или не поддерживает. В случае, если подсудимый поддерживает соглашение о признании вины, он дает показания о содеянном преступлении в связи с предъявленным обвинением и о своем отношении к приложенным к делу доказательствам. Если подсудимый не поддерживает соглашение о признании вины, он имеет право отказаться от своих показаний, данных им на досудебном следствии. В этом случае суд принимает решение о рассмотрении дела по полной процедуре.

Если суд убедится в достоверности ответов, данных подсудимым в судебном заседании, и придет к выводу, что признание вины подсудимым сделано им независимо, добровольно, сознательно, без принуждения, он принимает соглашение о признании вины и допускает фактическую основу преступления, в связи с которым подсудимый признает свою вину. В таком случае суд утверждает соглашение и переходит к дебатам, после которых стороны имеют право на реплику, потом суд предоставляет подсудимому последнее слово и выносит приговор. В противном случае, если суд отклонит соглашение о признании вины, данное решение может быть обжаловано прокурором в течение 24 часов. Если свидетели появились согласно повесткам и если судебное разбирательство может состояться, суд немедленно приступает к рассмотрению дела по полной процедуре.

Следующим видом упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел, по законодательству Республики Молдова, является **процедура условного прекращения уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности.**

Согласно положениям ст. 510 УПК РМ, в отношении лица, которому предъявлено обвинение в совершении незначительного преступления или преступления

средней тяжести, которое признает свою вину, не представляет опасности для общества и исправление которого возможно без применения уголовного наказания, уголовное преследование может быть условно прекращено с последующим освобождением от уголовной ответственности в соответствии со статьей 59 Уголовного кодекса Молдовы. Такой упрощенный порядок рассмотрения дел не применяются в отношении лиц, которые: имеют судимость; страдают алкогольной или наркотической зависимостью; должностных лиц, совершивших преступление со злоупотреблением служебным положением; совершивших преступление против безопасности государства; которые не возместили убытки, причиненные совершением преступления.

Уголовно-процессуальный кодекс Молдовы предусматривает определенный порядок условного прекращения уголовного преследования. Так, в случае, если прокурором установлено, что в отношении обвиняемого могут быть применены положения статьи 510 УПК РМ, он своим постановлением условно прекращает уголовное преследование сроком на один год с возможностью возложения на лицо одной или нескольких из перечисленных обязанностей: 1) не покидать населенного пункта, где находится его место жительства, кроме как в порядке, установленном прокурором; 2) уведомлять орган уголовного преследования о каждом изменении места жительства; 3) не совершать преступления или правонарушения; 4) продолжать работу или учебу.

Постановление, принятое в таком порядке, подлежит подтверждению вышестоящим прокурором. Если в течение срока условного прекращения уголовного преследования обвиняемый соблюдал установленные прокурором условия, прокурор обращается с ходатайством к судье по уголовному преследованию с

просьбой об освобождении лица от уголовной ответственности. Судья по уголовному преследованию рассматривает ходатайство прокурора и принимает одно из следующих решений: 1) удовлетворяет ходатайство прокурора, освобождает лицо от уголовной ответственности и прекращает производство по делу; 2) отклоняет ходатайство. Если обвиняемое лицо не соблюдало установленных прокурором условий, а также в случае отклонения ходатайства об освобождении от уголовной ответственности, прокурор направляет дело вместе с обвинительным заключением в судебную инстанцию в общем порядке.

Такой порядок рассмотрения дел Уголовно-процессуальный кодекс Украины не предусматривает, однако, процедура условного прекращения уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности несколько напоминает положение ст. 75 Уголовного кодекса Украины, в которой говорится об освобождении от отбывания наказания с испытанием. Так, ст. 75 УК Украины предусматривает, что если суд при назначении наказания в виде исправительных работ, служебного ограничения для военнослужащих, ограничения свободы, а также лишения свободы на срок не более пяти лет, учитывая тяжесть преступления, личность виновного и иные обстоятельства дела, приходит к выводу о возможности исправления подсудимого без отбывания наказания, он может постановить об освобождении от отбывания наказания с испытанием. Испытательный срок (ч. 3 ст. 75 УК) при освобождении от отбывания наказания с испытанием устанавливается продолжительностью от одного до трех лет, который может быть меньше срока назначенного основного наказания, равным ему или превышать определенный срок наказания [3, с. 33].

Еще одним видом упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел по законодательству Республики Молдова является **порядок осуществления преследования и рассмотрения некоторых явных преступлений.**

В соответствии со ст. 513 УПК РМ явным считается преступление, раскрытое в момент его совершения, или преступление, исполнитель которого сразу после совершения преступления преследуется пострадавшим, очевидцами или другими лицами, или застигнут недалеко от места совершения преступления с оружием, инструментами или другими предметами, которые дают основание предполагать, что он является участником преступления.

Данная процедура рассмотрения уголовных дел применяется в отношении явных незначительных преступлений, преступлений средней тяжести и тяжких преступлений.

Такая процедура не применяется в отношении преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также по совокупности преступлений, когда одно преступление или более, совершенное одним и тем же лицом, не является явным.

В случае совершения явного преступления органом уголовного преследования составляется протокол, в котором указываются установленные обстоятельства совершенного деяния, показания подозреваемого, если он согласен дать их, и показания других опрошенных лиц. В случае необходимости могут быть собраны и другие доказательства, о чем делается отметка в протоколе. После этого протокол предъявляется для ознакомления опрошенным лицам и вместе с другими материалами немедленно, но не позднее чем в течение 12 часов с момента его составления представляется прокурору.

Прокурор, получив материалы уголовного преследования,

проверяет, соответствуют ли они положениям закона, и в случае достаточности доказательств, предъявляет исполнителю деяния обвинения, составляет обвинительное заключение и распоряжается о передаче дела в суд. Если прокурор считает, что доказательств недостаточно для предъявления лицу обвинения, он распоряжается о продолжении уголовного преследования с указанием действий, подлежащих осуществлению и устанавливает необходимые для этого сокращенные сроки. В случае если прокурор принял решение о продолжении уголовного преследования и обвиняемый задержан, прокурор решает вопрос о применении к нему меры пресечения.

После того как дело попадает в суд, назначение к слушанию дел по явным преступлениям осуществляется в 5-дневный срок со дня получения материалов дела. Присутствие подсудимого, потерпевшего и свидетелей в судебном заседании обеспечивается прокурором. Рассмотрение дела производится в общем порядке, предусмотренном УПК РМ, а если заключено соглашение о признании вины, то применяется соответствующая процедура. Если в судебном заседании стороны требуют предоставления срока для предъявления дополнительных доказательств, то этот срок не может превышать 10 дней. Если дело было направлено в суд вместе с задержанным лицом, в отношении которого не была применена мера пресечения, суд, который будет рассматривать дело, по ходатайству прокурора выносит решение и о применении меры пресечения.

В случае рассмотрения дела по явному преступлению суд выносит решение в день, когда заканчивается судебное расследование, или не позднее чем в течение следующих 3 дней. Решение должно быть составлено в течение 24 часов.

Рассмотрение дела в апелляционном и кассационном порядке также имеет свои особенности. Так, апелляционные жалобы на судебные решения по делам о явных преступлениях могут быть поданы в течение 3 дней со дня провозглашения или составления решения. Материалы дела направляются в апелляционную и кассационную инстанции в течение 24 часов после окончания срока подачи апелляционной или кассационной жалобы. Рассмотрение дел апелляционной инстанцией осуществляется в неотложном порядке. Кассационные же жалобы на решения, принятые в данном порядке, подаются и рассматриваются в общем порядке.

Последним видом упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел в Молдове является **заключение соглашения о примирении между обвиняемым и потерпевшим и процедура медиации**.

Как и КПК Украины, Уголовно - процессуальный кодекс Молдовы предусматривает возможность заключения соглашения о примирении между обвиняемым и потерпевшим на любой стадии уголовного процесса до вынесения приговора по делу. Кроме этого, в отличие от КПК Украины, законодатель Молдовы закрепил возможность сторон выбрать самостоятельно путь заключения такого соглашения: самостоятельно или с помощью посредничества (медиации).

Прежде всего, рассматривая данный вопрос, нужно подчеркнуть, что ч. 1 п. 12,13 ст. 60 УПК РМ предусмотрено право потерпевшего отозвать поданные им или его представителем жалобы, в том числе, жалобы на совершенные в отношении него действия, запрещенных законом, и примириться с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым в случаях, предусмотренных законом. Аналогичное право на примирение предусмотрено и для подо-

зреваемого (ч. 1 п. 21 ст. 64 УПК РМ), обвиняемого, подсудимого (ч. 2 п. 29 УПК РМ).

Кроме этого, ч. 1 п. 6 ст. 275 УПК РМ предусматривает одним из обстоятельств, исключающих производство по делу – отсутствие жалобы потерпевшего в случае, если уголовное преследование начинается согласно статье 276 УПК РМ только на основании его жалобы. В свою очередь, ст. 276 УПК РМ предусматривает, что уголовное преследование начинается только на основании предварительно заявленной жалобы потерпевшего в случае совершения преступлений, предусмотренных в пункте 1 статьи 152, статьях 153, 155, части 1 статьи 157, статьях 161, 170, 177, частях 1 и 2 статьи 179, статьях 193 и 194, части 1 статьи 197, части 1 статьи 198, статьях 200, 202, 203, части 1 статьи 204, ст. 274 Уголовного кодекса Молдавии, а также в случае кражи имущества, совершенного супругом (супругой), родственниками, если ущерб нанесен опекуну или лицом, которое проживает вместе с пострадавшим или принятым им на проживание. При примирении потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым в случаях, указанных в настоящем УПК Молдовы, уголовное преследование прекращается. Процедура по таким делам является общей. Примирение осуществляется лично и имеет силу, если оно наступило до признания судебного решения окончательным [2].

Также согласно ч. 1 п. 1 ст. 285 УПК РМ прекращение уголовного преследования на досудебном следствии осуществляется если установлено, что предварительно заявленная жалоба была отозвана потерпевшим или стороны помирились – в случаях, когда уголовное преследование может быть начато только на основании предварительно заявленной жалобы лица или когда уголовный закон допускает примирение.

Примирение возможно и в судебном заседании при рассмотрении дела в суде (ч. 1 ст. 332 УПК РМ).

Итак, в Уголовно-процессуальном кодексе Молдовы официально закрепляется возможность примирения между обвиняемым и потерпевшим. Однако, КПК РМ не указывает с помощью какой процедуры будет осуществляться такое примирение: участники заключают соглашение о примирении самостоятельно или с помощью медиатора. Также в УПК не прописаны права и обязанности медиатора, как отдельного субъекта уголовного процесса. Однако, эти пробелы в кодексе, в определенной степени, компенсируют положения Закона Республики Молдова «О медиации» от 14.06.2007 года № 134- XVI, в котором часть 2 главы VI посвящена медиации по уголовным делам.

Данный закон дает определение понятия медиации, закрепляет ее принципы, основные права и обязанности участников медиации и медиатора, устанавливает статус медиатора, закрепляет порядок организации профессиональной деятельности медиатора, процедуру проведения медиации и гарантии прав участников медиации и медиатора.

Статья 32 Закона «О медиации» устанавливает, что сторонами медиации по уголовным делам является жертва преступления и лицо, совершившее преступление. Также согласно положениям данной статьи, в медиации по уголовным делам может участвовать только аттестованный медиатор, который включен в Список медиаторов.

Если при проведении медиации в уголовных делах одна из сторон является несовершеннолетним лицом, участие педагога или психолога обязательно. Также согласно положениям данного Закона, процесс медиации не заменяет и не приостанавливает уголовный процесс. Кроме

этого, факт участия в медиации не может служить доказательством признания вины. Отказ от подписания соглашения о примирении не может ухудшить положение сторон.

В соответствии со ст. 33 Закона «О медиации», медиатор, который осуществляет медиацию в уголовных делах, вправе: а) ознакомиться с информацией, относящейся к сути дела; б) ознакомиться с данными о сторонах, участвующих в медиации; с) встречаться со сторонами, в том числе с обвиняемым, который находится под арестом, без ограничения количества и продолжительности встреч [1].

Закон также предусматривает, что не могут выступать в качестве медиатора по уголовным делам офицер по уголовному преследованию, прокурор, судья, адвокат одной из сторон, а также лицо, деятельность которого не совместима с осуществлением функций медиатора на основании некоторых специальных законов. В случаях, предусмотренных в части 2 статьи 33 Уголовно-процессуального кодекса, медиатор должен воздержаться от участия в процессе медиации.

Интересно, что согласно статье 35 Закона, медиация, гарантированная государством, то есть, в случае осуществления медиации в уголовных делах, в которых примирение сторон ведет к устранению уголовной ответственности, стороны имеют право воспользоваться услугами медиатора, обеспеченного государством, на условиях, установленных Правительством. Итак, процедура медиации является бесплатной.

Процедура медиации может быть проведена следующим образом. В преступлениях, в которых возможно примирение между обвиняемым и потерпевшим, по инициативе одной из сторон, а также органов следствия, прокуратуры или суда производится медиация. Данная процедура

проводится посредником (медиатором) для примирения сторон и компенсации вреда потерпевшему, восстановления его нарушенных прав.

В соответствии с нормами Закона «О медиации», орган уголовного преследования или суд, в производстве которых находится уголовное дело, до начала процедуры медиации, по соглашению сторон, предоставляют в распоряжение медиатора необходимые материалы без ущерба уголовному преследованию или судебному разбирательству. Медиатор несет ответственность, установленную законодательством, за разглашение информации, предоставленной в его распоряжение на стадии досудебного следствия или судебного процесса.

После завершения процедуры медиации, медиатор подает органу уголовного преследования или суду, в производстве которых находится уголовное дело, соглашение о примирении вместе с письменным отчетом о принятых мерах и о результате медиации, не раскрывая при этом содержания встреч со сторонами. В свою очередь, орган уголовного преследования или суд проверяет в присутствии сторон, подписано ли соглашение о примирении сознательно, добровольно и с соблюдением прав сторон, и утверждает соответствующее соглашение или отказывает от его утверждения мотивированным решением.

В случае, если договор о примирении не будет подписан, а также если обвиняемый не выполнит условия договора, медиатор направляет органу, в производстве которого находится уголовное дело, письменный отчет о своей деятельности, выполненных действиях, направленных на примирение, а также раскрывает причины, в связи с чем соглашение о примирении не подписано.

К сожалению, пока в законодательстве Украины не существует норм, регулирующих медиацию

в уголовном процессе. Вопрос посредничества для нашего государства является новым и требует законодательного закрепления. Автор статьи надеется, что именно в данном направлении в дальнейшем будет двигаться законотворческая деятельность отечественного законодателя, и пробелы законодательства по этому вопросу в будущем будут четко регламентированы и в нашем государстве.

Выводы. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Молдова на современном этапе активно использует разнообразные средства упрощения судебного рассмотрения уголовных дел для разгрузки судебной системы и гуманизации уголовного судопроизводства в целом. Внедрение институтов судебного компромисса, восстановительного и согласительного правосудия в уголовно - процессуальное законодательство Молдовы помогает снять излишнюю бюрократизацию уголовного судопроизводства и делает его доступным для лучшего понимания граждан.

Литература:

1. Закон Республики Молдова «О медиации» от 14.06.2007 г. № 134-XVI [Электронный ресурс] – <http://arbitraj.chamber.md/index.php?id=143>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] – http://www.pravo.org.ua/files/_pdf
3. Уголовный кодекс Украины: по состоянию на 7 апр. 2013 г. - Серия изданий «Официальный документ». - К.: Велес 2013. - 160 с. - (Серия изданий «Официальный документ»).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: по состоянию на 21 августа. 2013 г - отвечает офиц. тексту - М.: Изд. ПАЛИВОДА А.В. 2013. - 382 с. - (Кодексы Украины).

APRECIEREA RAPOARTELOR DE EXPERTIZĂ A MICROOBIECTELOR DE CĂTRE ORGANUL DE URMĂRIRE PENALĂ ȘI DE INSTANȚA DE JUDECATĂ

Constantin PISARENCO,
doctorand

SUMMARY

The specificity of detection, lifting and keeping of micro objects condition evaluation the expert who has researched these items. Primary appreciation to the following aspects: compliance of the procedural rules and microscopic examination; completeness of the study; authenticity and completeness of the material used; reliability and validity of the micro objects, their place in the system of other evidence.

Keywords: micro objects, expert, conclusion, prosecuting agency, court instance

REZUMAT

Specificul depistării, ridicării și păstrării microobiectelor condiționează anumite particularități ale verificării și evaluării concluziei expertului care a cercetat aceste obiecte. Așadar, urmează a fi apreciate anumite aspecte: respectarea prevederilor procesuale, dispunerea și efectuarea expertizei microobiectelor, investigația exhaustivă și deplinătatea utilizării materialului, veridicitatea și fundamentarea concluziilor, precum și locul acestora în cadrul probatorului.

Cuvinte-cheie: microobiecte, rapoarte de expertiză, organ de urmărire penală, instanță de judecată

Introducere. *Concluziile expertului, ca și orice alt mijloc de probă, sînt apreciate de către ofițerul de urmărire penală și de instanța de judecată. Aceste concluzii sînt apreciate sub două aspecte. În primul rînd, e apreciată utilitatea concluziilor expertului în calitate de mijloc de probă referitor la purtătorul sursei informaționale al datelor constatate. În al doilea rînd, sînt supuse aprecierii datele faptice constatate, și anume probatoriul pe cauză. Aceste aspecte sînt direct interdependente [1].*

Scopul studiului a fost de a elucidarea particularitățile verificării și evaluării concluziei expertului care a cercetat microobiectele de către organul de urmărire penală și de instanța de judecată.

Materiale și metode aplicate. Au fost consultate literatura de specialitate la tema de cercetare, registrele electronice ale bibliotecilor de profil, inclusiv cărți și articole de reviste etc. Pentru atingerea scopului prestabilit, au fost aplicate diferite metode de cercetate științifică: inductivă și deductivă, comparativă, logică și alte metode de analiză a datelor faptice.

Rezultate obținute și discuții. Specificul depistării, ridicării și păstrării microobiectelor condiționează anumite particularități ale verificării și evaluării concluziei expertului care a cercetat aceste obiecte.

În conformitate cu art. 90 din CPP al Republicii Moldova [2], raportul de expertiză este inclus în lista probelor, care, conform art. 101 CPP, “urmează să fie apreciat din punct de vedere al pertinentei, concludenței, utilității și veridicității lui, iar toate probele în ansamblu – din punct de vedere al coroborării lor” [3, c. 82].

În primul rînd, la primirea re-

zultatelor expertizei microobiectelor, organul de urmărire trebuie să verifice legalitatea modului de obținere a datelor faptice (probelor). Apoi trebuie să verifice și să evalueze perfectarea procesuală, precum și corectitudinea și caracterul complet al soluționării problemelor înaintate spre expertiză. În conformitate cu art. 151 CPP al RM, după efectuarea investigațiilor necesare, expertul întocmește în scris un raport, pe care îl semnează și aplică ștampila. Astfel, documentul prezentat de către expert – concluzia – trebuie să corespundă formei procesuale definite, prevăzute de legislație, în care se indică: când, unde și cine (numele, prenumele, studiile, specialitatea) a efectuat expertiza; faptul informării expertului despre răspunderea penală pentru prezentarea cu bună știință a unor concluzii false; titlul, gradul științific și, după caz, funcția persoanei care a efectuat expertiza; actul prin care s-a dispus efectuarea expertizei; persoanele care au asistat la efectuarea expertizei; materialele utilizate de către expert, investigațiile efectuate, operațiunile de efectuare a expertizei, metodele, programele și echipamentele utilizate; întrebările adresate expertului; concluziile pe marginea întrebărilor. Dacă, în cursul efectuării expertizei, expertul constată circumstanțe ce prezintă interes pentru cauza penală, dar cu privire la care nu i s-au pus întrebări, el are dreptul să le menționeze în raportul său.

Organul de urmărire trebuie să se convingă nu numai de acest fapt, dar și de faptul că cercetările au fost efectuate de persoane competente, versate anume în domeniul științei (tehnicii) necesar pentru investigație. Acest fapt poate fi confirmat de: studiile persoanelor în cauză – generale sau speciale, activitatea științifică de cercetare, vechimea în muncă pe specialitate și în funcția de expert.

De asemenea, este verificată

imparțialitatea expertului privind rezultatul cazului («pentru prezentarea cu bună știință a concluziilor false, expertul poartă răspundere în conformitate cu art. 312 din Codul penal», art. 88 CPP al RM). În continuare, în conformitate cu cerințele legislației, se verifică temeiul documentului procesual în baza căruia a fost efectuată expertiza: cine a asistat la efectuarea ei; ce materiale a utilizat expertul; ce probe materiale, mostre și alte obiecte au fost supuse investigației; ce investigații concrete au fost efectuate; ce metode au fost aplicate și dacă sînt ele suficient de sigure, precum și circumstanțele care au importanță pentru caz și stabilite la inițiativa expertului însuși. Se precizează conformitatea mersului și rezultatelor cercetării tuturor sarcinilor puse în fața expertizei și cercetării obiectelor prezentate (inclusiv a ambalajelor acestora).

Deseori în concluziile experților se întîlnesc așa-numitele *redactări ale deciziei despre desemnarea expertizei*: modificarea întrebărilor organului de urmărire (diminuarea sau mărirea numărului acestora), formulărilor, modificarea textului, nume diferite date obiectelor prezentate spre investigație. În cazuri individuale, experții menționează redactarea lor sau, în genere, nu indică nimic.

Mulți ofițeri de urmărire penală, acceptînd în esență astfel de modificări, nu fac o evaluare corectă a acțiunilor expertului care își depășește atribuțiile. Totuși, uneori expertul este nevoit să se ocupe de redactarea întrebărilor, de denumirea obiectelor cercetării, din cauza alfabetismului profesional al ofițerilor de urmărire, din lipsa materialelor instructive și instructiv-metodice.

Totodată, orice corectare, redactare a textului și a întrebărilor formulate, excluderea lor din inițiativa experților etc. pot fi îndeplinite numai la etapa de pregătire a lor și nu trebuie să fie reflectate în concluzia expertului. Legea nu îi acordă acest drept.

La apariția îndoielilor privind caracterul complet sau valabilitatea concluziei expertului, poate fi numită o expertiză suplimentară sau repetată. În conformitate cu art. 148 CPP al RM, dacă organul de urmărire penală care a dispus efectuarea expertizei, la invocare de către una dintre părți sau din oficiu, ori instanța de judecată, la cererea uneia dintre părți, constată că raportul expertului nu este complet, iar această deficiență nu poate fi suplinită prin audierea expertului, se dispune efectuarea unei expertize suplimentare de către același expert sau de către un alt expert.

Se dispune expertiza suplimentară dacă concluziile expertului sînt neclare, contradictorii, neîntemeiate, dacă există îndoieli în privința lor și aceste deficiențe nu pot fi înlăturate prin audierea expertului sau dacă a fost încălcată ordinea procesuală de efectuare a expertizei, poate fi dispusă efectuarea unei expertize repetate de către un alt expert sau alți experți. La efectuarea expertizei repetate se poate pune și chestiunea autenticității metodelor utilizate anterior. Primul expert poate participa la efectuarea expertizei respective pentru a da explicații, însă nu poate participa la efectuarea investigațiilor și la finalizarea concluziilor.

Dacă concluzia expertului nu este destul de clară, are lacune pentru acoperirea cărora nu sînt necesare cercetări suplimentare sau dacă a apărut necesitatea de a preciza metodele folosite de expert, organul de urmărire penală sau instanța au dreptul să interogheze expertul, respectînd normele prevăzute de articolele corespunzătoare (art. 87-88 CPP al RM).

În cazul în care organul de urmărire nu este satisfăcut de cercetarea efectuată sau se îndoiește de obiectivitatea și valabilitatea metodologiei utilizate, el are dreptul să recurgă la consultația specialistului în domeniul microobiectelor cercetate.

Toate datele obținute în urma verificării concluziei expertului vor fi

contrapuse de ofițer atît între ele, cît și cu alte materiale din dosar, elucidînd astfel dacă faptele stabilite de expert nu contrazic exactitatea celor care au fost deja stabilite pentru cazul dat.

Evaluarea concluziei expertului asupra rezultatelor cercetării microobiectelor include, în afară de tezele generale menționate mai sus, și verificarea tuturor condițiilor, circumstanțelor apariției sau existenței sursei sau purtătorului de microobiecte: locul, timpul și mecanismul formării lor, în legătură cu comiterea crimei, precum și acțiunile de căutare și detectare, fixare și ridicare, păstrare și trimitere la expertiză.

Astfel, apreciind datele inițiale la desemnarea cercetării experte a microobiectelor, trebuie de luat în considerație:

1) corectitudinea acțiunilor legate de căutarea și detectarea, fixarea și ridicarea obiectelor – surselor posibile (purtători) de microobiecte împreună cu ambalajul lor și păstrarea pînă la expertiză;

2) originea sursei, purtătorului de microobiecte (timpul, locul, alte date);

3) acțiuni străine asupra sursei, purtătorului de microobiecte (durata existenței sau utilizării lui, reparația efectuată, curățarea, vopsirea etc.);

4) locul, timpul, mecanismul interacțiunii (contactului) obiectelor comparate, la comiterea crimei;

5) date despre prezența sau absența interacțiunii dintre obiectele comparate pînă la comiterea crimei;

6) acțiuni concrete cu obiectele comparate (sursa și purtătorul microobiectelor), condițiile de păstrare și utilizare după comiterea crimei pînă la ridicarea lor.

De asemenea, trebuie verificate și condițiile de efectuare a expertizei, faptul că în această perioadă nu a fost posibil un transfer aleatoriu de microobiecte între obiectele comparate sau modificarea localizării microobiectelor.

Pentru soluționarea corectă a

problemelor verificării și evaluării rezultatelor lucrului expertului, a conținutului acestuia, organul de urmărire (procurorul, instanța) trebuie să aibă o reprezentare generală despre esența expertizei în cauză a microobiectelor ca totalitate a particularităților ce o caracterizează (lucrul, obiectul, metodologiile de cercetare, cunoștințele speciale ale experților) și validitatea științifică a ei.

La utilizarea rezultatelor cercetărilor experte ale microobiectelor în investigarea crimelor pot fi examinate cîteva opțiuni [5].

Cînd acuzatul recunoaște, de exemplu, faptul contactului dintre el și victimă, obiectele de la locul faptei, uneltele și mijloacele comiterii crimei, depozițiile lui pot servi drept mijloc de verificare a concluziilor expertului: 1) ele pot să nu coincidă cu concluzia expertului privind lipsa obiectelor intertransferabile (de exemplu, în caz de autoincriminare); 2) ele pot să coincidă cu concluzia expertului și să ducă la detectarea surselor și purtătorilor suplimentari de microobiecte, de exemplu, care intră în setul de haine, și la efectuarea expertizei obiectelor noi. Toate acestea pot duce la fortificarea valorii probatoare a concluziei.

Verificarea minuțioasă a depozițiilor acuzatului poate duce la obținerea probelor suplimentare (noi), la depășirea poziției false a acestuia. În afară de aceasta, trebuie de clarificat dacă obiectele comparate au fost supuse aceleiași prelucrări, dacă au fost supuse aceluiași metode de cercetare; de verificat dacă expertul a interpretat corect rezultatele cercetării, ținînd cont de specificul obiectelor, metodelor și tehnicilor cercetării, de particularitățile și proprietățile evidențiate, dacă el a indicat în partea de sinteză și în concluzii aceleiași particularități ca și în partea investigativă.

La studierea practicii evaluării concluziilor expertizei e necesar de menționat că principala carență a cercetărilor de expertiză a mi-

croobiectelor este utilizarea unui set incomplet de metode și mijloace pentru diagnosticarea lor și mai ales pentru identificarea lor. Cauzele acestor carențe ale cercetării experte a microobiectelor, precum și ale utilizării informației despre ele, după părerea noastră, constau în următoarele:

1) o cantitate foarte mică de material ce nu permite cercetarea completă a microobiectului cu aplicarea unui set de metode necesar și suficient;

2) lipsa echipamentului necesar (microscopie de cercetare cu capacitate de rezoluție înaltă, aparate universale și sensibile, reactivi și materiale auxiliare);

3) pregătirea slabă a ofițerilor în problema detectării, ridicării microobiectelor și utilizării informației despre ele în probatoriul pe cazurile penale;

4) pregătirea și experiența profesională insuficientă a experților în cercetarea microobiectelor;

5) nu există pregătire și specializare centralizată a experților în cercetarea microobiectelor;

6) nu există literatură metodică suficientă pentru ofițeri și experți;

7) nu se valorifică potențialul științific al Academiei «Ștefan cel Mare» a MAI RM și al Academiei de Științe a Moldovei pentru instruirea lucrătorilor-practicieni.

Remediarea acestor deficiențe și a motivelor care le condiționează va contribui la creșterea rolului microobiectelor în descoperirea crimelor [3, p. 85].

Determinarea unor obiecte, grupuri și fapte individuale concrete în cadrul cercetării de expertiză permite utilizarea acestor rezultate în circumstanțele concrete ale cazului penal.

Г. Л. Грановский propune următoarea definiție a noțiunii de *sarcină a expertizei*: «Sarcina expertizei reprezintă obiectul activității expertului orientate spre transformarea practică a potențialei informații probatoare, conținute în datele inițiale,

în informație probatoare actuală despre circumstanțele importante pentru soluționarea corectă a cazului penal sau civil» [6].

Identificarea reprezintă cea mai complicată sarcină a cercetării microobiectelor de aproape orice tip. Savanții caută permanent metode noi, care permit stabilirea diferențelor la materiale analoage. În cazul cercetării urmelor de sânge, spermă și alte materiale biologice, în prezent această sarcină poate fi realizată cu succes cu ajutorul analizei ADN. Pentru multe alte tipuri de microobiecte identificarea este încă imposibilă.

Reconstituirea după urmele materiale, inclusiv după microobiecte, poate ajuta la soluționarea problemei evenimentului crimei. Acest fapt este deosebit de important în cazurile crimelor neclare, când nu există martori ai comiterii. Reconstituirea poate fi o sarcină dificilă, bazată pe un număr mare de diferite tipuri de urme, în alte cazuri – simplă și poate include doar un singur tip de urme.

Drept exemplu pentru reconstituirea parțială poate servi stabilirea faptului interacțiunii de contact a victimei cu unealta crimei. Drept temei pentru reconstituire servește totalitatea de proprietăți ale obiectelor aflate în contact:

a) amplasarea unică în zona interacțiunii particulelor aleatorii și urmelor de substanță de natură variată;

b) compoziția fibroasă unică a materialelor textile ale hainelor în regiunea leziunilor;

c) mecanismul unic de formare a deteriorărilor pe hainele, corpul victimei și a urmelor-aplicări pe unealta crimei în procesul interacțiunii.

Evidențierea totalității irepetabile a tuturor particularităților este foarte importantă pentru stabilirea faptului interacțiunii de contact între victimă și unealta crimei.

Cercetările lui A. Л. Федорцов confirmă că astfel de urme de contact dintre unealtă și corpul și hai-

na persoanei, precum sânge, păr, microparticule și celule izolate de organe și țesuturi, particule de fibre din materialul hainei, în comun cu particularitățile deteriorării hainelor și corpului, în virtutea irepetabilității combinației particularităților, pot fi considerate ca un complex individual [7].

Totuși, un fapt descurajator pentru stabilirea faptului interacțiunii de contact, pînă nu demult, era lipsa principiilor de evaluare a importanței urmelor identificate pe uneltele crimei atît în mod izolat, cît și complex. Există o deosebire esențială între rezultatele analizei și interpretarea lor și acest fapt este de înțeles. Reconstituirea evenimentelor bazate pe analiza microobiectelor este întotdeauna o interpretare, și nu o analiză ca atare. *Analiza*, indiferent de complexitatea ei, permite obținerea rezultatelor sub formă de observații sau mărimi chimice sau fizice ale particularităților obiectelor studiate. *Interpretarea* însă reprezintă explicarea rezultatelor observațiilor și măsurărilor, care constă în traducerea datelor analitice obținute în informație utilă pentru situația cercetată.

Uneori, diferența dintre analiză și interpretare este nesemnificativă, în acest caz interpretarea este evidentă și rezultatele analizei sînt explicate clar. În alte situații, interpretarea rezultatelor poate fi nu atît de evidentă.

Concluziile expertului, în mod inerent, constituie rezultatul cercetării de expertiză și reprezintă răspunsuri la întrebările puse, în care, pe baza cunoștințelor speciale, se constată existența sau absența unui fapt anumit. Încheierea reprezintă concluziile efectuate de expert după rezultatele cercetărilor efectuate, în baza datelor identificate sau prezentate lui despre obiectul cercetat și tezele științifice principale ale ramurii științifice în cauză [8].

După formă, se deosebesc diferite tipuri de concluzii ale experților: 1) concluzie *categorică* (pozitivă

sau negativă); 2) concluzie *probabilă*; 3) concluzia expertului *privind imposibilitatea de a răspunde la întrebarea pusă*, avînd datele inițiale propuse.

În literatura juridică este discutabilă problema semnificației probatoare a concluziei probabile a expertului și posibilității utilizării acesteia în procesul probatoriu.

După cum arată practica, majoritatea concluziilor de expertiză, legate de cercetarea microobiectelor, poartă un caracter probabil. Diferențele dintre concluziile probabile și cele categorice au un caracter condiționat.

În una și aceeași situație de expertiză, experții cu experiență de lucru, cu nivel de cunoștințe speciale, erudiție, caracter, concepție despre lume diferite pot oferi concluzii la fel de pozitive, însă nu la fel de categorice. Astfel de concluzii nu trebuie privite ca fiind contradictorii, deci nu trebuie luate drept criteriu formal la soluționarea problemei privind semnificația probatoare a lor.

Metodele instrumentale folosite la cercetarea microobiectelor presupun prelucrarea rezultatelor obținute în baza metodelor probabilității statistice. Aceasta este caracteristic, de exemplu, pentru cercetarea de expertiză molecular-genetică.

Astfel, în încheiere expertul trebuie să formuleze concluziile în forma permisă de metodele și metodologia cercetării folosite de el. Dacă se efectuează o evaluare probabilistă a rezultatelor obținute, în concluziile expertului trebuie să figureze nivelul de probabilitate a rezultatelor obținute.

Încheierea cu nivel înalt de probabilitate poate fi considerată practic de încredere. Totuși decizia despre fiabilitatea rezultatelor obținute aparține nu expertului, ci instanței în baza informațiilor de care dispune.

Concluzii. La moment, concluziile expertizei microobiectelor constituie un mijloc de probă și sînt evaluate conform principiilor de

apreciere a probelor. Cu toate acestea, concluziilor expertizei microobiectelor necesită o abordare specifică, deoarece aprecierea unui atare tip de probe se bazează pe aplicarea unor cunoștințe particulare pe care nu le posedă subiecții cu drept de a numi expertiza.

Referințe bibliografice

1. Безруких Е. С. Особенности взаимодействия следователя и оперативного работника на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Дис. канд. юрид. наук. Калининград, 2003, 219 с.
2. Codul de procedură penală al Republicii Moldova. <http://lex.justice.md/md/326970/> (vizitat la 10.11.2014)
3. Баканова Л. П. Теоретические и практические основы использования микрообъектов в раскрытии и расследовании преступлений. Ташкент, 2005, 119 с.
4. Codul penal al Republicii Moldova. <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&id=331268> (vizitat la 10.11.2014)
5. Обнаружение, изъятие, исследование и использование микрообъектов в доказывании по уголовным делам. М., 1997, с. 125.
6. Грановский Г. Л. Понятие и основные положения общей теории решения криминалистических задач. В: Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы: Сборник научных трудов. М., 1997, с. 3–12.
7. Медико-криминалистическая идентификация: Настольная книга судебно-медицинского эксперта. Под общ. ред. В. В. Томилина. М., 2000, с. 39–40.
8. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995, с. 45.

IDENTIFICAREA ESENȚEI ȘI ACCEPȚIUNILOR NIHILISMULUI JURIDIC

Rita MUNTEANU,
doctorandă, ULIM

SUMMARY

The idea of the rule of law is not feasible without overcoming legal incivility and the low level of the sense of justice. This article reveals the persistence of the phenomenon in the public consciousness and proves that legal nihilism routinely causes existing legislation to be ignored, violated and not executed inflicting serious harm on constitutional legality. Society in which any law-abiding citizen doesn't feel safe cannot promote development of adequate positive sense of justice, cannot be recognized as democratic and will not function as healthy civil society. A profound analysis of the phenomenon and of its interpretations is vital not from scientific curiosity but for a better understanding of a danger that could lead to the destruction of the legal and moral bases of our society.

Keywords: legal nihilism, public consciousness, rule of law

REZUMAT

Conceptul unui stat de drept este imposibil de realizat fără ridicarea nivelului de cultură juridică. Acest articol reflectă persistența fenomenului nihilismului juridic în cadrul conștiinței juridice și demonstrează că fenomenul dat duce la ignorarea, încălcarea și neexecutarea legislației în vigoare. Societatea în care cetățeanul responsabil nu se poate simți în siguranță, nu poate promova o conștiință juridică coerentă, nu poate fi considerată democratică și nu va funcționa ca atare. O analiză profundă a fenomenului și a interpretărilor sale este esențială nu din curiozitate științifică, ci pentru o mai bună înțelegere a unui pericol care ar putea duce la distrugerea bazelor juridice și morale ale societății noastre.

Cuvinte-cheie: nihilism juridic, conștiință juridică, stat de drept

Introducere. *Conștiința juridică ca fenomen juridic exprimă starea spirituală a indivizilor care se formează ca urmare a asimilării unor cunoștințe juridice și care reflectă atitudinea individului referitor la sistemul de drept, la modul în care sînt reglementate raporturile juridice, la activitatea organelor de stat și de drept [2, p. 81]. În societatea contemporană au loc suficiente cazuri în care conștiința juridică a indivizilor este într-un fel sau altul deformată, fie în virtutea deficitului de informație, fie a lipsei educației juridice, fie din cauza promovării slabe a valorilor juridice etc.*

Scopul prezentului articol constă în abordarea conceptuală a fenomenului studiat prin determinarea esenței și a accepțiunilor sale.

Metodele aplicate și materialele utilizate. Pentru atingerea scopului prestabilit au fost aplicate diferite metode de cercetare științifică: analiza, sinteza, comparația, studiul de caz și conștientizarea logică. La elaborarea acestui studiu au servit o serie de lucrări științifice, reglementări naționale și internaționale.

Rezultate obținute și discuții.

De-a lungul evoluției umane s-a vorbit, dar și s-a scris foarte mult despre fenomenul nihilismului moral, cultural, politic, etic, estetic, într-un cuvînt despre nihilismul social (general), dar o atenție deosebită s-a acordat nihilismului juridic, care s-a aflat într-o evoluție continuă. Este suficient să spunem că la conducerea societății umane s-au aflat mereu oamenii, și nu le-

gea. În context am putea să-l cităm pe A. I. Herțen, care afirma că ”omul, indiferent de statutul său, ignoră sau încalcă legea ori de câte ori are ocazia, dacă simte că nu va suferi de pe urma anumitor impunități, lucru transpus în practică și de guvernare” [17, p. 40].

În literatura de specialitate, esența nihilismului juridic este identificată prin două abordări (metode), pe care în mod convențional le putem numi: a) clasică (tradițională) și b) inovatoare.

În cadrul abordării uzuale, *clasice*, pe care de altfel o preferă marea majoritate a oamenilor de știință, nihilismul juridic este privit ca un fenomen socialmente distructiv, esența căruia constă în manifestarea unei atitudini negative față de drept, în lipsa de încredere în potențialul acestuia de a rezolva problemele societății în conformitate cu cerințele justiției (dreptății și echității) sociale. Asemenea predispoziții antilegale: ”elementele și caracteristicile conștiinței publice și ale psihologiei naționale sînt, de facto, o trăsătură distinctivă a culturii tradițiilor și modului de viață” [25]. Fiind de acord în totalitate cu cele expuse anterior, autorul V. O. Lucin afirmă totuși că ”nu putem ignora factorul național, dar și mai periculos este să exagerăm importanța sa” [21, p. 251]. În același timp, el atrage atenția asupra faptului că nihilismul juridic nu trebuie interpretat ca o caracteristică înnăscută a societății umane. Acest fenomen este, cu siguranță, legat de modul de viață existent în comunitate, reflectînd multe din componentele (elementele) sale negative, dar acest lucru nu este ”un semn din naștere” a psihologiei naționale [6, p. 43].

O parte, însă, a elitei științifice, nu este de acord cu această opinie. Este clar că sentimentul de respingere a dreptului nu apare la naștere, ci se formează în timp și

numai din cauza lipsei de rezultate pozitive la interacțiunea persoanei cu normele de drept. Nihilismul, la fel ca și infractorii, nu se nasc nihilisti, ci se formează pe parcursul vieții. Aceasta este o caracteristică a mentalității umane, inclusiv a noastră, națională, cu toate componentele sale, inclusiv de natură psihologică. Cercetătorii contemporani consideră că ”cu siguranță, una dintre trăsăturile negative ale mentalității (inclusiv naționale) este și nihilismul juridic – un fenomen extrem de distructiv. Disprețul față de drept ca concept este «o boală cronică» a vieții noastre, fapt cunoscut și recunoscut la nivel internațional” [21, p. 182].

Nihilismul juridic este un fenomen complex și multidimensional, dar esența lui se manifestă, în general, prin atitudinea negativă și lipsită de respect față de drept, lege, ordine normativă, iar izvoarele (cauzele) sale principale sînt: ignoranța juridică, indolența, lipsa de experiență, progresul lent sau chiar regresul, lipsa de cultură juridică a mării majorități a populației [22, p. 3].

Una dintre cauzele acestui fenomen este reprezentată de ignoranța juridică. ”Are loc o respingere a dreptului, societatea tinde să se descurce și fără el”. Această ”alienare” nu a apărut ieri, dar însoțește parcursul istoric al societății umane pînă în prezent, fiindu-i un partener devotat” [9, p. 75].

Autorul V.A. Tumanov constată că în momentul în care statul, guvernarea abandonează metodele totalitare de impunere a ordinii de stat și încearcă să ia calea statului de drept, de îndată ce oamenii pot să se bucure de drepturile și libertățile lor fundamentale, se observă nivelul scăzut de cultură juridică existent în cadrul acestei societăți, în care de-a lungul deceniilor a prevalat nerespectarea și subestimarea dreptului.

Nihilismul juridic, privit prin prisma necesității dreptului, a devenit mult mai evident și periculos decît în cazul dreptului nerevendicat [26, p. 52]. Anume astfel de declarații, dar și celelalte similare lor și reprezentă cea mai des întîlnită accepție a nihilismului juridic [6, p. 43].

Adepții abordării *inovatoare* a înțelegerii nihilismului juridic încearcă să fundamenteze ideea despre aspectul său pozitiv sau, mai bine zis, teza conform căreia de apariția nihilismului juridic este vinovat însuși dreptul, deoarece este imperfect, ineficient etc., iar în cazul dat nu are niciun sens să lupți contra lui. Nihilismul juridic este interpretat de ei ca fiind ”un punct de reper social, specific, ce indică vectorul principal de tendințe negative în domeniul juridic, fără de care devine dificil de a găsi defectele și erorile de drept, devenind astfel inaplicabil în cadrul domeniilor ce necesită implicarea lui directă” [27, p. 7]. Această poziție ar mai putea fi denumită și ”dezamorsată” sau chiar ”defăimătoare”; de facto, nu este nimic altceva decît o ipoteză a neîncrederii și scepticismului. Desigur, trebuie de recunoscut faptul că multe dintre legile adoptate nu se bucură de un grad înalt de perfecțiune, ba din contra, sînt chiar ineficiente, nu-și ating scopul, nu reflectă în întregime sau nu reflectă deloc interesele cetățenilor.

Transformîndu-ne într-un ”avocat” al dreptului, pledoaria noastră s-ar axa pe ideea conform căreia: dreptul, ca instituție democratică, umană, nu este vinovat de apariția nihilismului juridic și principala cauză a apariției acestui fenomen se găsește în însăși natura dreptului [6, p. 43]. Experiența arată că imperfecțiunea legilor alimentează în mod obiectiv nihilismul juridic, ele sînt totuși respinse de către cetățeni și percepute de către aceștia ca fiind inechitabile. În par-

te, sîntem de acord cu cele de mai sus, dar nu se cuvine ca pe baza anumitor fapte să fie trase concluzii și generalizări. Cu alte cuvinte, deficiențele (lacunele) dreptului nu pot servi drept motiv pentru a justifica nihilismul juridic.

Nihilismul juridic mai este numit și ”fenomen intersubiectiv, care acționează în calitate de caracteristică a conștiinței juridice, dar și a dreptului, precum și a întregii validității juridice și este, de facto, o non existență a dreptului, o distrugere socioculturală, ontologică, valorică și de accepțiune” [15, p. 21]. Sensul pozitiv același autor îl vede prin prisma negării formale a activiștilor sociali; în esență, înseamnă omologarea ideii de ordine juridică și unitate, rămase nerealizate în experiența personală a individului în viața unei comunități sociale.

Este destul de dificil a fi de acord cu astfel de interpretări vagi ale nihilismului juridic, deoarece acestea se distanțează de esența fenomenului și nu dezvăluie conținutul său de bază. Complexitatea deliberată și dorința de originalitate nu conduc întotdeauna la rezultate pozitive și nu întotdeauna înseamnă ”inovație” [6, p. 44].

În conformitate cu declarațiile autorului V. I. Cervaniuk, care stabilește noi tendințe în studiul nihilismului juridic, menționăm: ”Nihilismul juridic pentru noi este mai degrabă o normă, și nu o patologie; sună nu prea optimist, dar aproape de adevăr” [29, p. 671]. În sine, acest lucru este adevărat! De aici reiese că deoarece nihilismul juridic s-a înrădăcinat adînc în percepția maselor largi, a devenit o normă a comportamentului lor, ar trebui deci să-l acceptăm. Noi considerăm, însă, că tocmai din cauza acestui fapt este nevoie de a „lupta” intenționat cu acest fenomen negativ.

Deținînd ferm poziția la nivelul

conștiinței juridice uzuale, nihilismul devine trăsătura definitorie a vieții, nu doar individuale, ci și sociale. Domeniul său de aplicare este atît de vast, încît capătă un caracter de dezastru național, iar societății în cauză îi cauzează un imens și ireparabil prejudiciu.

Vom aduce cîteva exemple de condamnare oficială a manifestărilor de nihilism, inclusiv de ordin juridic. În anul 1998, o instanță de judecată din Spania l-a condamnat pe Pablo Varela la 5 ani de privațiune de libertate pentru negarea Holocaustului, care este un fapt bine cunoscut de distrugere de către naziști, în timpul celui de-al Doilea Război Mondial, a 6 milioane de evrei (amintim că cuvîntul *nihilism* în traducere literală din limba latină înseamnă ”negație”). În același timp, pentru publicații similare despre realitatea Holocaustului, în Franța a fost condamnat scriitorul și filosoful Roger Garaudy [30]. În cele din urmă, o instanță austriacă a emis verdictul de ”vinovat” într-un proces similar în ceea ce-l privește pe istoricul britanic D. Irving [31]. Prin urmare, în anumite situații și țări, nihilismul poate fi un motiv legitim pentru a priva anumite persoane de libertate.

În Republica Moldova, astfel de situații nu și-au găsit reflecție, și chiar dacă au fost, ele au fost voalate prin prisma altor fenomene. Sînt aceste precedente o ”persecuție” la adresa dreptului la propria opinie? Considerăm că nu! În cunoștință de cauză cu cele menționate mai sus, o atenție deosebită am acorda-o distincției dintre acțiunile ilegale și opiniile nonjuridice. Pentru ideile și concepțiile pe care le avem nu poate surveni răspunderea, deoarece chiar și cele mai dăunătoare și periculoase idei, gînduri nu reprezintă o amenințare, atîta timp cît acestea nu-și găsesc o într-

chipare practică. Însă accepțiunile care rezultă din astfel de gînduri și care conțin semnele unor acțiuni ilegale pot și ar trebui să atragă sancțiuni prevăzute de lege. Cu toate acestea, trebuie de menționat că atunci cînd o persoană este judecată pentru o oarecare fărădelege, putem spune că ea practic este judecată și pentru nihilism juridic, adică pentru lipsa de respect față de ordinea juridică stabilită.

La nivelul conștiinței de masă și de grup, nihilismul juridic este definit ca o atitudine socială, generală, compusă din mai multe setări fixe și individuale. Esența sa este o reacție psihologică de răspuns la stimulii externi al persoanelor fizice sau al societății în general față de reglementările legale [24, p. 66]. Autoarea O. R. Gulina numește nihilismul juridic o formă a conștiinței sociale, care reflectă caracteristicile politice, sociale și istorice ale societății. ”Gradul de nihilism juridic este un test de turnesol, un indicator al stării de sănătate a societății și a statului în care apare” [13, p. 3]. Despre profundul psihologism al fenomenului studiat vorbesc și alți autori. Este greu să nu fim de acord cu aceasta, în special cînd mai multe ”coliziuni” dintre oameni și normele de drept nu dau rezultatele scontate. La cetățeni involuntar se formează o atitudine negativă, atît față de funcționarii ce aplică unele sau alte dispoziții, cît și față de aceste dispoziții [6, p. 44].

Prof. Gh. Costachi vede în nihilismul juridic un antipod al culturii juridice, adică negarea valorii dreptului, a legii și a altor instituții juridice care reglementează relațiile sociale [4, p. 9].

Rolul dreptului în societate este într-o continuă creștere, deoarece el este cel mai important instrument de reglementare a relațiilor sociale; mai mult decît atît, oamenii ar trebui să fie deja

pregătiți pentru o astfel de viață. Teoreticianul I. A. Ilin scria: "Oamenii trebuie, și este demn, să cunoască legile; aceasta este o parte componentă a vieții juridice, deoarece este absurdă și periculoasă acea stare de fapt în care oamenii nu au acces la cunoașterea dreptului (...). Omului, ca entitate spirituală, îi este imposibil de a trăi în afara dreptului" [14, p. 23-24].

Totuși, există cazuri în care nihilismul juridic este provocat de însuși statul în sine, punând persoana într-o situație în care respectarea normelor juridice este imposibilă, dacă vrei să ai o viață decentă (prevalarea normelor morale), deoarece drepturile omului, prevăzute de Constituție, sînt încălcate în mod direct de unele acte normative. Cu toate acestea, trebuie de remarcat faptul că persoanele cu un înalt nivel de cultură juridică vor atrage mijloacele legale de protestare față de aceste acte normative. Un exemplu sînt manifestările pașnice și legale ale mamelor cu copii din Republica Moldova contra modificărilor la Legea cu privire la indemnizațiile pentru incapacitate temporară de muncă și alte prestații de asigurări sociale

Desigur, aceste modificări au un puternic caracter volitiv, dar nihilismul juridic pus în fața unei astfel de situații va avea un caracter forțat. Ne întrebăm: statul nostru, Republica Moldova, prin intermediul Ministerului Muncii, Protecției Sociale și Familiei, și mai ales prin adoptarea unei legi ce vine în contradicție clară cu un drept fundamental-general, universal – acela de a procrea –, dar și cu prevederile propriei sale Constituții (art. 49 al. 2 "Statul ocrotește maternitatea, copiii și tinerii, stimulînd dezvoltarea instituțiilor necesare", art. 50 alin. (1) "Mama și copilul au dreptul la ajutor și ocrotire specială" [3] nu dă oare dovadă de nihilism juridic,

de negarea unui drept bine definit, de devalorizare a acestuia? Considerăm că da!

Nihilismul juridic își are rădăcinile în cadrul diferitor nivele de guvernare, acest lucru este confirmat și de barierele ce există între administrația publică centrală și cea locală. Din păcate, în ultima vreme s-au schimbat foarte puține, atît la nivel legislativ, cît și la nivel executiv. Aceasta, la rîndul său, se transformă într-un teren fertil pentru formarea unei atitudini similare a cetățenilor față de drept. Puterea este concepută pentru a stabili un exemplu de comportament conform întru totul legii, dreptului; cu părere de rău, ne vedem nevoiți să afirmăm că în realitate lucrurile nu sînt chiar așa.

Nihilismul juridic poate fi considerat o trăsătură distructivă a personalității. Reacția negativă față de cadrul legislativ, negarea normelor obligatorii de conduită sau încălcarea flagrantă a lor înțetinesc orice tendință de creștere progresivă, ducînd la distrugerea a tot ce a fost deja realizat cu mari eforturi.

Nivelul (măsura), caracterul, natura și intensitatea atitudinii nihiliste față de drept pot fi diferite. Din acest considerent, nihilismul juridic este divizat în [26, p. 27]:

- Forma *activă* –îi sînt caracteristice toate încălcările legale, încălcarea deliberată a legilor și a actelor normative, ostilitatea față de toate normele de drept, extremismul, terorismul, xenofobia, ura națională și religioasă;

- Forma *pasivă* – îi sînt caracteristice lipsa de încredere în potențialul dreptului ca instituție de bază a societății, negarea lui ca valoare, dimensiunea acestuia etc. O astfel de evaluare a acestui fenomen poate fi exprimată prin termenul de "scepticism", atitudine critică față de ceva, îndoială, frustrare sau indiferență.

Nihilismul juridic, în special în formele sale extreme, exercită efecte diverse asupra persoanelor fizice, are un impact negativ asupra societății și, în cele din urmă, împiedică formarea și funcționarea unui guvern eficient, împiedică efectuarea reformelor democratice, contribuie la răspîndirea lui și negarea diferitor valori spirituale și morale.

Citînd-o pe autoarea I. O. Țîbulevskaia, "(...) subestimarea naturii morale a dreptului duce la funcționarea ineficientă a tuturor elementelor sistemului juridic și are un impact direct asupra dezvoltării societății" [28, p. 7]. Se pare că această subestimare nu face nimic altceva decît să cultive nihilismul juridic, iar la aceasta contribuie și pasivitatea cetățenilor. Oamenii nu utilizează toate oportunitățile pe care le oferă dreptul. Indiferența, refuzul de a participa la rezolvarea problemelor de interes special reprezintă trăsătura principală a multor cetățeni. Ca exemplu poate servi prezența redusă la alegeri sau referendumuri. Am fostcu toții martori la referendumul organizat în 2010 (5 iunie) în Republica Moldova cu scopul modificării Constituției, cînd rata de prezentare la urne a populației a fost sub 33% din numărul celor cu drept de vot.

Termenul de *nihilism juridic*, așa cum este el prezentat de viața de zi cu zi, eutilizat la toate nivelurile de reglementare juridică. Adeseori el este folosit pentru a descrie o situație juridică nefavorabilă. În toate cazurile, această categorie conține un sens negativ, dar pentru a înțelege mai bine acest fenomen ar trebui să se facă distincția între alte concepte similare cu el.

Nihilismul juridic poate apărea la toate categoriile conștiinței juridice: la nivel individual, de grup, pe categorii profesionale, la

nivel de societate. Ne vom oprim asupra unei astfel de categorii ca *nihilismul juridic departamental*, consemnat de teoreticianul V.A. Tumanov [19] și menționat de către cercetătorul I. Frunză [5] drept specific și societății moldovenești contemporane. Astfel, nihilismul juridic departamental este strâns legat de nihilismul juridic la nivel de societate, or persoanele cu funcții de răspundere din organele de stat provin din aceeași societate.

În Republica Moldova și în alte state foste socialiste, nihilismul juridic, cu părere de rău, are rădăcini adânci. Despre el se poate vorbi ca despre un fenomen politico-juridic-cultural. Ne referim la promovarea în masele largi a unei indiferențe totale față de reformele juridice, la lipsa propriilor convingeri juridice și a impactului lor pozitiv [4, p. 9].

Esența nihilismului juridic constă în devalorizarea dreptului și a valorilor juridice de echitate, egalitate, justiție, în ignorarea totală a legilor și a rolului acestora în reglementarea raporturilor sociale, în negarea necesității existenței dreptului și a utilității acestuia.

Nihilismul juridic reprezintă o direcție a gândirii politico-juridice, care neagă valoarea socială a dreptului, importanța lui pentru fiecare individ în parte, fiind considerat o metodă mai inferioară de reglementare a relațiilor sociale [1, p. 16].

Fenomenul nihilismului juridic se formează la nivelul elementelor psihologice și ideologice ale conștiinței juridice ale individului și pot apărea la orice etapă a vieții acestuia sub influența factorilor externi. El poate apărea la nivel individual, de grup, pe categorii profesionale, la nivel de societate și reprezintă o amenințare serioasă pentru întregul sistem de drept.

În literatura de specialitate s-a vehiculat și ideea conform căre-

ia ar trebui să se facă o diferență între *nihilismul drepturilor* și *nihilismul juridic*. Este propus pentru nihilismul drepturilor un astfel de obiect ce ar fi, de facto, combinația potrivită de capabilități ale personalității, care nu este nimic altceva decât un drept subiectiv, iar pentru nihilismul juridic, ca obiect se propune dreptul, în sens obiectiv, dreptul ca lege. O astfel de viziune ne pare greșită, pentru că nerespectarea dreptului de către subiect va face practic imposibil faptul ca acesta din urmă să aibă o atitudine pozitivă față de oportunitățile care decurg din efectele dreptului. Această poziție este deținută în general de către acei oameni de știință ce analizează prin contrast așa categorii ca "dreptul și legea", "dreptul și juridicul" etc. [11, p. 41]. Potrivit acestora, din punct de vedere istoric, dreptul este o categorie mai veche decât juridicul. Desigur, dreptul și legea nu coincid. Analizate măcar și prin prisma faptului că legea este doar o formă de manifestare a dreptului, de rînd cu care mai există și altele, fapt ce nu contravine compatibilității lor.

Ar fi greșit să credem că nihilismul juridic este o trăsătură de bază a păturilor marginalizate. Cu părere de rău, trebuie să recunoaștem că acest viciu este specific atît păturilor de "sus", cît și celor de "jos". De nihilism juridic suferă și elita politică, și intelectuali, și funcționarii publici, și profesioniști cu studii superioare. Dezamăgirea în idealurile juridice, pierderea credinței în valoarea absolută a dreptului, a justiției și echității, o predispoziție la părăsirea jurisdicției cadrului legal și dorința de a opune valorilor fundamentale ale dreptului niște non-valori juridice, așa cum remarcă autorul N. N. Voplenko, duc la nihilismul juridic al juristului și a funcționarului public și nu nu-

mai [10, p. 66]. Această evaluare a situației este foarte precisă, deși dură. Ea întru totul corespunde realității noastre juridice. În cazul în care subiectul înțelege că lipsa de respect față de drept, de lege ar putea avea consecințe negative, dar continuă să ignore prevederile legale, acest comportament poate afecta propriul statut, precum și progresul societății și a statului în general.

O interpretare interesantă ne oferă autorul S. S. Alekseev, care denumește nihilismul juridic o "dramă a dreptului" și-l caracterizează ca o "cădere a dreptului în vîltoarea problemelor practice, neputința sa față de realitățile complexe și dificile ale vieții, declinul prestigiului său, pierderea credinței necondiționate că el, dreptul, reprezintă acea soluție unică și universală de rezolvare a tuturor problemelor de ordin social" [7, p. 188].

Atunci cînd nihilismul juridic se contopește cu cel intelectual, politic, moral, spiritual, cultural, guvernamental, el devine un fenomen greu de combătut. A început să se formeze un tip special de ideologie politică și juridică: toată lumea știe exact ce să distrugă, ce să elimine, ce să reformeze, dar aproape nimeni nu știe cum să faciliteze viața oamenilor, cum să sporească bunăstarea lor. Recent și-a făcut apariția o formă a nihilismului juridic extrem de periculoasă, și anume nihilismul juridic constituțional al cărui obiect este legea principală a țării în ansamblul ei sau unele dintre dispozițiile ei [18, p. 31]. Ignorarea Constituției, încălcarea directă a normelor și principiilor sale, sustragerea de la responsabilitate sînt unele dintre cele mai mari amenințări. În literatura de specialitate se indică faptul că în cadrul nihilismului juridic constituțional standard al comportamentului devine nu normă în sine, ci gradul de

toleranță a ei. Legea fundamentală se respectă atunci când este convenabil, dar cu ușurință poate fi ignorată în cazul unui conflict de interese, în care constituționalitatea legii este ușor înlocuită cu o situație (lege) politică sau de altă natură [16, p. 253].

Autorul A. S. Bondarev consideră că aliajul existent între necunoașterea dreptului, sistemele juridice negative, pasivitatea legală și motivația contrară dreptului a individului formează anticultura juridică a acestuia. Aceasta din urmă, fiind într-o continuă creștere prin imputarea poporului, prin nivelul scăzut de cunoștințe juridice, competențe și convingeri legale, permițând subiecților să abate de la drept, transpun în societate o desocializare juridică [8, p. 21]. Structura juridică a anticulturii, potrivit autorului, include interesul față de drept în cadrul unei societăți juridice bine organizate. Dar acest interes, în multe cazuri, are un caracter negativ. Un subiect cu un nivel scăzut de cultură juridică tinde mereu să găsească lacune, contradicții legale pentru a le putea folosi, fără frica de impunitate, în cadrul unor activități ilegale. Prin urmare, subliniază A. S. Bondarev, este necesar de a implementa la scară națională un sistem, avizat științific, de măsuri de socializare juridică atât a clasei guvernante, cât și a celei guvernate.

În acest sens, nu ne pare corectă definirea nihilismului juridic dată de autorul O. S. Radîkov. Din punctul său de vedere, nihilismul juridic este "negarea drepturilor subiective sau a legislației, care este un profund proces de gândire și un act de voință, conținutul principal al căruia îl reprezintă ideea de neglijare a dreptului subiectiv și a legislației ca neavînd nicio valoare socială și care nu este în măsură să-și exprime, să pună în aplicare, și să asigure nevoile și

interesele actorilor sociali" [23, p. 7]. În opinia noastră, această definiție are mai multe neajunsuri. În primul rînd, fiind prea greoaie, complică foarte mult înțelegerea esenței acestui fenomen. În al doilea rînd, în ea se contrapun dreptul subiectiv și legea (atunci când se utilizează disjunctivul "sau"), dar totodată aceste categorii sînt combinate (prin conjuncția "și"). Sînt reduse la minim acele idei conceptuale ce încurajează existența unui comportament adecvat în cadrul unei societăți. Între timp, experții internaționali estimează doar aspectul executiv nesatisfăcător al legislației noastre, găsind-o, în general, destul de progresivă și democratică. În acest context, o importanță deosebită se acordă stimulentele dreptului [19, p. 153].

În știința de astăzi există o serie de definiții ale nihilismului juridic. Cu toate acestea, unele dintre ele sînt greoaie, complicate, deși în general sînt adevărate; altele, în opinia noastră, nu reflectă pe deplin și cu exactitate esența fenomenului. Procesul este unul de îmbunătățire și perfecționare și acest lucru este normal.

Din primul tip de definiții face parte și cea dată încă în 1990 de către V. I. Goiman, care consideră nihilismul juridic o formațiune a conștiinței juridice individuale sau de grup care, în mod constant, își manifestă neglijența sau altă atitudine negativă față de drept [12, p. 3]. În opoziție stă autoarea O. R. Gulina, care dă o definiție prea limitată (îngustă) a nihilismului juridic, referindu-se la un "fapt din realitate obiectivă, care se manifestă printr-o indiferență, scepticism, neglijență față de lege, drept, stat sau simbolurile sale, chiar prin negare completă a valorii lor sociale" [13, p. 17-18]. Autorul analizează din nou categoria de drept doar prin prisma dreptului obiectiv. Dar va fi considerat nihi-

lism juridic o negare a capacității juridice a individului, prevăzută de lege? Această întrebare este mai mult retorică.

Ni se pare mai potrivită definiția dată de autorul N. I. Matuzov, conform căreia nihilismul juridic este o negare psihologică a dreptului, atât din partea cetățenilor simpli, cât și a funcționarilor publici, precum și activitatea reală ilicită a acestor subiecte. Acest fenomen acționează ca un element de conștiință (individuală și socială), precum și ca o modalitate de a alinia comportamentul individual sau colectiv [20, p. 182]. Dar și această definiție nu este fără defecte. În special, teoreticianul N. I. Matuzov include ca principală caracteristică acțiunile ce au scopul de a încălca dreptul. Și astfel apare întrebarea dacă va fi considerat nihilism juridic abținerea de la executarea unei legi. Din punctul nostru de vedere va fi, deoarece legea sau alt act juridic, în astfel de împrejurări, nu poate funcționa, iar oportunitățile disponibile pentru ei rămîn nerealizabile.

Concluzie. Nihilismul juridic este un element deformativ al conștiinței juridice, antipod al culturii juridice, care neagă valoarea dreptului, legii și a altor instituții juridice care reglementează relațiile sociale și care este generat de mediul social prin negarea activă sau pasivă a normelor de drept prestabilite de stat și care previn (stopează) dezvoltarea progresivă a societății, aceasta din urmă fiind capabilă de a deveni un mediu prielnic pentru comiterea de acte ilicite.

Recenzent:
E. BALTAGA,
dr., conf. univ.

Referințe bibliografice

1. Avornic Gh. Conștiința și cultura juridică – condiție indispensabilă

- a activismului juridic al cetățenilor. În: Revista Națională de Drept, № 2, 2006, p. 8-17.
2. Calmîc M. Conștiința juridică ca premisă a reformării vieții social-juridice a societății Republicii Moldova. Teză de doctor în drept. Chișinău, 2012, 162 p.
3. Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994. Publicată la 12.08.1994 în Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 1. Data intrării în vigoare: 27.08.1994.
4. Costachi Gh., Zlobin S. Конституционные основы правовой культуры. În: Закон и Жизнь, № 10. Chișinău, 2007, p. 9-13.
5. Frunză I. Проблемы демократии, ведомственного нигилизма и юридического образования в Республике Молдова. În: Materialele conferinței practico-științifice interuniversitare «Молдова в аспекте построения демократического государства: проблемы теории и практики», Chișinău, 2005, p. 13-18.
6. Munteanu R. The essence of legal nihilism and its main characteristics. În: Materialele conferinței internaționale "European Union's history, culture, citizenship", 5th Edition, 11-12 May 2013. Pitești, România.
7. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия, некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000, 256 с.
8. Бондарев А.С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности. В: Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. Пермь, 2001, вып. № 2, с. 21-43.
9. Варламова Н.В. Правовой нигилизм в постсоветской России: понимание, истоки, следствия. В: Драма российского закона. М., 1996, 142 с.
10. Вопленко Н.Н. Правосознание юриста и проблема его деформации. В: Вопросы теории государства и права. Саратов; 2001, № 3(12), с. 59-71.
11. Гайворонская Я.В. К вопросу о понимании правовых и юридических норм. В: Правоведение, 2001, № 3, с. 39-45.
12. Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления. В: Советская юстиция, 1990, № 9, с. 3-5.
13. Гулина О.П. Исторические корни и конкретные правовой нигилизм в современной России. Автореферат дис. канд. юрид. Наук, Уфа, БГУ, 2002, 32 с.
14. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Изд-во Парогъ, 1993, 235 с.
15. Касаткин С.Н. Правосознание как категория правоведения: теоретико-методологический аспект. Автореф. дис. к.ю.н., Казань, 2003, 21 с.
16. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002.
17. Лушина Л. А. Нравственно-правовой нигилизм: генезис, сущность, формы. Дис. канд. юрид. Наук, Н.-Новгород, 2003, 202 с.
18. Лысенко В. Конституционный нигилизм. Как лечить? В: Российская Федерация, 1999, № 7, с. 31-32.
19. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Издание второе. М.: Юрист, 2003, 250 с.
20. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: СГАП, 2003, 512с.
21. Матузов Н.И. Правовой нигилизм в свете российского национального менталитета. В: Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Всероссийский научно-методологический семинар. С.-Петербург, 2004, с. 88–110.
22. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали. В: Правоведение, 1994, № 2, 640 с.
23. Радьков О.С. Понятие и классификация правового нигилизма. В: Мир права, 2005, № 4.
24. Сафонов В.Г. Понятие правового нигилизма. В: Государство и право, 2004, № 12, с. 65-69. tigr.wordpress.com › Монографии//
25. Туманов В.А. О правовом нигилизме. В: Советское государство и право, 1989, № 10 <http://ufnovgu.narod.ru/tgp/litumal.htm>
26. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе. В: Гос-во и право, 1993, № 8. <http://www.pravoznavec.com.ua/books/230/17346/17/>
27. Федоренко К. Г. Правовой нигилизм. Диссер. канд. юрид. наук, Нижний Новгород, 2001, 173с.
28. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора юрид. наук. Саратов, 2004, 58 с.
29. Червонюк В.И. Теория государства и права. Учебник. М., 2006, 704 с.
30. Юрьева Д. Срок за нигилизм. В: Российская газета, 2006, 21февраля.
31. Юрьева Д. Суд не поверил историку. В: Российская газета, 2006, 22февраля.

REFLECȚII ASUPRA OBIECTULUI INFRAȚIUNII DE VIOLENȚĂ ÎN FAMILIE

Vitalie IONAȘCU,

lector-superior universitar la Catedra „Științe polițienești și socioumane” a Academiei „Ștefan cel Mare”, doctorand

SUMMARY

The Object makes an indispensable element of a crime. No unlawful act cannot be conceived or incriminated without being based on the object component. Knowing the object of the domestic violence crime is important for the correct qualification of the offense, that establishes an understanding about the value and social relations based on family support and protection, development and strengthening of family members solidarity, friendship, affection and moral and material assistance, these aspects having the decisive importance on the emergence of the offense.

Keywords: domestic violence, object, values, social relationships, family, help, protection, care, health, life

REZUMAT

Obiectul constituie un element indispensabil al componenței de infracțiune. Nicio faptă ilicită nu poate fi concepută sau incriminată fără ca să aibă la bază obiectul împotriva căruia este îndreptată. Cunoașterea obiectului infracțiunii de violență în familie este importantă pentru calificarea corectă a faptei ilicite, fiindcă prin intermediul lui se ajunge să se cunoască valoarea și relațiile sociale referitor la ocrotirea și sprijinirea familiei, dezvoltarea și consolidarea solidarității familiale bazate pe prietenie, afecțiune și întrajutorare morală și materială a membrilor familiei, care formează obiectul nemijlocit, având o importanță decisivă pentru apariția infracțiunii.

Cuvinte-cheie: violența în familie, obiect, valori, relații sociale, familie, ajutor, protecție, ocrotire, sănătate, viață

Introducere. *Analiza obiectului infracțiunii este unul dintre punctele-cheie în examinarea juridico-penală a oricărei componente de infracțiune, fapt ce ne permite să oferim o apreciere juridică faptei criminale și o calificare justă.*

Toate relațiile pe care le apără legea penală și sînt încălcate ca urmare a săvîrșirii infracțiunii, în teoria și practica dreptului penal constituie obiectul infracțiunii. Legea penală nu prevede nicio infracțiune prin lipsa obiectului de atentare [1, p. 73].

În teoria dreptului penal s-a identificat o clasificare ierarhizată a obiectelor infracțiunii, după cum urmează:

- obiect general;
- obiect generic (de grup);
- obiect nemijlocit (de bază și secundar);
- obiect material.

Obiectul general al infracțiunii îl constituie valoarea socială și relațiile sociale privitoare la aceasta, apărute de legea penală prin incriminarea faptelor care aduc atingere ori le pun în pericol [2, p. 74].

Anume obiectul general ne dă posibilitate de a determina conținutul social-politic al dreptului penal, să stabilim caracterul faptelor

săvîrșite și, în unele cazuri, să deosebim infracțiunile de alte încălcări de lege [1, p. 75].

În art. 2, alin. (1) Cod penal (CP) al RM sînt enumerate principalele valori ocrotite de legea penală, care sînt: persoana, drepturile și libertățile persoanei, proprietatea, mediul înconjurător, orînduirea constituțională, suveranitatea, independența și integritatea teritorială a Republicii Moldova, pacea și securitatea omenirii, precum și întreaga ordine de drept [3]. Acestea reprezintă obiectul general de atentare al tuturor infracțiunilor prevăzute de Codul penal, inclusiv al violenței în familie.

Metode utilizate și materia-

le aplicate. În contextul studiului efectuat au fost utilizate un șir de metode de cercetare, precum ar fi: *metoda analizei*, care a constat în examinarea doctrinei juridico-penale referitoare la obiectul infracțiunii; *metoda sistemică*, adică punerea în vizor a premiselor istorice ce au stat la baza incriminării infracțiunii de violență în familie; *metoda comparativă*, care reflectă studiul comparativ al legislațiilor penale în materia incriminării infracțiunii de violență în familie; *metoda logică*, adică aplicarea regulilor și categoriilor logicii juridice la interpretarea normelor dreptului pozitiv

Materialele folosite sînt: legislația Republicii Moldova în domeniul prevenirii și combaterii violenței în familie, doctrina juridică națională, studii și manuale.

Rezultate obținute și discuții. Pentru realizarea scopului propus, pornim de la ideea precum că obiectul general al infracțiunii de violență în familie îl constituie ansamblul de relații sociale, proclamate și apărute de legea penală [3], a căror existență și desfășurare

normală sînt condiționate de ocrotirea ordinii de drept a Republicii Moldova.

Deoarece orice faptă prejudiciabilă, prevăzută de legea penală, întotdeauna cauzează o anumită daună valorilor sociale, obiectul general este unic pentru toate infracțiunile.

Obiectul generic, comparativ cu cel general, are un caracter mai restrîns. Acesta este constituit dintr-un cumul de relații sociale referitor la ocrotirea și sprijinirea familiei, dezvoltarea și consolidarea solidarității familiale, bazate pe prietenie, afecțiune și întraajutorare morală și materială a membrilor familiei, care la rîndul său constituie și un obiectiv național. Violența manifestată între membrii aceleiași familii afectează grav existența acesteia, determinînd frecvent destrămarea ei.

Familia constituie cea mai consistentă și funcțională formă de comunitate umană care, prin funcțiile sale extrem de importante, contribuie la întărirea spiritului de solidaritate socială a membrilor oricărei societăți. Dincolo de funcțiile ei de reproducere biologică și socială, orice familie normală și funcțională asigură socializarea descendenților, oferă continuitate structurilor sociale și modelelor culturale ce caracterizează o anumită societate și, nu în ultimul rînd, permite membrilor ei evitarea agresiunilor existente în spațiul public și constituirea unei vieți cu adevărat comunitare, într-un spațiu privat, caracterizat de relații primare, afectivitate, protecție și siguranță personală. În mod evident, funcționalitatea grupului familial depinde, în cea mai mare măsură, de funcționalitatea vieții sociale, pe care o poate influența la rîndul său. De aceea, orice problemă care afectează familia este dependentă de problemele societății, pe care le amplifică. Violența din cadrul familiei nu este altceva decît

produsul unei violențe generalizate la scară socială, reproducînd tendințele de creștere a agresiunilor în societate. Totodată, violența în familie are un impact puternic asupra violenței sociale, amplificînd posibilitatea de reacție agresivă a membrilor atunci cînd se află în diferite situații de criză ori de conflict [4, p. 14].

Efectele profund dăunătoare ale violenței între membrii familiei, atît pentru aceștia, cît și pentru societate în ansamblul ei, precum și recrudescența unor asemenea acte de violență au impus, ca o necesitate de prim ordin, prevenirea și combaterea violenței și prin mijloacele specifice legii penale. Exprimată în corecții aplicate minorilor, în limitarea independenței soției sau a soțului, în nerespectarea drepturilor, sentimentelor, opiniilor, expectanțelor soției sau ale soțului, în violența între frați, în abuzul asupra membrilor vîrstnici ai familiei etc. [5].

De altfel, obiectul generic este anume criteriul pe care s-a bazat legiuitorul în procesul sistematizării infracțiunilor în capitole, ținînd să grupeze toate relațiile sociale omogene ce țin de ocrotirea uneia și aceleiași valori.

Componenta infracțiunii de violență în familie este inclusă în Capitolul VII „Infracțiuni contra familiei și minorilor” al Părții Speciale din Codul Penal, fiind prevăzută la art. 201¹ al acestuia. Însăși denumirea capitolului indică asupra faptului că obiectul juridic generic al infracțiunii date îl formează relațiile sociale care asigură drepturile și interesele familiei și ale minorilor.

Pentru prima dată legiuitorul a întrunit infracțiunile contra familiei și minorilor într-un capitol aparte în actualul Cod penal. Potrivit Constituției Republicii Moldova, familia, maternitatea (mama) și copilăria (copilul) se află sub ocrotirea sta-

tului [6, art. 48, 49 și 50]. Această ipoteză corespunde pe de-a-ntregul principiilor dreptului internațional în acest domeniu.

O definiție larg cuprinzătoare a familiei este cea dată în preambulul Convenției ONU privind drepturile copilului: „(...) unitatea fundamentală a societății și mediul natural pentru creșterea și bunăstarea tuturor membrilor săi, și în mod deosebit copiii, trebuie să beneficieze de protecția și de asistența de care are nevoie, pentru a putea să joace pe deplin rolul său în societate” [7, p. 55].

În conformitate cu alin. (3) art. 16 din Declarația Universală a Drepturilor Omului din 1948 [8], alin. (1) art. 23 din Pactul internațional despre drepturile civile și politice din 1966 [9], precum și alin. (1) art. 48 din Constituția Republicii Moldova [6], familia constituie elementul natural și fundamental al societății și are dreptul la ocrotire din partea societății și a statului. În Convenția cu privire la Drepturile Copiilor este prevăzută responsabilitatea statului de a-i asigura copilului ocrotirea socială și să-i fie create condiții decente pentru o dezvoltare fizică și psihică normală într-un mediu social sănătos [10].

Familia, ca instituție de bază a societății, are un caracter complex, cu forme și funcții multiple.

Fiind obiect de cercetare a mai multor științe, noțiunea de *familie* poate avea multiple noțiuni. În jurisprudență, ea este definită sub două aspecte: din punct de vedere sociologic și din punct de vedere juridic [11, p. 99].

În *sens sociologic*, familia – ca formă specifică de comunitate umană – desemnează grupul de persoane unite prin căsătorie, filiație sau rudenie, care se caracterizează prin comunitate de viață, interese și întraajutorare. În sociologie de asemenea există o clasificare importantă a familiei, al cărui criteriu este pre-

luat de legiuitorul nostru la atribuirea după categorii a membrilor de familie prevăzută. Acesta este criteriul locuinței, conform căruia distingem familie de rezidență, în condiția conlocuirii [3, art. 133¹, lit. a) și 12, art. 3, alin. (2), lit. a)], ce desemnează persoanele care locuiesc în aceeași casă și desfășoară unele activități economico-gospodărești, și familia de interacțiune, în condiția locuirii separate [3, art. 133¹, lit. b) și 12, art. 3, alin. (2), lit. b)], care desemnează persoanele între care există relații de căsătorie, precum și copiii lor.

În sens juridic, familia desemnează grupul de persoane între care există drepturi și obligații care izvorăsc din căsătorie, rudenie, adopție, precum și din alte raporturi asimilate raporturilor de familie [11, p. 32].

Aceste două noțiuni ale familiei – cea sociologică și cea juridică – în mod obișnuit se suprapun, însă sînt situații în care această coincidență nu există. Spre exemplu, în cazul desfacerii căsătoriei prin divorț, relațiile în sens sociologic încetează, deoarece între soți nu mai există o comunitate de viață și de interese. Însă între copil și părinte se păstrează relația juridică, care se manifestă prin dreptul copilului de a primi întreținerea și educația de la părintele care locuiește separat de el, de a-i purta numele de familie primit prin stabilirea filiației etc.

Legislația în vigoare nu dă o definiție unică a familiei și a membrilor ei, definiție ce ar putea fi folosită oricînd. Poate aceasta e și rațional, deoarece familia formează obiect de reglementare în domeniul de aplicare a unor legi speciale și de aici și sensurile speciale ale familiei. De exemplu, legislația fiscală [13, art. 5, alin. (12), lit. a)] subliniază că membri ai unei familii sînt: soția sau soțul contribuabilului, părinții contribuabilului, copiii contribuabilului și soții sau soțiile

lor, bunicii contribuabilului, nepoții sau nepoatele contribuabilului și soțiile sau soții lor, frații și surorile contribuabilului și soțiile sau soții lor, străbunicii contribuabilului, strănepoții contribuabilului și soții sau soțiile lor, frații și surorile părinților contribuabilului și soțiile sau soții lor, nepoții sau nepoatele contribuabilului de pe frate sau soră și soțiile sau soții lor, frații și surorile bunicii contribuabilului și soțiile sau soții lor, copiii fraților și surorilor părinților contribuabilului și soțiile sau soții lor, copiii nepoților sau nepoatelor contribuabilului de pe frate sau soră și soții sau soțiile lor, precum și persoanele enumerate din partea soției sau soțului contribuabilului. Potrivit Codului civil [14, art. 1433, alin. (1) lit. b)], cercul moștenitorilor legali este foarte mare, cuprinzînd soțul supraviețuitor, descendenții, ascendenții și rudele în linie colaterală pînă la al IV-lea grad inclusiv.

Obiectul juridic generic ne-a dat posibilitatea să distingem specificul infrafracțiunilor contra familiei și minorului de celelalte infrafracțiuni, pe cînd obiectul special ne va permite să delimităm infrafracțiunea de violență în familie din sistemul infrafracțiunilor contra familiei și minorilor.

Deși obiectul juridic generic al componenței analizate cuprinde, pe lîngă relațiile sociale cu privire la protecția familiei, și relațiile sociale cu privire la protecția minorului, prin norma prevăzută la art. 201¹ CP al RM, acesta nu se bucură de o protecție privilegiată.

Menționăm că minorul, deși este predispus față de alți membri ai familiei a fi victimă a actelor de violență în familie, acesta este protejat doar prin prisma calității sale de membru al familiei. În acest sens enunțăm art. 133¹ CP al RM, care prevede că prin *membru de familie* se înțelege:

a) în condiția conlocuirii: per-

soanele aflate în relații de căsătorie, de concubinaj, persoanele divorțate, persoanele aflate în relații de tutelă și curatelă, rudele lor pe linie dreaptă sau colaterală, soții rudelor;

b) în condiția locuirii separate: persoanele aflate în relații de căsătorie, copiii lor, inclusiv cei adoptivi, cei născuți în afara căsătoriei, cei aflați sub curatelă [3, art. 133¹ și 12, art. 3, alin. (2)].

Obiectul juridic nemijlocit al infrafracțiunii îl constituie relațiile sociale din cadrul familiei, a cărei existență și dezvoltare este condiționată de comportarea umană a membrilor de familie, astfel încît să nu prejudicieze dezvoltarea fizică, psihică și morală a altor membri ai familiei.

Realizarea dreptului uman la viață familială fără violență sînt reglementate în conformitate cu următoarele principii: „egalitate în drepturi a soților în familie, sprijin reciproc moral și material, fidelitate conjugală, prioritate a educației copilului în familie, manifestarea grijii pentru întreținerea, educația și apărarea drepturilor și intereselor membrilor minori și ale celor inapți de muncă ai familiei, soluționare, pe cale amiabilă, a tuturor problemelor vieții familiale, inadmisibilitate a amestecului deliberat în relațiile familiale, liber acces la apărarea, pe cale judecătorească, a drepturilor și intereselor legitime ale membrilor familiei” [15, art. 2 alin. (3)].

Obiectul juridic nemijlocit al infrafracțiunii de violență în familie este unul complex, fiind constituit dintr-un *obiect juridic principal* și dintr-un *obiect juridic secundar*. Obiectul juridic principal al infrafracțiunii îl formează relațiile și valorile sociale împotriva cărora aceasta se îndreaptă și care sînt apărute prin incriminarea acțiunii principale din cadrul infrafracțiunii complexe. Obiectul juridic secundar al infrac-

țiunii îl constituie relațiile și valorile sociale împotriva cărora aceasta se îndreaptă și care sînt apărute prin incriminarea acțiunii adiacente din cadrul infracțiunii complexe.

Această clasificare se face nu în funcție de importanța obiectului infracțiunii, ci în funcție de legătura lui cu obiectul juridic generic al infracțiunilor ce constituie grupul respectiv. Din acest punct de vedere, susținem opinia lui Frolov E. A., potrivit căreia obiectul juridic principal îl formează „relațiile sociale, pe care legiuitorul, în procesul de creare a normei juridice, a urmărit să le pună sub ocrotirea legii penale” [16, p. 83].

În cazul violenței în familie, în pericol real de a li se cauza atingere sînt puse și relațiile sociale cu privire la sănătatea fizică și psihică a persoanei, în special a membrului de familie, ba mai mult ca atît – și relațiile sociale cu privire la patrimoniul acestor persoane. Aceasta rezultă chiar din dispoziția legală care incriminează actele de violență în familie: „acțiunea sau inacțiunea intenționată, manifestată fizic sau verbal, comisă de un membru al familiei asupra unui alt membru al familiei, care a provocat suferință fizică, soldată cu vătămarea ușoară a integrității corporale sau a sănătății, suferință psihică ori prejudiciu material sau moral” [3, art. 201¹, alin. (1)].

Deci aceste relații vor constitui obiectul juridic secundar. În art. 201¹, alin. (3) CP al RM, obiectul juridic secundar constituie relațiile sociale cu privire la viața persoanei.

Prin prisma dreptului comparat, putem menționa că în legislația spaniolă și cea suedeză, care incriminează la fel printr-o normă specială această infracțiune, sănătatea fizică și psihică a persoanei nu constituie obiect juridic secundar a acestei infracțiuni, astfel încît în cazul aplicării actelor de vi-

olență, în mod obișnuit (amintim că prin modul obișnuit de realizare a actelor de violență se înțelege aplicarea repetată a acestora) asupra membrilor de familie care se soldează cu urmări prejudiciabile aduse sănătății fizice sau psihice, sau decesul victimei, acestea vor fi calificate în concurs cu infracțiunile contra persoanei, respectiv contra vieții [17, p. 188].

Astfel, constatăm ca atît componenta prevăzută de legislația spaniolă, cît și cea suedeză are doar obiect juridic principal, adică relațiile sociale cu privire la viața familială fără violență.

Reieșind din faptul că aplicarea formelor de violență, ca metodă de realizare a violenței în familie, presupune o influențare nemijlocită infracțională asupra corpului victimei, în asemenea ipoteză, infracțiunea de violență în familie are și un obiect material. Obiectul material al infracțiunii îl formează acea entitate materială asupra căreia se îndreaptă influențarea nemijlocită infracțională, prin al cărei intermediu se aduce atingere obiectului juridic al infracțiunii.

Deci, valoarea socială ocrotită prin prisma art. 201¹ CP al RM se proiectează într-o entitate materială, care constituie corpul victimei, astfel că vătămarea relațiilor sociale are loc prin intermediul acestei entități.

Concluzii. Așadar, obiectul constituie un element indispensabil al componentei de infracțiune. Nicio faptă ilicită nu poate fi concepută sau incriminată fără ca să aibă la bază obiectul împotriva căruia este îndreptată.

Cunoașterea obiectului infracțiunii de violență în familie este importantă pentru calificarea corectă a faptei ilicite, deoarece prin intermediul lui se ajunge să se cunoască valoarea și relațiile sociale referitor la ocrotirea și sprijinirea familiei, dezvoltarea și consolidarea solida-

rității familiale bazate pe prietenie, afecțiune și întraajutorare morală și materială a membrilor ei, care formează obiectul nemijlocit, avînd o importanță decisivă pentru apariția infracțiunii.

Recenzent:
Albert ANTOCI,
doctor în drept,
șef adjunct al Catedrei „Științe
polițienești și socioumane”

Referințe bibliografice

1. Borodac A. ș. a. Drept penal. Chișinău: Știința, 1994, 368 p.
2. Ungureanu A. Drept penal român. București: Lumina Lex, 1995.
3. Codul penal al Republicii Moldova nr. 985 din 18.04.2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 72-74 din 14.04.2009.
4. Rădulescu S. M. Sociologia violenței (intra)familiale: victime și agresori în familie. București: Lumina Lex, 2001, 352 p.
5. Brînză S., Stati V. Drept penal. Partea specială. Volumul I. Chișinău: Tipografia centrală, 2011, p. 1062.
6. Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 1 din 12.08.1994.
7. Culegere de acte normative. Drepturile familiei și copilului. UNICEF. Chișinău: Museum, 2001.
8. Declarația Universală a Drepturilor Omului din 10.12.1948. (Republica Moldova a aderat prin Hotărîrea Parlamentului Republicii Moldova nr. 217-XII din 28.07.1990). În: Veștile, nr. 8 din 30.08.1990, art. 223.
9. Pactul internațional cu privire la drepturile civile și politice din 16.12.1966. (Ratificat de Republica Moldova prin Hotărîrea Parlamentului Republicii Moldova nr. 217-XII din 28.07.1990). În: Veștile, nr. 8 din 30.08.1990, art. 223.
10. Convenția internațională cu privire la drepturile copilului din 20.11.1989. (Republica Moldova a aderat prin Hotărîrea Parlamentului nr. 408-XII din 12.12.1990).
11. Filipescu I. Tratat de Dreptul Familiei. București: All Beck, 1996.
12. Legea Republicii Moldova

privind prevenirea și combaterea violenței în familie nr. 45 din 01.03.2007. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 55-56 din 18.03.2008.

13. Cod fiscal al Republicii Moldova nr. 1163 din 24.04.1997. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova din 25.03.2005, ediție specială.

14. Cod civil al Republicii Moldova nr. 1107 din 06.06.2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 82-86 din 22.06.2002.

15. Codul familiei al Republicii Moldova nr. 1316 din 26.10.2000. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 47-48 din 26.04.2001.

16. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. Дис. на соиск. ученой степени доктора юрид. наук. Свердловск, 1971, 269 с. Citat de Visterniceanu E. Răspunderea penală pentru fîlhărie. Material metodicodidactic. Chișinău: Tipografia Centrală, 2006.

17. Hogaș D. L. Prevenirea și sancționarea violenței domestice prin normele dreptului penal. Iași: Lumen, 2010, 226 p.

LOCUL INCRIMINĂRII INFRAȚIUNII DE SUSTRAGERE SAU EXTORCARE A SUBSTANȚELOR NARCOTICE SAU PSIHOTROPE ÎN LEGISLAȚIA PENALĂ A REPUBLICII MOLDOVA

Sergiu SECRIERU,
doctorand

SUMMARY

The offense of theft or extortion of narcotic or psychotropic substances is criminalized in art. 217⁴ of Penal Code of the Republic of Moldova, time expressing our concern legislature to prevent this harmful act through legal means. In this paper the author examines the place of the crime indictment in criminal law of the Republic of Moldova. In this respect, the author proposed a criterion for the classification of crimes against public health and social cohabitation, under which the offense was attributed to the category of things that create conditions or facilitates proper trafficking of narcotic or psychotropic substances.

Keywords: crimes against public health, crime against social coexistence, narcotic substances, psychotropic substances, theft, extortion

REZUMAT

Infrațiunea de sustragere sau extorcare a substanțelor narcotice sau psihotrope este incriminată la art. 217⁴ Cod penal al Republicii Moldova, normă ce exprimă preocuparea legiuitorului nostru de a preveni această faptă prejudiciabilă prin mijloace juridico-penale. În prezentul articol este analizat locul de incriminare a acestei infrațiuni în legislația penală a Republicii Moldova. În acest sens, autorul a propus un criteriu de clasificare a infrațiunilor contra sănătății publice și conviețuirii sociale, în baza căruia această infrațiune a fost atribuită la categoria faptelor care creează condiții sau facilitează traficează propriu-zisă a substanțelor narcotice sau psihotrope.

Cuvinte-cheie: infrațiuni contra sănătății publice, infrațiuni contra conviețuirii sociale, substanțe narcotice, substanțe psihotrope, sustragere, extorcare

Introducere. *Traficul de droguri reprezintă un fenomen infracțional ce comportă o amenințare gravă pentru sănătatea, siguranța persoanelor și a societăților în ansamblu din spațiul european. Tendințele vădite de globalizare a fenomenului, apariția pe piață a unor substanțe narcotice și preparate sintetice de o nouă generație creează consecințe grave pentru sănătatea publică.*

Utilizarea drogurilor este una din principalele cauze ale problemelor de sănătate și de deces care pot fi evitate, mai ales în rîndul tinerilor.

În același timp, traficul ilicit de droguri reprezintă una dintre cele mai complexe probleme cu care se confruntă actualmente comunitatea internațională. În contextul realizării aspirațiilor de integrare europeană, Republica Moldova a inițiat un

proces amplu de dezvoltare și perfecționare a bazei normative antidrog, care este unul inerent pentru prevenirea și combaterea eficientă a acestui fenomen antisocial.

Un efect deloc neglijabil asupra politicii antidrog îl au normele juridico-penale, care printr-un mecanism ce le este propriu sînt chemate să prevină comiterea faptelor de pericolasă care vizează traficul de droguri.

Prin modelările legislative ope-

rate în Codul penal prin Legea nr. 277-XVI din 04.11.2005 [1], în registrul faptelor infracționale legate de traficul de droguri a fost inclusă infracțiunea de sustragere sau extorcarea a substanțelor narcotice sau psihotrope descrisă la art. 217⁴ CP.

Legiuitorul a sistematizat normele incriminatoare în Partea specială a Codului penal folosind criteriul obiectului juridic generic, format din valori sociale lezate sau puse în pericol prin săvârșirea faptelor penale cu caracter omogen. Plecând de la această tehnică legislativă de orînduire a infracțiunilor, însuși studiul Părții speciale a Dreptului penal, în mod tradițional, este organizat pe un anumit sistem care are la bază clasificarea sau gruparea infracțiunilor prevăzute în legislația penală.

Înțelegerea justă a locului de amplasare a faptelor infracționale în legislația penală are un rol deosebit de important pentru încadrarea juridică coerentă a acestora și aplicarea legii penale în strictă conformitate cu principiul legalității. De asemenea, determinarea acestui aspect ne ajută să înțelegem voința legiuitorului și conținutul politicii penale prin care se voiește prevenirea unui anumit tip de criminalitate.

Materiale și metode aplicate.

La realizarea acestui studiu au fost aplicate următoarele metode de cercetare științifică: metoda analizei logice și a interpretării logice, metoda comparativă, metoda clasificării. Suportul științific al lucrării îl formează lucrările științifice ale cercetătorilor autohtoni și străini, precum și cadrul normativ incriminator autohton și străin.

Rezultate și discuții. În legislația penală a Republicii Moldova, infracțiunea de *sustragere a substanțelor narcotice sau psihotrope* este incriminată la art. 217⁴, amplasat în Capitolul VIII din Partea specială a Codului penal. În limitele incriminatoare prevăzute de acest capitol, legiuitorul prevede răspunderea penală pentru un grup distinct de fapte infracționale, denumite *Infracțiuni contra sănătății publice și conviețuirii sociale*.

Sistematizarea și incriminarea într-un capitol aparte a infracțiunilor de acest gen sînt dictate de necesitatea asigurării existenței și funcționării normale a societății, prin prisma protejării a două valori sociale: sănătatea publică și conviețuirea socială. Raționamentul de care s-a condus legiuitorul, atunci cînd a plasat incriminările destinate ocrotirii acestor două valori într-un singur capitol, constă în gradul strîns de afinitate existent între conviețuirea socială și sănătatea publică. Fără o protejare eficientă a relațiilor sociale referitoare la sănătatea publică nu ar fi posibilă nici buna desfășurare a relațiilor de conviețuire socială [2, p. 6].

În acest sens, în literatura de specialitate se mai menționează că sănătatea publică este o valoare socială deosebit de importantă pentru relațiile de conviețuire socială și pentru toate relațiile sociale în general. Din punct de vedere uman, sănătatea publică înseamnă oameni cu o stare fizică și psihică bună, neafectată de boli. Din punct de vedere colectiv, sănătatea publică înseamnă, pe de o parte, totalitatea condițiilor și măsurilor menite să asigure cît mai pe deplin sănătatea unui grup social organizat – comună, oraș etc., iar pe de altă parte, starea pe care acei grup o are sub raportul sănătății sale. Din acest punct de vedere, sănătatea publică este cu adevărat o valoare socială, o valoare colectivă, de care sun interesați toți membrii colectivității [3, p. 485].

Metoda științifică de care vom face uz pentru stabilirea locului incriminator al infracțiunii de sustragere sau extorcarea a substanțelor narcotice o constituie metoda clasificării. În general, clasificarea reprezintă o metodă științifică de cunoaștere, care are o importanță deosebită în instrumentarul științific, inclusiv și din domeniul juridico-penal. Doctrina contemporană consideră clasificarea drept un instrument firesc de sistematizare a obiectului de studiu, care permite cunoașterea realității obiective.

Se mai menționează că doar în baza unor criterii de clasificare bine definite se face posibilă delimitarea diferitelor entități penale, precum și determinarea naturii juridice a acestora. Prin urmare, metoda clasificării are o importanță teoretico-practică semnificativă, întrucît aceasta constituie un element al activității umane, inclusiv un element științific [4, p. 7].

Studiul de drept comparat în materia infracțiunilor de referință relevă o asemănare vădită între legislația penală a Republicii Moldova și cea din Federația Rusă. În primul rînd, această afinitate rezultă din însăși denumirea capitolelor în care sînt amplasate aceste fapte, denumirea marginală a cărora este identică: *Infracțiuni contra sănătății publice și a conviețuirii sociale* [5; 6].

În al doilea rînd, chiar după conținutul lor juridic multe dintre infracțiunile din legislațiile penale menționate comportă similitudini. De exemplu, în legislația penală a Republicii Moldova, legiuitorul descrie un număr de nouă fapte legate de traficul de droguri (art. 217-219) [5], iar în Codul penal al Federației Ruse sînt incriminate un număr de zece fapte de acest gen (art. 228-233) [6].

Plecînd de la aceste premise îndubitabile, la abordarea problematicei clasificării infracțiunilor contra sănătății publice și a conviețuirii sociale vom face referire inclusiv la doctrina penală rusă existentă în materie.

În viziunea autorului B. Zdravomîslov, infracțiunile analizate pot fi clasificate în două categorii. Primul grup de infracțiuni ce poate fi identificat după conținutul obiectului juridic special îl constituie *infracțiunile contra sănătății publice*, care atentează, în principal, la relațiile sociale condiționate de protejarea sănătății membrilor colectivității. Cel de al doilea grup îl reprezintă *infracțiunile ce atentează la conviețuirea socială*, adică la bunele moravuri existente în cadrul colectivității [7, p. 279].

Un asemenea punct de vedere

este promovată și în doctrina de specialitate autohtonă, menționându-se că infracțiunile incriminate în capitolul VIII din Partea Specială a CP pot fi clasificate în două categorii:

1. Infracțiuni contra sănătății publice (art. 211-219 CP);

2. Infracțiuni contra conviețuirii sociale (art. 220-222 CP) [8, p. 242-243].

Acest mod de abordare pare a fi întru totul justificat și rezultă de fapt, din însăși denumirea Capitolului VIII din Partea specială – *Infracțiuni contra sănătății publice și conviețuirii sociale*.

În contrast, în literatura juridică de specialitate, unii autori, cum ar fi L. Kruglikov, consideră că o asemenea grupare a infracțiunilor în cauză nu permite evidențierea conținutului obiectului juridic special, fapt care poate genera erori la încadrarea juridico-penală a acestora [9, p. 484]. În speță, același autor, reieșind din incriminările instituite în legislația penală a Federației Ruse, clasifică *infracțiunile contra sănătății publice* în următoarele categorii:

• Infracțiuni contra sănătății publice cu caracter general;

• Infracțiuni legate de circulația ilegală a substanțelor narcotice, psihotrope sau a analoagelor, a substanțelor otrăvitoare sau cu efect puternic;

• Infracțiuni contra sănătății publice săvârșite prin crearea unor organizații ce atentează la personalitatea și drepturile cetățenilor.

La rândul lor, *infracțiunile contra conviețuirii sociale* sînt grupate în:

1. Infracțiuni care atentează la principiile moralității sexuale;

2. Infracțiuni ce atentează la monumentele naturale și culturale;

3. Infracțiuni care atentează la relațiile sociale condiționate de respectul față de cei decedați [9, p. 484-485].

Potrivit altor autori, infracțiunile de referință sînt grupate în următoarele categorii:

1. Infracțiuni contra sănătății publice, care la rândul lor se clasifică în două subgrupe:

a. infracțiuni contra sănătății

publice legate de circulația ilegală a substanțelor narcotice, psihotrope, cu efect puternic și otrăvitoare;

b. alte infracțiuni contra sănătății publice.

2. Infracțiuni contra conviețuirii sociale [10, p. 549; 11, p. 457].

În literatura de specialitate autohtonă, autorii S. Brînză și V. Stati clasifică infracțiunile incriminate la Capitolul VIII din Partea specială a CP după cum urmează:

✓ Infracțiuni contra sănătății publice (art. 211-216 CP);

✓ Infracțiuni legate de traficul de substanțe narcotice, psihotrope, analoage sau precursori ai acestora (art. 217-219 CP);

✓ Infracțiuni care aduc atingere unor relații de conviețuire socială (art. 220-222 CP) [12, p. 795].

Într-o altă opinie se consideră că infracțiunile vizate pot fi clasificate în:

▪ Infracțiuni contra sănătății publice cu caracter general (art. 213-216 CP);

▪ Infracțiuni contra sănătății publice urmate de transmiterea unei boli venerice sau de contaminarea cu maladia SIDA (art. 211-212 CP);

▪ Infracțiuni privind traficul ilicit de substanțe narcotice, psihotrope sau de analoage ale acestora. La rândul lor, aceste fapte infracționale pot fi clasificate în două subcategorii: 1) infracțiuni de traficare a substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor acestora (art. 217 și 217¹ CP); 2) infracțiuni care facilitează sau creează condiții pentru traficul de substanțe narcotice, psihotrope sau a anloagelor acestora (art. 217²-219 CP);

▪ Infracțiuni contra conviețuirii sociale (art. 220-222 CP) [2, p. 12].

În accepțiunea noastră, trebuie promovată punctul de vedere potrivit căruia infracțiunile incriminate în Capitolul VIII din Partea specială a CP, urmează a fi clasificate în două categorii de bază:

1) Infracțiuni contra sănătății publice (art. 211-219 CP);

2) Infracțiuni contra conviețuirii sociale (art. 220-222 CP).

Un prim argument întru fundamentarea acestei poziții este că clasificarea acestor fapte în mai multe categorii nu este în acord cu însăși denumirea Capitolului VIII din Partea specială a CP: *Infracțiuni contra sănătății publice și conviețuirii sociale*. Din denumirea marginală utilizată de către legiuitorul autohton reiese, fără echivoc, că infracțiunile în cauză atentează la două valori sociale: *sănătatea publică și conviețuirea socială*. Anume pentru protejarea acestor valori sociale și a relațiilor sociale ce le sînt aferente legiuitorul a instituit răspunderea penală pentru faptele incriminate la Capitolul VIII din Partea specială a CP al Republicii Moldova.

Următorul argument ar fi că identificarea altor grupe distincte de infracțiuni nu este justificată, întrucît acestea nu reprezintă altceva decît unele subcategorii ale infracțiunilor contra sănătății publice. De exemplu, infracțiunile legate de traficul de droguri (art. 217-219 CP) sînt infracțiuni care atentează la sănătatea publică prin prisma încălcării regimului de circulație a acestor substanțe. Totodată, datorită naturii relațiilor sociale pe care le periclitează, determinate de protecția regimului legal de circulație a drogurilor, aceste fapte pot forma un subgrup aparte de infracțiuni ce atentează la sănătatea publică.

Din atare considerente, clasificarea infracțiunilor incriminate în Capitolul VIII din Partea specială a CP urmează a fi realizată în baza a două criterii:

➤ Natura valorilor sociale periclitare sau vătămăte prin realizarea conduitei infracționale. În acest sens, după cum s-a menționat mai sus, din denumirea marginală a Capitolului VIII reiese că acesta încorporează incriminări destinate protejării a două valori sociale: *sănătatea publică și conviețuirea socială*.

➤ Natura relațiilor sociale periclitare sau vătămăte prin infracțiuni care atentează la aceeași valoare socială. După cum se menționează, pe bună dreptate, în doctrină, infracțiunile care atentează la una și aceeași

valoare socială (care, după caz, poate fi sănătatea populației sau conviețuirea socială) sub aspectul obiectului juridic nemijlocit de atentare se deosebesc pe orizontală prin natura relațiilor sociale care îi determină existența [13, p. 78]. Spre exemplu, sănătatea publică la infracțiunea de practicare ilegală a medicinei sau a activității farmaceutice (art. 214 CP) afectează sănătatea publică prin prisma încălcării relațiilor sociale determinate de practicarea în condiții de legalitate a medicinei, pe când la cea de circulație ilegală a substanțelor narcotice, psihotrope sau a analoagelor cu scop de înstrăinare (art. 217¹), sănătatea publică este dăunată prin încălcarea relațiilor sociale privitoare la asigurarea legalității regimului de circulație a substanțelor menționate.

Astfel, putem deduce că *infracțiunile ce formează obiect de preocupare în cadrul acestui studiu pot fi clasificate în baza unui criteriu principal, determinat de valoarea socială asupra căreia se atentează prin comiterea faptei, și subclasificate în baza unui criteriu suplimentar, determinat de natura relațiilor sociale care se situează și se formează în jurul uneia și aceleiași valori sociale.*

Concluzii. Plecând de la premisele invocate mai sus, considerăm că *infracțiunile contra sănătății publice* pot fi clasificate în următoarele subcategorii:

1. Infracțiuni contra sănătății publice cu caracter general. Din categoria acestora fac parte infracțiunile care atentează la relațiile sociale din diferite domenii de activitate umană destinate ocrotirii sănătății publice (art. 211-216 CP). În esență aceste infracțiuni constau fie în încălcarea anumitor reguli de precauție (de exemplu, transmiterea unei boli venerice, răspândirea bolilor epidemice etc.), fie în încălcarea condițiilor de exercitare a anumitor activități (cum ar fi, de exemplu, producerea, transportarea, păstrarea, comercializarea, oferirea cu titlu oneros sau gratuit a produselor (mărfurilor), prestarea serviciilor periculoase pentru viața sau sănă-

tatea consumatorilor). Totodată, în funcție de semnele subiectului infracțiunii aceste infracțiuni pot fi divizate în:

a. *Infracțiuni contra sănătății publice săvârșite de subiecți generali.* În această clasă se înscriu: publicitatea în scopul obținerii ilegale de organe, țesuturi sau celule umane sau privind donarea ilicită a acestora (art. 213¹ CP); practicarea ilegală a medicinei sau a activității farmaceutice (art. 214 CP); producerea sau comercializarea medicamentelor contrafăcute (art. 214¹ CP); răspândirea bolilor epidemice (art. 215 CP); producerea, transportarea, păstrarea, comercializarea, oferirea cu titlu oneros sau gratuit a produselor (mărfurilor), prestarea serviciilor periculoase pentru viața sau sănătatea consumatorilor (art. 216 CP).

b. *Infracțiuni contra sănătății publice săvârșite de subiecți speciali.* În acest registru pot fi catalogate: transmiterea unei boli venerice (art. 211 CP); contaminarea cu maldia SIDA (art. 212 CP); încălcarea din neglijență a regulilor și metodelor de acordare a asistenței medicale (art. 213 CP).

2. Infracțiuni contra sănătății publice legate de traficul ilicit de substanțe narcotice, psihotrope sau de analoage ale acestora (art. 217-219 CP). În mod convențional, aceste fapte pot fi clasificate în două subcategorii:

a. *Infracțiuni de traficare a substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor acestora.* La această categorie sînt atribuite două infracțiuni: circulația ilegală a substanțelor narcotice, psihotrope sau a analoagelor lor fără scop de înstrăinare (art. 217 CP) și circulația ilegală a substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor lor în scop de înstrăinare (art. 217¹ CP). În baza acestui model incriminator, legiuitorul moldovean a dat expresie unei individualizări legale pentru faptele de traficare a drogurilor. Legiuitorul, de bună seamă, a considerat că traficul ilicit al substanțelor menționate, orientat spre înstrăinarea lor, prezumă un grad prejudiciabil

sporit față de aceeași faptă săvârșită fără un asemenea scop. Din atare considerente, fapta incriminată la art. 217¹ CP este sancționată mai aspru în raport cu cea pedepsită la art. 217 CP

b. *Infracțiuni care facilitează sau creează condiții pentru traficare a substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor acestora.* Din rîndul acestor fapte de pericol fac parte: circulația ilegală a precursorilor în scopul producerii sau prelucrării substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor lor (art. 217² CP); circulația ilegală a materialelor și utilajelor destinate producerii sau prelucrării substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor lor (art. 217³ CP); sustragerea sau extorcarea substanțelor narcotice sau psihotrope (art. 217⁴ CP); consumul ilegal public sau organizarea consumului ilegal de substanțe narcotice, psihotrope sau de analoage ale acestora (art. 217⁵ CP); introducerea ilegală intenționată în organismul altei persoane, împotriva voinței acesteia, a substanțelor narcotice, psihotrope sau a anloagelor acestora (art. 217⁵ CP); prescrierea ilegală sau încălcarea regulilor de circulație a substanțelor narcotice sau psihotrope (art. 216 CP); organizarea ori întreținerea speluncilor pentru consumul substanțelor narcotice sau psihotrope (art. 219 CP). În esență, faptele infracționale menționate nu presupun traficare nemijlocită a drogurilor, ci constau în crearea unor condiții prielnice sau în facilitatea traficării acestora.

Mai este de menționat că pot fi identificate trei fapte penale care atentează la relațiile de conviețuire socială privite *stricto-sensu*: proxenetismul (art. 220 CP); distrugerea sau deteriorarea intenționată a monumentelor de istorie și cultură (art. 221 CP); profanarea mormintelor (art. 222 CP).

Prin prisma celor menționate, putem concluziona că infracțiunea de sustragere a substanțelor narcotice sau psihotrope poate fi atribuită la categoria infracțiunilor contra sănătății publice, care atentează la regimul de circulație a substanțelor

narcotice sau psihotrope. În același timp, este semnificativă și constatarea potrivit căreia sustragerea sau extorcarea substanțelor narcotice nu este o infracțiune ce vizează traficearea propriu-zisă a drogurilor, ci o infracțiune care facilitează sau creează condiții pentru traficearea acestora.

Recenzent
Iurie LARII,
conf. univ., doctor în drept

Referințe bibliografice

1. Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 161-163 din 03.12.2005.
2. Cojocaru R.Gr. Infracțiuni contra sănătății publice și a conviețuirii sociale. Seria: Drept penal (Partea specială). Chișinău: Tipografia Ștefan cel Mare, 2014.
3. Dongoroz V., Fiodor I., Kahane S. etc. Explicații teoretice ale Codului penal român, ediția a II-a, vol.-IV. București: Ed. All Beck, 2003.
4. Кузнецов А., Маршакова Н., Идрисов К. Классификация преступлений против правосудия как объект научного исследования. В: Российский судья, 2007 г., № 1.
5. Codul penal al Republicii Moldova nr. 985-XV din 18.04.2002. În: Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 128-129/1012 din 13.09.2002. Republicat în: Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 72-74/195 din 14.04.2009.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96 n 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014 с изменениями, вступившими в силу с 15.02.2014).
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть, под ред. Б. В. Здравомыслова. Москва, 1996.
8. Borodac A. Manual de drept penal. Partea specială. Chișinău: Tipografia Centrală, 2004.
9. Уголовное право России. Часть особенная. Учебник для вузов. 2-е издание переработанное, под ред. Л. Л. Кругликова. Москва: Волтер Клувер, 2004.
10. Уголовное право. Особенная часть. Учебник для ВУЗОВ. Под ред. Козаченко И. Я., Незнамова З. А., Новоселов Г. П. Москва: Изд. Норма-Инфра, 2001.
11. Максимов С.В., Энгельгардт А.А. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Под ред. проф. Л.Д. Гаухмана и проф. С.В. Максимова. 2-е изд., перераб., доп. Москва: Изд-во Эксмо, 2005.
12. Brînză S., Stati V. Drept penal. Partea specială, vol. I. Chișinău: Tipografia Centrală, 2011.
13. Cușnir V., Carp S. etc. Studiu selectiv în materie de drept penal. Chișinău: Academia „Ștefan cel Mare” a MAI al R. Moldova, 2004.

МІЖНАРОДНІ ГРОМАДСЬКІ ОБ'ЄДНАННЯ АДВОКАТІВ: ПРАВОВИЙ СТАТУС, ВИДИ, ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ

Сергій ІВАНИЦЬКИЙ,

кандидат юридичних наук, доцент, доцент кафедри кримінального процесу Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка

SUMMARY

The article is devoted to the study of organizational and legal aspects of international public bar associations. Analyzed the legal status of leading international and European public bar associations, disclosed the historical features of their occurrence. Carried out scientific classification of international public bar associations, formulated specific recommendations regarding the application in the Ukrainian legislation the positive experience of foreign public institutions. As a result of the research, the author came to the conclusion that the current state of development of international public bar associations characterize divergent trends universalization and differentiation, the most powerful, advanced and effective are integrative associations on the basis of the involvement of lawyers specialized in different fields who can offer a more comprehensive and robust platform for the exchange of ideas and experience, meet a variety of professional needs.

Keywords: attorney, lawyer, bar, public Association, a social organization, the international public bar Association, the law society, the professional Association.

* * *

Статья посвящена исследованию организационных и правовых аспектов деятельности международных общественных объединений адвокатов. Проанализирован правовой статус ведущих международных и европейских общественных объединений адвокатов, раскрыты исторические особенности их возникновения. Осуществлена научная классификация международных общественных объединений адвокатов, сформулированы отдельные рекомендации относительно применения в украинском законодательстве положительного опыта работы зарубежных общественных институтов. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что современное состояние развития международных общественных объединений адвокатов характеризуют разнонаправленные тенденции универсализации и дифференциации, при этом наиболее мощными, развитыми и эффективными оказываются интегративные объединения на основе широкого привлечения юристов различных специализаций, которые могут предложить более всестороннюю и прочную платформу для обмена идеями и опытом, удовлетворения разнообразных профессиональных потребностей.

Ключевые слова: адвокат, юрист, адвокатура, общественное объединение, общественная организация, международное общественное объединение адвокатов, правовое общество, профессиональная ассоциация.

Постановка проблеми. В складних суспільно-політичних умовах Україна неухильно крокує до імплементації європейських і світових стандартів цивілізаційного розвитку. На цьому шляху важливим є врахування позитивної практики діяльності такого невід'ємного інституту громадянського суспільства, як громадські об'єднання адвокатів. Репрезентуючи інтереси професійної юридичної спільноти, зазначеними організаціями на національному та міжнародному рівнях накопичено цінний досвід вирішення нагальних проблем адвокатської професії, який безумовно має бути використаний в процесі реформування української адвокатури. Разом з тим, розробка заходів з удосконалення законодавства про адвокатуру та практики його застосування нерідко відбувається "у відриві" від апробованих тривалим застосуванням прогресивних напрацювань закордонної юридичної громадськості.

Стан дослідження. Окремі питання організації та діяльності міжнародних громадських об'єднань адвокатів були предметом наукового аналізу у працях Т.В. Варфоломесвої, І.Ю. Гловацького, С.О. Деханова, О.Л. Жуковської, В.О. Попелюшка, О.В. Синьоокого, М.В. Руденка, О.Д. Святоцького, С.Я. Фурси, О.Г. Яновської та інших учених, проте слід зазначити, що переважна їх частина досліджувалася у зв'язку з вирішенням більш широких проблем або під кутом зору окремих аспектів. Спеціальні монографічні роботи з вказаної теми відсутні.

Метою статті є науковий аналіз правового статусу і тенденцій розвитку міжнародних громадських об'єднань адвокатів, здійснення їх наукової класифікації.

Виклад основного матеріалу. У сучасному світі функціонує досить велика кількість міжнародних громадських об'єднань адвокатів, зокрема й маловідомих, наприклад, Європейська асоціація корпоративних юристів (The European Company Lawyers Association), Міжнародна федерація жінок-юристів (International Federation of Women Lawyers), Інтер-Тихоокеанська асоціація юристів (Inter-Pacific Bar Association) та ін., при цьому ми вбачаємо за доцільне дослідити діяльність тих з них, що є провідними на міжнародному та європейському рівнях.

Міжнародний союз юристів (Union Internationale des Avocats - UIA) був заснований 8 липня 1927 року й на сьогодні налічує більше 2 тис. індивідуальних членів та 200 професійних організацій адвокатів та юристів з більш ніж 110 країн світу. Центральний офіс Союзу розташований у м. Парижі (France, Paris, 25 rue du Jour, tel : +33 1 44 88 55 66, <http://www.uianet.org>).

Статтею 5 Статуту UIA визначено п'ять категорій членства – індивідуальне, колективне, почесне, а також асоційоване індивідуальне або колективне членство [1]. На правах асоційованих індивідуальних членів до складу організації можуть входити викладачі права, судді, студенти-юристи та ін.

Вищим представницьким органом Союзу є Генеральна Асамблея. Керівні й виконавчі функції реалізують Рада керуючих та Виконавчий комітет. Цікавим є п. 19.3 Статуту, де посилаючись на необхідність забезпечення універсального характеру діяльності організації, зазначається про доцільність обрання минулого, чинного та майбутнього президента UIA з різних країн.

Міжнародна асоціація юристів (International Bar Association - IBA) утворена 17 лютого 1947 року й на сьогодні займає лідируючі позиції у світі, налічуючи у своїх лавах більше 55 000 індивідуальних членів та 206 професійних асоціацій адвокатів та правових товариств з усіх континентів. Штаб-квартира асоціації розташована в м. Лондоні (United Kingdom, London, 10 St Bride Street, 4th Floor, tel: +44 (0)20 7842 0090, <http://www.ibanet.org>).

IBA позиціонує себе як “глобальний голос правової професії”, визначаючи серед основних завдань встановлення й підтримання зв'язків між професійними організаціями адвокатів і правовими товариствами та їх членами в усьому світі; надання допомоги цим асоціаціям й товариствам, а також представникам юридичної професії в усьому світі щодо розвитку та удосконалення професійної організації і статусу; здійснення допомоги представникам юридичної професії з усього світу в галузі юридичної освіти, а

також на шляху розвитку й удосконалення правових послуг, що надаються ними населенню; просування юридичної науки на всіх етапах тощо.

Статут асоціації надає можливість брати участь в її роботі через індивідуальне членство (individual member), як організації з повноправним членством (full member organisation) або організації з підтримуючим членством (sustaining member organisation) [2, с. 3].

Вищим керівним органом IBA є Рада асоціації, до складу якої входять представники від організацій-членів, Правління (президент, віце-президент, секретар, скарбник, голова і віце-голова LPD, голова і секретар-скарбник SPPI та ін.), почесний президент тощо. Поточне керівництво діяльністю асоціації здійснює Правління. Діяльність індивідуальних членів організовується та спрямовується через два підрозділи – відділення публічних та професійних інтересів (Public and Professional Interest Division - PPID) і відділення юридичної практики (Legal Practice Division - LPD).

При Міжнародній асоціації юристів діють Інститут з прав людини (Human Rights Institute), Міжнародний консорціум правової допомоги (International Legal Assistance Consortium), Південно-африканський правовий центр здоров'я (Southern Africa Law Center for Health) та інші.

Раціональним є підхід асоціації щодо делегування юристами-керівниками частини функцій з адміністрування професійним управлінцям (виконавчий директор), а також залучення інвестиційних менеджерів для зваженого та прибуткового інвестування грошових засобів асоціації у ті чи інші активи (п.п. 4.2.12, 5.3.4 Статуту).

Американська асоціа-

ція юристів (American Bar Association - ABA) була заснована у м. Саратога-Спрингс 21 серпня 1878 року “сімдесят п'ятьма джентльменами” з двадцяти штатів та округу Колумбія. Основний офіс асоціації розташований у м. Чикаго (USA, Chicago, 321 North Clark Street, tel. 312-988-5000, <http://www.americanbar.org>).

ABA є однією з найбільш великих і потужних громадських правових організацій у світі, до складу якої входять 400 000 членів та більш ніж 3 500 організацій. Поряд з адвокатами, індивідуальними членами асоціації можуть бути юристи, які займають штатні посади в державних установах, викладачі права, судді, студенти-юристи та ін. Афілійованими членами ABA є Американська асоціація іміграційних адвокатів (American Immigration Lawyers Association), Національна асоціація генеральних прокурорів (National Association of Attorneys General), Американське товариство судоустрою (American Judicature Society), Американська асоціація правових шкіл (Association of American Law Schools), Національна асоціація жінок-юристів (National Association of Women Lawyers), Національна асоціація ЛГБТ-юристів (National LGBT Bar Association) та ін. Для кожної з цих категорій, в тому числі іноземних членів асоціації, встановлена гнучка диференційована система оплати членських внесків.

Метою ABA є відстоювання і захист Конституції США; просування юридичної науки; сприяння належному здійсненню правосуддя, забезпеченню одноманітності законодавства та судових рішень; підтримання професійної честі юриста; застосування професійних знань і досвіду для досягнення суспільного блага;

стимулювання гарних людських взаємин між членами ABA; узгодження й підтримка діяльності правових організацій в країні згідно вказаних цілей та в інтересах професії і громадськості [3, с. 1]. На розвиток поставленої мети Асоціація здійснює широку різнопланову діяльність в сфері громадського і правового життя країни, наприклад, розробляє законопроекти, відіграє провідну роль в акредитації американських правових шкіл тощо.

Найвищим представницьким органом Асоціації, що вирішує ключові питання її діяльності, є Палата делегатів (House of Delegates). Керівні функції реалізує Правління (Board of Governors), до складу якого ex-officio входять президенти минулого, поточного та наступного років, голова Палати делегатів, секретар та скарбник (ще декілька десятків осіб включаються до цього органу за результатами виборів). Основний обсяг роботи здійснюється у Секціях, Відділеннях, Комітетах і Комісіях Асоціації. Так, наприклад, активно функціонує двадцять одна секція (сімейного права, кримінального судочинства, міжнародного права, медичного права та ін.).

При ABA функціонують Фонд юстиції та освіти (Fund for Justice and Education), Американський благодійний правовий фонд (American Bar Endowment), Американська правова фундація (American Bar Foundation).

Потребує на використання в українських умовах позитивний досвід організаційної побудови асоціації, Статут якої передбачає функціонування постійного комітету із захисту прав клієнта (ст. 31.7), який, серед іншого, покликаний сприяти розширенню застосування медіації при вирішенні спорів між клієнтом і адвокатом, розвитку й удосконаленню програм клієнтського захисту, зокрема, механізмів ком-

пенсації фінансових втрат від привласнення адвокатом коштів клієнта тощо.

Міжнародна асоціація молодих юристів (Association Internationale des Jeunes Avocats – AIJA) була утворена 1 липня 1962 року. Офіс асоціації розташований у м. Брюсселі (Belgium, Brussels, Avenue Louis Lepoutre 59/20, tel:+ 32 2 347 33 34, <http://www.aija.org>). Статтею 7 Статуту AIJA до категорії молодих юристів віднесено осіб у віці до 45 років.

Асоціація складається з індивідуальних, колективних та додаткових членів. Органами AIJA є Бюро, Виконавчий комітет, Генеральна Асамблея.

Подібно до деяких інших організацій такого профілю, Статут Міжнародної асоціації молодих юристів містить вимогу належності президента і першого віцепрезидента до різних національностей (ст. 13), а також заборону приймати участь у голосуванні для осіб, які не сплатили членські внески (ст. 12).

Міжнародний Союз (Співдружність) адвокатів (International Union (Commonwealth) of advocates) був утворений 21 травня 1992 року в результаті реорганізації Спілки адвокатів СРСР за участі адвокатів держав - колишніх союзних республік. МС(С)А розміщується в м. Москві (Росія, м. Москва, вул. Покровка, б. 1/13/6, буд. 2, тел. (495)628-34-26, <http://www.mcca.su>).

До основних цілей Союзу відносяться сприяння зміцненню співпраці, солідарності і взаємодопомоги адвокатів і адвокатських громадських організацій країн СНД та інших держав; розширення їх міжнародних, професійних і культурних зв'язків; пропаганда визнаних світовим співтовариством принципів і стандартів адвокатської майстерності, моральних засад адвокатської діяльності та га-

рантій незалежності адвокатів; сприяння підвищенню правової культури населення; захист прав і свобод, честі та гідності членів організації [4].

Членами Союзу можуть бути адвокати будь-якої держави, а також спілки, асоціації та інші громадські об'єднання адвокатів, які є юридичними особами і добровільно виявили бажання вступити до організації. Окрім адвокатів, до Союзу можуть бути прийняті вчені, юристи, громадські діячі та юридичні особи - громадські об'єднання, які активно сприяють реалізації його цілей і завдань.

Діяльність МССА здійснюється в основному на території РФ, Республіки Білорусь, Республіки Грузія, Республіки Казахстан та України.

Вищим керівним органом Союзу є Асамблея, яка збирається раз на чотири роки, здійснюючи обрання Президії, Правління та Ревізійної комісії, а також реалізуючи інші повноваження.

Правління МССА є її виконавчим органом, що заслуховує звіти Президента про роботу Президії, затверджує кошторис доходів і витрат, визначає структуру, штати, розмір і систему оплати праці працівників організації, затверджує керівників постійно діючих комітетів, комісій та інших органів

Президія є постійно діючим керівним органом МССА, який здійснює права юридичної особи від імені організації та в період між засіданнями Асамблеї здійснює її повноваження, що не належать до виключної компетенції Асамблеї.

Досить своєрідним є підхід МС(С)А до визначення кількісного складу вищого керівництва, адже Союз має 1 президента, 4 перших віце-президентів, 32 віце-президента (без урахування почесних віце-президентів), 30 членів Правління.

Рада адвокатів та правових товариств Європи (Council of Bars and Law Societies of Europe - ССВЕ) була заснована у 1960 році. Ідея створення Ради уперше була оприлюднена й підтримана пасажирами, що знаходилися на борту човна, який прямував до Базеля (Швейцарія) під час конгресу іншої міжнародної організації - Union Internationale des Avocats (UIA). На той час чимало європейських юристів побоювалися за власну незалежність й потребували якісно нового представництва власних інтересів перед створеним на підставі Римського договору (1957 р.) Європейським Економічним Співтовариством.

На сьогодні ССВЕ репрезентує адвокатури і правові товариства 32 країн-членів (full members), 3 держав асоційованих членів (associate members) та 10 країн членів-спостерігачів (observer members), виражаючи через них інтереси більше 1 мільйона європейських юристів. Штаб-квартира організації розташована у м. Брюсселі (Belgium, Brussels, Rue Joseph II, 40/8, tel. +32 (0)22346510, <http://www.ccbe.eu>). Спілка адвокатів України є членом-спостерігачем ССВЕ.

Завданнями ССВЕ є представництво адвокатів і правових товариств, незалежно від того, чи є вони дійсними, асоційованими або членами-спостерігачами, з усіх питань, які становлять взаємний інтерес та стосуються здійснення професії юриста, розвитку права і практики, впливаючи на законність, відправлення правосуддя та істотні зміни до самого закону, як на європейському, так і на міжнародному рівнях; здійснення функцій консультативного та посередницького органу між членами організації, а також між членами та інституціями Європейського Союзу і Європейської Економіч-

ної Зони з усіх транскордонних питань, що становлять взаємну зацікавленість; активний моніторинг стану захисту правопорядку, основних прав і свобод людини, в тому числі права на доступ до правосуддя та захист клієнта, а також захист демократичних цінностей, що нерозривно пов'язані з цими правами.

Основними органами ССВЕ є Генеральна асамблея (General assembly), Постійний Комітет (Standing Committee), Президія (Presidency), Комітети (Committee) та робочі групи (working groups).

Генеральна асамблея, що також відома під назвою "Пленарне засідання" (Plenary Session) складається з дійсних членів, які присутні на засіданні й згруповані як національні делегації. До виключних повноважень цього органу відноситься затвердження бюджету і звітності, внесення змін до Статуту, щорічне обрання президента і віце-президентів, встановлення розміру членських внесків (підписки), прийом (виключення) дійсних і асоційованих членів, а також членів-спостерігачів, обрання голови і членів фінансового комітету [5, с. 4] та ін.

Статут ССВЕ допускає можливість призупинення реалізації права голосування у випадку несплати членських внесків (розділ VIII).

Європейська федерація адвокатів (Fédération des Barreaux d'Europe - FBE) була заснована 23 травня 1992 року в м. Барселоні, виступивши правонаступником Конференції провідних адвокатів Європи (Conférence des Grands Barreaux d'Europe). Штаб-квартира федерації розташована у м. Страсбурзі (France, Strasbourg, 3 Quai Jacques Sturm, tel: +33388371266, <http://www.fbe.org>). Незважаючи на використання у назві організації терміна "адвокатура", членство в FBE

відкрите для усіх національних та регіональних адвокатур і правових товариств, що зареєстровані у державах-членах Ради Європи. На сьогодні FBE має 250 членів, що репрезентують близько 800 000 юристів. Якщо потенційний учасник походить з держави, що не є членом Ради Європи, залучення його до роботи організації можливе у статусі спостерігача за умови визнання принципів діяльності Європейської федерації адвокатур.

Двічі на рік в одному з європейських міст FBE проводяться правові конгреси з метою обговорення та вирішення нагальних юридичних проблем й обміну досвідом.

Органами FBE є Генеральна асамблея і Президія. Експертно-аналітичну допомогу надає Консультативна рада.

У розділі VII Статуту окремо зроблено акцент на тому, що Президія (складається з Президента і декількох віце-президентів, генерального секретаря, скарбника) і склад комісій FBE мають формуватися не тільки на підставі індивідуальних знань осіб, але й урахуванням справедливого культурного і географічного балансу (розподілу).

Аналізуючи термінологічні підходи зарубіжного правового співтовариства до застосування дефініцій “адвокат”, “адвокатура” (bar) і похідних від них у назвах відповідних громадських об’єднань, слід констатувати, що у пострадянському, європейському та світовому просторі існування міжнародних громадських об’єднань із членством у них виключно адвокатів є рідким явищем; більшість об’єднань, що динамічно розвиваються, залучають до своєї роботи широкий перелік юристів інших категорій.

Висновки. Таким чином, узагальнення правової основи і практики діяльності міжнарод-

них громадських об’єднань адвокатів дає змогу здійснити їх наукову класифікацію відповідно до таких найбільш значущих критеріїв:

за суб’єктами, які залучаються до членства в організації - суто адвокатські (членами можуть бути виключно адвокати) та правові об’єднання, що залучають до своєї роботи широкий спектр юридичних професій (поряд із адвокатами, членами можуть бути юрисконсульти, судді, викладачі права тощо);

за предметно-функціональною спрямованістю діяльності - універсальні і спеціалізовані;

за ступенем активності виконання статутних завдань - громадські об’єднання з високою, середньою та низькою активністю, а також ті, що діяльності не ведуть, існуючи тільки “на папері”;

за обсягом території, на яку поширюється діяльність - глобальні та регіональні (європейські, африканські тощо).

Отже, стан розвитку міжнародних громадських об’єднань адвокатів характеризують різноспрямовані тенденції універсалізації та диференціації, при цьому найбільш потужними, розвинутими й ефективними виявляються інтегративні об’єднання на основі широкого залучення юристів різних спеціалізацій, що можуть запропонувати більш всебічну й міцну платформу для обміну ідей та досвідом, задоволення різнопланових професійних потреб.

Список використаних джерел:

1. Statutes of the de l’Union Internationale des Avocats [Електрон. ресурс]. – Режим доступу: <http://www.uianet.org/en/content/statuts-et-reglementation-en>. – Заголовок з екрана.

2. Constitution of the International

Bar Association. – London: International Bar Association, 2013. – 30 p.

3. Constitution and Bylaws, Rules of procedure of the House of delegates. – Chicago: American Bar Association, 2013. – 76 p.

4. Устав Международного Союза (Содружества) адвокатов: принят постановлением I Ассамблеи Международного Союза (Содружества) адвокатов 21 мая 1992 года [Електрон. ресурс]. – Режим доступу: <http://mcca.su/key-documents/international-union-lawyers-charter/>. – Заголовок з екрана.

5. Statutes of the Council of Bars and Law Societies of Europe: adopted at the CCE Plenary Session in Brussels on 29-30 November 2013. – Brussels: CCBE, 2013. – 11 p.

Перечень публикаций в журнале «Закон и жизнь» за 2014 год

№ 1

А. КРУПЧАН. Частноправовое и публично-правовое обеспечение развития предпринимательства в Украине

В. БАХИН, С. ЧЕРНЯВСКИЙ, Е. ГУБИНА. Об участии понятых на стадии досудебного расследования: проблемы и пути их решения

А. БЕЗУХ. Особенности правового статуса субъектов отношений в сфере защиты экономической конкуренции

А. ЖИЛА. К вопросу о соотношении регресса и суброгации в страховых правоотношениях

Н. СКРЫГОНЮК. Человек и государство (плебсологический как философско-правовой аспект)

В. НОВРУЗОВ. Сущность и необходимость гражданского общества в переходном периоде

О. ЗОРИНА. Механизм реализации прав и свобод человека – общетеоретический аспект

А. КОЛОТИЛО. Участие прокурора в пересмотре решений по делам об административных правонарушениях

О. СУПРУНОВА. Участие уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека в уголовном производстве

А. ФАРАДЖЕВ. К вопросу об определении понятий «туристическая деятельность», «туристическая услуга», «туристический продукт»

Я. ГОЛОВАЧОВ. Основания перехода прав кредитора путем суброгации и основания реализации суброгационного требования

Р. СУЛТАНОВ. Необходимость политической социализации граждан в новых демократических обществах (на примере Азербайджанской Республики и Республики Молдова)

S. SOCHIRSA. Noțiunea contractului administrării fiduciare a bunurilor

№ 2

В. ФЛОРЯ. Судебно-медицинская экспертиза по делам о «врачебных преступлениях»

Б. СОСНА, И. АРСЕНИ. Проблемы понятия усыновления в науке семейного права.

А. СОСНА. О некоторых проблемах применения и обжалования административных наказаний за нарушение налогового законодательства

А. ЖИЛА. Субъекты, объект и юридическое содержание регрессного правоотношения

Н. ГУРАЛЕНКО. Онтологические основания судебного познания: смена методологических ориентиров

В. ФЕДОРЕНКО. Понятие и сущность конституционных основ судопроизводства в Украине и зарубежных странах

Ю. БУБЫРЬ. Права подозреваемого как средство обеспечения законности его участия в уголовном производстве Украины

А. БОЙКО. Уголовно-правовые последствия судимости

Р. СУЛТАНОВ. Права и свободы человека и гражданина в Конституции Азербайджанской Республики

М. ПРОСКУРОВ. Доктринальные взгляды на право приобретательной давности

А. ВАСЬКОВЦОВ. Квалификация коррупционных правонарушений, связанных с нарушением установленных законом требований

№ 3

Г. КОСТАКИ, П. РАЙЛЯН. Конституционный суд Республики Молдова: актуальные проблемы и перспективы

А. РОМАН. Предпосылки судебно-правовой реформы в Республике Молдова

В. ФЛОРЯ. Врачебная ошибка с тяжкими последствиями и её юридическая квалификация (сравнительно-правовой анализ)

А. СОСНА. О некоторых вопросах применения мер по обеспечению иска и мер по обеспечению исполнения исполнительных документов

В. ЩЕРБАТЮК. Укрепление законодательных основ учёта, контроля и анализа в контексте судебно-правовой реформы

Г. КОСЕНКОВА. Практика рассмотрения в Европейском суде по правам человека жалоб, вытекающих из трудовых споров

А. КРАВЧУК. Понятие, сущность и цель управления государственной собственностью

О. ЧУС. Вина при присвоении лицом найденного или чужого случайно оказавшегося имущества в уголовном праве Украины

А. КОЧУРА. Отдельные аспекты правового института представительства несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе Украины: история и современность

С. ЛЕПСКИЙ. Финансовые расследования: понятие и правовое содержание

К. СПАСЕНКО. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании нарушений правил безопасности во время выполнения работ с повышенной опасностью по законодательству Украины

Ю. ДЕРБАКОВА. Право собственности: правоотношения при участии несовершеннолетних

РЕЦЕНЗИЯ на монографию кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Данышина Максима Валерьевича «Криминалистика XXI века: место в системе научного знания»

№ 4

Б. СОСНА, И. АРСЕНИ. Решения Конституционного суда как источник права в современном понимании

Г. ФЕДОРОВ, В. ТРАВИН. Особенности применения права при наличии пробелов в праве и юридических коллизий

А. СОСНА, Д. ФАКИРОВ. О некоторых проблемах реализации права на доступ к правосудию

В. ФЛОРЯ. Право на оказание бесплатных медицинских услуг должно быть гарантировано

О. ТАТАР, С. КИОСЕ. Пробелы и противоречия трудового законодательства в отношении установления испытательного срока

К. СИЧИНСКИЙ. Особенности заключения и условий договора добровольного имущественного автострахования КАСКО

Е. ЛАТЫШ. Обстановка совершения вандализма как элемент криминалистической характеристики преступления

Б. КАЧМАР. Проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности по противодействию организованной преступности в современных условиях

В. ЛУНЕЕВ. Памяти академика Владимира Николаевича Кудрявцева

№ 5

Б. СОСНА, К. СИЧИНСКИЙ. Понятие и признаки договора добровольного имущественного автострахования Каско

А. СОСНА, Д. ФАКИРОВ, В. САНДУ. Правовое регулирование особенностей, возникающих при исполнении некоторых судебных решений

НОВРУЗОВ Вугар Шахмар Оглы, ГУМБАТОВ Эльнур Акиф Оглы. Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в институте свободы передвижения

Д. СЕРГЕЕВА. Основания проведения негласных следственных (розыскных) действий согласно уголовного процессуального законодательства Украины

А. РЕВА. Проблемы правового обеспечения деятельности следователя в Украине

В. КУЧЕР. Функции прокурора в досудебном расследовании: понятие и виды

В. ТЕРЕЩЕНКО. Правовой режим объекта недвижимости, возведенного на земельном участке, не отведенном для этой цели: проблемные вопросы

Ю. КУШНЕРИК. Значение определения предмета доказывания для расследования грабежей и разбойных нападений

О. MARIAN. Cu privire la sistemul de promovare și garantare a statutului juridic al persoanei în Republica Moldova

№ 6

Г. ФЕДОРОВ, В. ТРАВИН. Понятие, структура и содержание правоприменительного акта.

Б. СОСНА, И. АРСЕНИ, И. ТЕРЗИ. Правовое регулирование арбитражного процесса в Республике Молдова

А. СОСНА, Д. ФАКИРОВ. Применение административной ответственности за нарушение налогового законодательства.

В. КУЧУК. Влияние кризиса в Украине на экономическую безопасность Республики Молдова

Гумбатов Эльнур Акиф ОГЛЫ. Социально-юридические основания прав и свобод личности: вопросы теории

Т. ПЫНЗАРУ, Р. СУЛТАНОВ. «Электронное правоительство» как часть «электронной демократии»

В. САНДУ. О некоторых проблемах увольнения в связи с сокращением численности или штата предприятия

А. КОВАЛЬСКИЙ, В. ФЛОРЯ. Как надо защищать свои права

Marian OCTAVIAN. Fundamente și principii ale statutului juridic al persoanei

В. ФЛОРЯ. РЕЦЕНЗИЯ на монографию Москаленко Виталия Федоровича, ректора Национального медицинского университета им. А.А. Богомольца (Киев), вице-президента, академика НАМН Украины, профессора, ученого с мировым именем «Концептуальные подходы к формированию современной профилактической стратегии в здравоохранении: от профилактики медицинской к профилактике социальной» Москва, Издательская группа «ГЭОТАР-Медиа» 2011 г., 240 с.

№ 7

Г. КОСТАКИ, Р. СУЛТАНОВ. Правовая и политическая культура – необходимые элементы демократического общества

Г. ФЕДОРОВ, В. ТРАВИН. Стадии правоприменительного процесса

Б. СОСНА, И. АРСЕНИ. Законодательное регулирование защиты прав потребителей

Н. СЛУТУ, Н. ГАЧАЕВА. Свобода волеизъявления сторон при заключении, изменении, приостановлении и прекращении индивидуального трудового договора

В. NEGRU, O. MARIAN. Statul ca factor decisiv de influență a statutului juridic al personalității

Irina IACUB. Spre o teorie a securității criminologice
Carolina MACOVEȚCHI. Unele aspecte privind regionalizarea în statele uniunii europene

I. BLANARI. Consecințele juridice ale supremației constituției

Gh. TRAGONE. Condițiile angajării răspunderii juridice pentru abuzul de drept

№ 8-9

Г. КОСТАКИ. Концепция и условия построения правовой государственности

А. СОСНА, И. АРСЕНИ. Проблемы ответственности в гражданском процессе Республики Молдова

К. СИЧИНСКИЙ. Понятие и значение страхового риска в договорах добровольного и обязательного автострахования

Gh. COSTACHI, T. PÎNZARU. Reflecții asupra activismului juridic al cetățenilor

А. ПЕТРОВСЬКИЙ. Підготовка до судового розгляду цивільних справ про визнання правочинів недійсними за законодавством України

Г. БОРЩЕВСЬКА. Соціальні права та інтереси працівників-мігрантів як об'єкт міжнародного захисту

Д. ЧЕРНООЧЕНКО. Реформування судової системи в Україні в 1990-х роках

S. VUȘKOVA, A. ȘHURPIȚA. Individual problems of unification of procedural terminology (on the example of legislation of Ukraine)

А. САВЕНКОВ. О восстановлении чести и достоинства незаконно осужденных лиц

С. ШИМОН. Сущность корпоративных прав: несколько ремарок к научной дискуссии

Л. БЕЗУГЛЫЙ. Состояние и тенденции незаконного воспроизведения и распространения компьютерных программ и баз данных в Украине

Gh. COSTACHI, I. IACUB. Educația cetățeniei active: conținut și valoare

M. STĂVILĂ. Caracterizarea generală a circumstanțelor atenuante și agravante, în corelație cu alte împrejurări modificatoare de pedeapsă penală

№ 10

Г. КОСТАКИ. Основные права человека и субъективные права личности

В. ПРОЦЕНКО. Комерційне посередництво: повноваження та функції агента

А. БОРШЕВСКИЙ, Б. СОСНА. Внедрение судебных уставов Александра II: бессарабская специфика и этнополитические аспекты

А. СОСНА, И. АРСЕНИ. Защита прав потребителей при перевозке пассажиров автомобильным транспортом

В. МАЗУР. Теоретико-правовые основы осуществления хозяйственной деятельности в сфере предоставления образовательных услуг в условиях инновационного развития Украины

N. TERZI. Efectele negative ale mass-mediilor

C. PISARENCO. Probleme procesuale privind valorificarea criminalistică a microobiectelor

К. СИЧИНСКИЙ. Порядок определения и выплаты страхового возмещения в договорах по автострахованию

В. ФЛОРЯ. РЕЦЕНЗИЯ. На выход в свет трехтомного издания Владимир Николаевич Кудрявцев. Избранные труды по социальным наукам в 3-х томах. М.: Наука, 2002.

№ 11

Г. ФЁДОРОВ, В. ТРАВИН. К вопросу о классификации правоприменительных актов

Г. КОСТАКИ. Конституционно-правовое обеспечение построения правового государства и защиты прав человека

Б. СОСНА. Правовое регулирование процедуры банкротства предприятий

А. СОСНА. Принципы гендерного равенства в Молдове и их защита

А. БОРШЕВСКИЙ. Законодательство российской империи по отношению к еврейскому населению Бессарабии (1812 – 1914 гг.)

В. ЕНИКОВ. Безопасность как социальное явление

А. CERCHEZ. Cercetări științifice în domeniul formelor răspunderii juridice

Н. ГАЧАЕВА. Свобода волеизъявления сторон при заключении индивидуального трудового договора

С. ПИЕВ. Особенности досудебного расследования в отношении несовершеннолетнего подозреваемого в соответствии с уголовным процессуальным законодательством Украины

V. IONAȘCU. Caracterizarea laturii obiective a infracțiunii de violență în familie